

ЕРЕМЕЙ ПАРНОВ

ТРЕТИЙ ГЛАЗ ШИВЫ

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Следователь В. К. Люсин

Еремей Парнов
Третий глаз Шивы

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

1975

Парнов Е. И.

Третий глаз Шивы / Е. И. Парнов — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 1975 — (Следователь В. К. Люсин)

ISBN 978-5-9910-3118-9

Новое расследование инспектора Люсина! Известный химик, изучавший свойства драгоценных камней, бесследно исчезает из своей квартиры. А вместе с ним — редчайший алмаз, который называют Третьим глазом Шивы. В ходе расследования инспектор узнает удивительную историю знаменитого индийского бриллианта... Есть ли связь между исчезновением профессора и тайной алмаза? Инспектор Люсин должен раскрыть эту загадку...

ISBN 978-5-9910-3118-9

© Парнов Е. И., 1975
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 1975

Содержание

Скамбха – основа мира	6
Глава первая. Стекольщик	6
Глава вторая. Происшествие	12
Глава третья. Топическое озеро	21
Глава четвертая. Первый след	25
Глава пятая. Пожар на болоте	32
Глава шестая. Попытка реконструкции	38
Глава седьмая. Алгоритм преступления	45
Глава восьмая. Многозначительные домыслы	56
Глава девятая. Волна I[1]	63
Санкхья – перечисление	75
Глава первая. Лягушка по-королевски	75
Глава вторая. Проба сил	80
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Еремей Парнов

Третий глаз Шивы

© Е. И. Парнов, наследники, 2015

© DepositPhotos.com / bigdan, InvisibleViva, mbongo, DmitryRukhlenko, inxti74, обложка,
2015

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2015

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2015

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Скамбха – основа мира

Глава первая. Стекольщик

Мертвое тело он увидел уже после того, как заполз в комнату. Домушник Фрол Зализняк, по кличке Стекольщик, слыл консерватором. Брал он, как правило, дачи и всегда одним и тем же испытанным способом: через окно. Отыскав достойный объект, Стекольщик приступал к дотошному его изучению. Через неделю-другую он уже знал все привычки безмятежных обитателей отмеченного роком дома. Оставалось лишь улучшить благоприятный момент, когда дача окажется без присмотра. Стекольщик отличался завидным терпением и никогда не торопил события. Богатейший жизненный опыт подсказывал ему, что рано или поздно подходящая ночь – надо ли говорить, что это было его излюбленное время суток? – неизбежно придет.

В считанные лихорадочные минуты, проведенные под чужой кровлей, флегматичный и обстоятельный Стекольщик преображался. Он становился быстрым и точным, словно хирург, которому предстоит в считанные минуты проделать привычную операцию.

Пока подручный стоял на стреме, или, как говорили в годы постижения юным Фролом тайн ремесла – шухере, Стекольщик любовно обрабатывал заранее намеченное оконце. Он быстро вынимал тяжелое, таинственно поблескивающее в ночи стекло, бережно передавал его подоспевшему на тихий свист корешу и ужом пролезал в комнату. Минут через пять он уже выкидывал из окна барахло. Потом начиналось настоящее дело, которому Стекольщик предавался с истинным упоением. Спрыгнув бесшумно с последним узлом вниз, он тоненькой, до блеска отполированной стамесочкой принимался счищать с пазов старую замазку. Затем разворачивал завернутый в клеенку клейкий, добротнo замешанный на олифе колоб и аккуратно вставлял стекло на старое место. Кто возьмется судить, почему он так поступал? Может быть, потому, что был, повторяем, консерватором и педантом, любил в деле чистоту. Нравилось ему и само стекольное ремесло, в коем он поднаторел до виртуозности и мог бы, если б, конечно, сменил профессию, зашибать большие деньги. Наконец, еще в детстве он прочел в какой-то детективной истории про труп в запертой изнутри комнате, и этот кошмарный случай, поставивший в тупик самого знаменитого сыщика, произвел на Стекольщика неизгладимое впечатление, запечатлелся на всю дальнейшую жизнь. Не надо думать, однако, что Фрол оставлял за собой трупы. Даже под угрозой высшей меры он не пошел бы на «мокрое». Но хорошо выпотрошенную комнату, причем закрытую изнутри, он за собой оставлял.

И вот теперь такой камуфлет! Впервые за всю многолетнюю практику. Что тут будешь делать? Неужели и впрямь мертвец?

Стекольщик чуть не споткнулся о него, когда мягко спружинил на пол с широкого, заставленного цветочными горшками подоконника. Он даже разогнуться не успел. Инстинктивно метнулся назад и боком задел эти проклятые горшки, от которых зачем-то тянулась в дальний конец комнаты, где стоял большой письменный стол, проволока. И когда один цветок угрожающе накренился, время замерло для Стекольщика и сам он замер. Только сердце гулко стучало где-то под горлом, как последний на земле маятник. Цветок – в сумраке он казался отлитым из золота – закачался в неустойчивом равновесии и рухнул на пол. Фаянсовый, в звездном голубоватом лоске горшок разлетелся, как бомба. Стекольщик так и присел, не отрывая вытаращенных глаз от темного тела на ковре. Но ничего не произошло. Тело не шевельнулось. И вообще ничего не случилось в замороженной Вселенной. Лишь подручный в кустах, обеспокоенный шумом, издал вопрошающий свист.

Только тут понял Стекольщик, что человек на полу мертв, что он не проснется от грохота расколовшегося фаянса, не бросится на грабителя, не позовет на помощь. Туго соображал

в ту минуту Фрол, медленно. Сердце все колотилось, и страх надрывно уходил из него. Стекольщик локтем отер похолодевший лоб и, не успев успокоиться, взволновался. На этот раз до тошноты и полного изнеможения, так, что даже на корточки присел. «Теперь все, – подумал он, – покойничка на мою шею навесят. Как пить!»

И он зажег фонарик, что делал лишь в самых чрезвычайных случаях. Теперь и был как раз такой чрезвычайный момент. Куда уж больше!

Дрожащий тусклый эллипс переместился от домашних стоптанных туфель из шотландки к белому, как кладбищенский гипс, лицу. Провалы глаз, заострившийся нос, вздернутый подбородок. Редкие длинные волосы словно только что причесаны. Высокий лоб с залысинами безмятежен и страшен. В одежде полный порядок, не видно следов борьбы и никакой крови нет. «Значит, сам перекинулся», – подумал Стекольщик и чуть дух перевел. Уже легче. Но положение оставалось сложным.

«Скажут ведь, что он это... того... от испуга, от одного вида моего проклятого, – вновь затосковал Стекольщик. – Лет пять, а то и все восемь за непредумышленное убийство накинут... И это ко всему, что на мне, ко всей катушечке». Хоть иди сейчас прямо на станцию Жаворонки в милицейскую комнатенку. Дескать, так и так. Ни сном ни духом.

Только глупости все это. Покойник – человек не простой, перед государством заслуженный, тут разбираться не станут. Как коршуны набросятся, разнесут на куски раба божьего Фрола. В два счета «мокрое» пришьют, подведут под высшую меру. Смываться надо, вот что, на дно залечь, в тину зарыться – и ни пузырька.

И тут идея мелькнула у Стекольщика. А что, если... Он шмыгнул носом – потекло от волнения – и вновь направил фонарь на мертвое тело посередке вытертого, в текинских ромбах ковра. Соображать начал Стекольщик. Вроде бы он хорошо все повадки жильцов изучил. Как же так получилось, что профессор в эту ночь на даче застрял, ежели завсегда по средам в городе на московской квартире ночует, потому как опыт какой-то проводит? И сестрица его, Людмила Викторовна, в Москву уехала! Стекольщик, можно сказать, лично ее на электричку 17:08 проводил. Как же он самого-то хозяина проглядел? Вот ведь незадача какая... Но коли так вышло, все быстрее стал ворочать шариками Фрол, то значит, что внезапная тут кончина случилась. Выходит, что ждут профессора в Москве – время-то всего ничего, двенадцатый час, – да не ведают, что не прибудет. Так, может, и вообще затеряться ему? Не прибыть?

Погасил Фрол фонарик и невесомой тенью прыгнул к окну. Перевесился через подоконник, свистнул тихонько.

– Тебе чо? – вылез из колючего куста крыжовника кореш.

– Плохое дело, Витёк, приключилось, – грустно вздохнул Фрол. – Хозяин-то, Аркадий Викторович, мертвый лежит.

– Ох-хо! – выдохнул Витёк. – Так ты его...

– Ты что, очумел? – повысил голос Стекольщик. – Чтоб я... – Он даже задохнулся. – Сам он, понял? Уже давно. Задубел весь.

– Что ж теперь будет? – Витёк рванул ворот, словно удушье подступило. – Вот горе-то какое! А? Эх, зачем впутал меня в такое дело, Фрол? Зачем впутал?

– Цыц! – зашипел Стекольщик. – Замажь глотку! Потом причитать будешь. Мотоцикл выводи!

– Ну, так давай вылазь! Чего ждать-то?

– Выводи мотоциклет, говорю! К забору! Потом ко мне – помогать будешь.

– Да чего там помогать, Фрол? Давай сейчас! Гори оно все синим пламенем!

– Ты что, не понял? – Стекольщик замахнулся на стоящего внизу дружка. – Чтоб сей момент был обратно!

– А, чтоб тебя!.. – Витёк с руганью скрылся в черных кустах. Зашелестели неразличимые листочки. Закачались чуть отсветы на них.

Стекольщик, высунувшись из окна, проводил его напряженным взглядом. Пропал кореш, растворился в саду. А ночь ничего себе, светлая. Сально поблескивала в углу забора затянута-тая ряской лужа. На фоне сиреневой остывающей полосы остро чернела зубчатая кайма леса. Самодовольным рокотом отозвались на крик электрички лягушки.

Стекольщик жадно вдохнул сырой, напоенный полынью и грустным запахом ночных трав воздух. Когда невдалеке послышался треск заводимого мотоцикла, он поплевал на руки и принялся за работу. Осторожно, чтобы еще чего-нибудь не зацепить, обошел разбитый цветок и склонился над телом. Прикинув, как будет способнее, стал на колени и ловко закатал мертвого профессора в ковер. Затем зажег фонарик и осмотрел работу. Остался недоволен. Ноги в клетчатых туфлях торчали наружу. Тогда Стекольщик зашел с другой стороны и раскатал ковер. Опасаясь коснуться руками мертвого тела, он осторожно подвинул его ногой, чтобы пришлось оно по диагонали ковра. От такого маневра откинулась прижатая к груди рука и с неожиданно громким стуком ударилась об пол. Падучей кометой сверкнул японский магнитный браслет на запястье.

Стекольщик толкнул эту руку носком ботинка, но она не сдвинулась с места, тяжелая, напряженная, словно налитая нездешней силой. Фрол почувствовал себя совсем скверно. Борясь с внезапно подступившей тошнотой, он окончательно махнул рукой на конспирацию и вновь передвинул рычажок карманного фонаря. Серебристую рифленую трубку с воспаленным циклопым глазом на конце рядом с ковром положил. От близости этого налитого светом глаза загорелись волоски на руке, засветились, как радужные ворсинки.

Отвернувшись от гипсового лица, Фрол поддел непокорную руку острым носком ботинка. Японский браслет жалобно звякнул. Стекольщик обернулся. Рука упала на прежнее место.

Но ковер оказался явно короток. Труп был виден с обоих концов. Тонкие алюминиевые волосы и белизна пролысин меж прядями их, скошенные каблучки и стертая резина подошв. В левую подошву намертво вмялась канцелярская кнопка.

Тарахтение мотоцикла за окном усилилось и вдруг смолкло. Стекольщик свистнул. Сразу же послышался ответный сигнал.

Фрол поднатужился и поднял страшную свою скатку. В ноздрях зашекотала душная застарелая пыль. Кряхтя от усилий, с тяжело барабаниющим сердцем, он еле дотащил ношу до подоконника. Шумно выдохнул сквозь закушенную губу воздух. Отросшая к ночи щетина на лице сделалась мокрой от пота.

– Принимай, – шепнул он подоспевшему Витькú. – Только осторожно. Тяжелый шибко... Никогда бы не подумал, что он такой тяжелый.

– Да ты что, окончательно, что ли, спятил? – злобно зашепелявил внизу Витёк. – Нам только барахла отсюда не хватало! Ишь ты, любитель сильных ощущений!

– Бери-бери, – миролюбиво кивнул Стекольщик, разворачивая скатку перпендикулярно подоконнику. – Погрузим в коляску и займемся окошечком.

– Ни в жисть! – Все сильнее распаляясь, Витёк потряс кулаками. – И тряпки отсюда не возьму! Накрыться хочешь?

– Делай, что велено... Мне и самому ничего тут не надо, – вздохнул Стекольщик. – Труп надо вывезти, вот что. Понял?

– Какой? – Испуганный Витёк от неожиданности втянул голову в плечи. – Зачем ты его трогал?!

– Надо, Витёк, так надо. – Стекольщик обреченно закивал. – Если оставим его здесь, обязательно погорим. «Мокрое» на нас навесят. Понял?

– Нет! – закричал Витёк. – Нет! Не желаю!

– Да заткнись ты! – опять замахнулся Стекольщик. – Убью! А ну, бери его за ноги! – Он толкнул скатку вперед, и она тяжело перегнулась к земле. – Бери сей момент! – И уже

спокойнее добавил: – Скроем его, к шуту, и дело с концом, не то пропадем ни за грош. Как пить! – Он щелкнул ногтем большого пальца о передние зубы и чиркнул ладонью поперек горла. – Подсоби, Витёк.

Дальше все пошло без задержки. Они опустили скатку на землю, ставшую уже сырой и холодной. Потом Стекольник прыгнул вниз и помог Витьку оттащить тело к забору, за которым стоял мотоцикл. Ботинки их и штаны внизу сразу стали мокрыми от росы. На них налипли какие-то сухие колючие семена. Руки чесались от крапивы. Острые шипы малины оставили саднящие царапины, отчетливо видимые в беспощадном свете встающей над Западной улицей луны.

– Теперь чо? – отряхивая колени, прошептал Витёк.

Был он лет на двадцать моложе тертого калача Фрола, мужика дородного, обстоятельного, и совершенно ошалел от ужаса. Двигался он как во сне, как лунатик, с широко открытыми, но невидящими глазами. Стекольник же, напротив, почти совершенно оправился и действовал в здравом уме и твердой памяти согласно намеченному, хотя и совершенно безумному в основе своей плану.

От забора он тут же шмыгнул назад к даче. Холодные ветки хлестали его по лицу, тяжело шлепались в траве потревоженные жабы. Ухватившись за подоконник, он хотя и грузно, но ловко подпрыгнул, лег животом и медленно сполз затем на дощатый пустой пол, залитый нудным касторным светом фонарика. Подхватил этот самый чуть не забытый им фонарик, обвел для верности чахлым лучом по стенам (в память врезалась почему-то диковинная картина, на которой был изображен улыбчивый человек с волосяной шишкой на темени, стоящий на диковинном цветке) и был таков.

Очутившись вновь на улице, он сразу же приступил к любимому делу, за которым и обрел уже совершеннейшее спокойствие. Бережно расстелил старую газетку, развернул клеенку с замазкой, достал из бокового кармана стамесочку. Когда все атрибуты почтеннейшей профессии оконного мастера были подготовлены, Фрол вынул специальную щеточку и старательно обмел подоконник. Столь же кропотливо отнесся он и к удалению из пазов окаменевших остатков замазки. Ни крошки наземь не уронил, все до сориночки смел в полиэтиленовый мешочек. И только после бессмысленной этой уборки он затворил пустую раму, защелкнул шпингалет и приступил к главному действию: вмазке стекла. Что там ни говори, а мастер он был выдающийся. Пяти минут не прошло, как на месте черного провала заблестело зеркало, в котором с небольшим искажением отразилась набравшая полную силу луна.

Оторвав от газеты клочок, Фрол смял его в комок и, поплевав для порядка, принялся натирать стекло. Вскоре оно засверкало, как новое. Четче обозначилась в нем и зубчатая кайма бора, серебрящаяся в холодном лунном огне.

Стекольник собрал инструмент и специально припасенной на такой случай кошкой-мотыжкой взрыхлил землю под ногами: чтоб и следа не оставалось. Пусть пребывает запертый изнутри дом (Фрол, уходя, даже крючок накинул) в нетронutom виде. О том, что он, Стекольник, вынес из дачи завернутое в ковер мертвое тело, думать не хотелось. Так уж получилось! Ничего теперь не поделаешь.

Очутившись в заглушенном крапивой малиннике, Фрол заставил Витьку перемахнуть через заборчик и передал ему их опаснейшую – будь она неладна! – добычу. Потом перелез сам, и они вдвоем упрятали ковер в коляску, застегнули на черной клеенке ее все пуговицы.

Витёк втихомолку вынул из сумки с инструментами аптечную склянку с каким-то порошком и щедро посыпал на примятую травку. Он уже больше ни о чем не спрашивал, только дрожал, как после ночного купанья в холодном пруду.

– Заводи! – скомандовал Стекольник. Надев пластмассовый шлем, усевшись на скрипучее седло, он нежно обнял друга за талию.

– Куда? – еле выдохнул тот.

– На шоссе давай и жми до самой Окружной.

– В Москву?! Да ты...

– До Окружной, я сказал! – оборвал его Стекольщик. – А там видно будет.

Витёк завел мотоцикл не сразу. Несколько раз промахивался, бил ногой мимо педали. Наконец мотор затрещал, и Витёк, резко прибавив газ, рванул с места.

– Не торопись! – властно поостерег его Стекольщик. – Ехай как надо. Все правила соблюдай. Если гаишник привяжется – нам смерть. Понял? Рублем не отделаешься, так и знай... Да фару, фару включи. Авось проскочим.

Они миновали Западную улицу и по бревенчатому мостику над кюветом свернули на просеку, которая прямиком выходила на асфальтированную дорогу. Поскрипывал шлак под колесами. Вспыхивали под фарой редкие дорожные указатели. Высоко в небе мигал красный огонек самолета. Какая-то ночная птица ухала одиноко. Было тихо на земле, тихо и хорошо.

Стал оживать и Витёк.

– Закурить бы сейчас! – мечтательно сказал он, повернув очкастое, как у пилота, лицо к Стекольщику.

– Потом, – бросил Фрол и вдруг хлопнул кореша по спине: – Вертай к станции.

– Это еще зачем?!

– Вертай-вертай, тебе говорят... Надо.

Витёк медленно развернулся, и они поехали в сторону Жаворонков, туда, где над лесом еле видимой воспаленной жилкой еще теплился отблеск отлетевшего дня. Под колесами стремительного товарняка стучали и звякали рельсы.

– Теперь стой, – сказал Стекольщик, когда они подъехали к резко белевшему во тьме каменному домику продовольственного магазина. – Притихни туточки. Я мигом.

Он соскочил с седла и, таясь в непроглядной тени, прокрался к пивному ларьку, а оттуда уже к уборной, так же отчетливо белевшей в ночи. Постояв с минуту за загородкой, Фрол вдруг затянул песню:

Ой, цветет калина
В поле у ручья...

Так с песней на устах он и вышел наружу. Воровато огляделся и затрусил к станции.

На платформе ждали поздней электрички три-четыре подгулявших дачника. С утонувших в тени сирени скамеек долетал ленивый перебор гитары, нарочито залиvistый девичий смех.

Стекольщик, не глядя по сторонам, топал к кассе. Шлем на его голове сверкал, как ночной горшок.

– Который час, дядя? – окликнул его женский голос.

Стекольщик даже подскочил от неожиданности, но не сумел сразу остановиться и сделал с разгону несколько лишних шагов. Совладав с собой, он обернулся к лавочке, на которой сидела девица в светлой блузке и лениво попыхивающий сигареткой милиционер.

– А ты у своего кавалера спроси, – внутренне весь сжавшись, нахально осклабился Стекольщик. – Чай, у него будильник имеется.

Милиционер, словно не о нем шла речь, даже ухом не повел. Только огонек его сигареты разгорался и медленно тускнел в душной и благоуханной сиреневой нише.

– У них-то есть, – девица кокетливо повела плечиком, – только они скрытничают. – И вдруг, вся подавшись к Фролу, пробасила: – Говорят, что двенадцать, а уже небось час! Так, дядя?

– Некогда мне тут с вами! – махнул рукой Стекольщик и заспешил под навес, где рядом с жестяной доской расписания была касса.

Постучав в окошечко, он приобрел билет до Москвы и, сторонясь освещенных фонарями кругов, бочком-бочком скользнул в тень. Улучив удобный момент, спрыгнул вниз и, пригнувшись, пошел под платформой обратно. Отойдя от опасной скамейки достаточно далеко, вылез на волю и подался в сторону, в кромешную тьму облетающих прилипчатым надоедливym пухом тополей. Руководствуясь больше обонянием, чем зрением, он отыскал обратный путь и вскоре был уже за магазином, где возле склада из ящиков сидел, намертво вцепившись в резиновые ручки мотоцикла, кореш.

– Где ты был? – Витёк поминутно облизывал пересохшие губы.

– Билет покупал. – Стеколыщик уже елозил, устраиваясь на заднем сиденье.

– А разве ты... Разве ты не со мной? – Витёк был явно не способен к трезвой оценке сложившейся ситуации. – Я что, один с ним? – Он покосился на коляску. – Или ты сам...

– Вот заладил – «я», «ты»... Поехали!

Витёк покорно вырулил на дорогу. Лишь потом, когда они выехали на шоссе и понеслись к Окружной, он осмелился вновь спросить:

– Зачем же тебе билет нужен?

– Мне не нужен, – последовал ответ. – Ему нужен. – И Стеколыщик похлопал по коляске.

Глава вторая. Происшествие

В четверг к концу рабочего дня старший инспектор МУРа Владимир Константинович Люсин подумал о предстоящем уик-энде. Суматошная, изнурительная неделя явно близилась к концу. Если не будет никаких авралов – так и не расставшись в душе с траловым флотом, Люсин предпочитал морскую терминологию, – надо выбираться на природу. Генрих Медведев вот уже который раз зазывает его к себе в Малино. Не худо бы, конечно, и с Юрочкой повидаваться. Но он, как это у них, писателей, говорят, весь сидит в романе, и лучше его не трогать. Пусть себе сидит. Значит, решено, подаемся в Малино. Тем более, что и Володя Шалаев там ожидается. Расскажет, что нового в мире.

С внезапной обостренной четкостью представил себе Люсин белый, несущийся по течению пар над утренним озером, глинистую пустошь, поросшую желтой сурепкой, и костерок под закопченной кастрюлей, в которой булькают в коловращении пены, лаврового листа и черных горошин перца жирные и сладкие бычки. Знаменитые малинские пресноводные бычки! Впрочем, с костерком, видимо, ничего не получится. Лето стоит знойное, сухое. Того и гляди, опять загорятся болота и едкая торфяная мгла окутает город. И так дышать нечем. Асфальт под ногами ползет. Но бычки и на электроплитке хороши. Генрих небось уже бидончик пивка припас и студит в погребе, его жена Лиля пирожков напечет с зеленым луком и яйцом. Благодать! Не забыть бы опарышей прикупить на Птичьем рынке, а то уж больно неохота копать в огороде. Ради одного бледного и немощного дождевого червя целую траншею рыть приходится...

Свет в люсинском кабинетике померк и сделался красноватым. Крестообразная тень оконного переплета съехала с голой стены и, скользнув по пыльному стеклу шкафа, с папками и справочниками в сумрачной глубине, улеглась на стальной дверце сейфа. В оранжевом подраживающем квадрате четко вырисовывались черные оспины облупившейся краски.

Люсин даже зевнул от томления и тоски.хлопотная была неделька, ничего не скажешь, сплошная, можно сказать, нервотрепка. Но если вдуматься как следует, то все зря.

Обычная учрежденческая текучка, с ее потаенными течениями, привязанностями и антипатиями. А для души – ничего...

Люсин глянул на часы, которые, по давней штурманской привычке, носил на тыльной стороне запястья, и вновь принялся за очередную отчетность. Внутренним усилием отогнал возникшую неожиданно заботу о резиновой лодке «Сирена», которую давно пора оснастить хоть каким-нибудь якорем, и попытался сосредоточиться на цифрах. Неожиданно это ему удалось, и он понял, что закончит сегодня никому не нужную и, наверное, поэтому так надоевшую ему документацию. Но зазвонил телефон, и бумага осталась незаконченной.

Люсин не сразу сообразил, какой из трех аппаратов звонит. В который раз подумал о том, что не худо бы придать этим разноцветным убийцам рабочего времени индивидуальные голоса, и взял зеленую трубку внутреннего телефона.

– Люсин слушает! – Прижав трубку плечом, он пытался еще что-то дописать, но знакомый голос начальства тут же заставил его отбросить ручку.

– Зайди ко мне, Владимир Константинович, дело есть, и, кажется, как раз по твоей части.

– Сейчас буду, товарищ генерал. – Люсин приподнялся и, опуская трубку на рычаг, другой рукой одернул сзади пиджак.

«Интересно, какое дело будет как раз не по моей части!» – подумал он и неприязненно покосился на жидкую стопку исписанных листов.

Спустившись этажом ниже, он прошел до самого конца длинного коридора и, свернув налево, толкнул обитую черной искусственной кожей дверь. Секретарша Лида меняла на своей «Эрике» ленту.

– Отстаем, Лидона, от передового опыта! – подмигнул ей Люсин. – Разве вы не знаете, что Скотленд-Ярд еще в прошлом веке перешел на двухцветную ленту?

– Жалкий импровизатор! – не повернув головы, отозвалась девушка.

– Импровизатор чего? – мгновенно отреагировал Люсин.

– Унылых шуток.

– Не забывайте! – Люсин нахмурился и угрожающе понизил голос: – Рядовой член клуба аквалангистов должен с почтением выслушивать советы своего председателя. – И вкрадчиво добавил: – Вы, если не ошибаюсь, стремились выехать в палаточный лагерь на сказочном мысе Пицунда, да еще в бархатном месяце августе?

– Это уже шантаж.

Дверь кабинета приоткрылась, и оттуда высунулся генерал.

– И как вам обоим не надоест? Заходите, Люсин.

– Одну минуту, Григорий Степанович! – заторопился Люсин. – В назидание потомству... Шерлока Холмса, конечно, знаете, Лидочка?

– Ну! – Девушка поставила наконец катушку с лентой на место и повернулась к Люсину.

– Тогда советую перечитать рассказ «Пестрая лента». Пополните сведения по части многоцветных лент к пишмашинкам.

– Брейк! – сказал генерал, втаскивая Люсина к себе в кабинет. – Дело вот какое... – Генерал прошел к себе за стол и грузно опустился в кресло с подушкой на сиденье.

– Слушаю! – Люсин сделал внимательное лицо и скромно устроился в самом конце зеленого стола заседаний.

– Садись ближе, – сказал генерал, роясь в ворохе бумаг.

Люсин вместе со стулом переместился к самому селектору. По привычке проверил зрение на огромном, во всю стену, электрифицированном плане Москвы. Различались даже самые мелкие буквы. Значит, норма.

– Итак? – выжидательно напомнил он о себе.

– Да, Владимир Константинович... – Генерал отыскал нужную бумажку и снял очки. Лицо его сразу же утратило черты суровой озабоченности. Без очков в массивной, под черепаху оправе генерал казался человеком наивным и недалеким. – Есть такой доктор химических наук, – он приблизил к себе листок с записью, – Ковский Аркадий Викторович. Не слышали?

– Никак нет, товарищ генерал, не слышал.

– Между тем гражданин Ковский, согласно заявлению Ковской Людмилы Викторовны, является выдающимся специалистом в области химии синтетических кристаллов... Так вот, Люсин, этот самый Ковский исчез.

– При загадочных обстоятельствах? – тонко улыбнулся Люсин.

– При загадочных обстоятельствах, – не принимая шуток, сказал генерал, глянув на бумажку. – Надо помочь.

– Мужчину, который исчезает от жены при загадочных обстоятельствах, далеко не всегда следует разыскивать, Григорий Степанович.

– Не понял.

– Точнее, его не следует разыскивать с милицией, потому как он может отыскаться у другой дамы, что чревато большими осложнениями для всех заинтересованных сторон.

– Хорошо излагаешь. – Генерал откинулся в кресле и покачал головой. – Чувствуется, что закончил наконец заочный юрфак.

– Не понял, – дерзко передразнил Люсин.

– У вас балаганное настроение сегодня, майор, – холодно одернул его генерал.

«Старик не в духе, раз по званию величает», – спохватился Люсин и, мгновенно перестроившись, принял подчеркнуто подтянутый молодецкватый вид.

– Виноват, товарищ генерал, обмолвился, – сказал он, вынимая руки из карманов.

– Из заявления гражданки Ковской, сестры пропавшего, – на слове «сестры» генерал сделал явственное ударение, – следует, что доктор химических наук Ковский А. В. исчез у себя на даче в Жаворонках вчера вечером... Вот вам ее телефон, созвонитесь, пожалуйста, и договоритесь о встрече.

– Ну, раз сестра, то, конечно, дело другое. – Люсин резко встал и подошел к окну.

Он с удивлением, как бы со стороны, следил за тем, как его заносит. Раздражение, которое медленно накапливалось в нем всю эту чертову неделю, сколько он ни сдерживался, ни маскировал под плоские, надо сознаться, шутки, вырвалось наружу. И где? В кабинете у начальства!.. Даже в перепалках с коллегами он и то сумел его скрыть. И вот пожалуйста.

И тут же, как нарочно, припомнился позавчерашний разговор, когда генерал распек его за неправильно составленную докладную, и недописанная отчетность – тоже приказ старика – вспомнилась и, разумеется, телефонный звонок, оторвавший его от этого документа.

– Когда пропал этот Ковский? – спросил он, не оборачиваясь.

– Она полагает, вчера ночью.

– Так-так, – сказал Люсин, подергав зачем-то шпингалет (он был целиком закрашен и поэтому не двигался). – Значит, вчера ночью. Только-то? Эта дама полагает, очевидно, что ее братец не должен сметь отлучаться по ночам... Почему мы должны так вот сразу лезть в это дело, товарищ генерал? – Резко повернувшись, он прислонился спиной к подоконнику и крепко вцепился в него руками, словно борясь с соблазном вернуться на свое место и сесть. – А что, если гражданин Ковский соизволит нынче переночевать дома?

Генерал медленно надел очки и стал внимательно разглядывать Люсина, как будто видел его впервые.

– В словах ваших есть известный резон, но почему так агрессивно? Ох, надоел же ты мне, Константиныч! – сказал он с сердцем и даже рукой махнул раздраженно. – Глаза бы мои на тебя не глядели!.. Ну, да ничего не поделаешь, сам виноват, сам. Распустил вас. – И закричал: – А ну сядь!

Люсин в мгновение ока очутился на стуле.

– Слушаю вас, Григорий Степанович, – сказал он и нервно усмехнулся.

– Ну и деятель! Ну и штукарь! – не то с осуждением, не то с восхищением покачал головой генерал и как ни в чем не бывало сухо пояснил: – Ковский исчез из запертого изнутри дома. Дверь его кабинета была закрыта на крючок, запоры на окнах замкнуты.

– Следы борьбы? – машинально отреагировал Люсин.

– Наличествуют.

– Вещи похищены?

– Только старый ковер.

– Примечательные особенности?

– Съезди и посмотри, – назидательно и вместе с тем удовлетворенно отчеканил генерал, перебрасывая через стол бумажку с адресом и номером телефона.

– Будет сделано, Григорий Степанович! – Люсин встал и почтительно наклонил голову.

– Ты мой ученик, Володя, – генерал снял очки и, морщась, потер розоватые вмятины на переносице, – ты способный парень и далеко пойдешь, поэтому я не жалею, что взял тебя из Мурманска сюда, в МУР. Но это не мешает мне с горечью сознавать, что ты распустился. Штукарем ты всегда был, и я смотрел на это сквозь пальцы. Но вот как я проморгал, что ты докатился до хамства и равнодушия, ума не приложу.

Люсин покраснел, как мальчишка, взъерошил волосы на макушке и попытался что-то сказать, возразить генералу, но тот остановил его нетерпеливым движением руки.

– Я бы понял тебя, будь тебе двадцать пять, – сказал генерал. – Но тебе уже, слава богу, под сорок. Остепениться пора. Службу исправно нести надо, а не играть в нее. И если она не

вдохновляет тебя, уходи... Ей-богу, не пожалею, хотя более талантливого сыщика у меня не было и, верно, уже не будет...

– Ну чего ты, Григорий Степанович... – растерянно промямлил Люсин. – Чего ты, в самом деле! Мы же свои люди...

– Вот именно поэтому! Ты, может, и вправду не понимаешь ничего, а мне обидно... Выполняй приказание!

– Да, – кивнул Люсин. – Конечно, Григорий Степанович. Только зря ты... Неделя, понимаешь, дурацкая, да еще эта духота...

– Хорошо, выполняй... А духота, она, братец ты мой, для всех духота.

Люсин неловко улыбнулся и вышел из кабинета.

Ах, как скверно все получилось! И, главное, не из-за чего! Шторм в стакане воды. Сам неведомо отчего расписховался и старика взвинтил.

В прескверном настроении возвратился Люсин в свою комнату. Окно выходило в затененный внутренний двор, и потому в кабинете было сумеречно. Лишь откуда-то сбоку падал косой обессиленный луч, в котором сонно танцевали пылинки. Жестко посверкивала инвентарная жестянка на ножке стола. Хмурой свинцовой синью отливала ручка сейфа.

Люсин выдвинул ящик и нашарил среди незачиненных карандашей, скрепок, резинок и кнопок тонкий длинный мундштук из слоновой кости, предназначенный для курения не то опиума, не то гашиша. Люсин купил его на толчке в Занзибаре, находясь в первом в своей жизни заграничии. С той поры прошло почти двадцать лет... Но изящный, любовно прокуранный мундштучок был все так же мил ему и дорог.

Уставясь невидящими глазами на бумажку с адресом Ковских, Люсин посасывал свой мундштучок, вдыхал хранимую им застарелую сладкую горечь, кольцами выталкивал изо рта воображаемый дым. Вот так же с пустым мундштуком в зубах сидел он в рубке полярного танкера, где курить, как известно, самоубийственно, и переживал крупный разговор с кепом. Пятнадцать лет! Удивительное ощущение прожитого. Как будто вчера это было, как будто давным-давно, но не с ним и не в этой жизни и вообще – никогда... Позвонил в научно-технический отдел. Продиктовал адрес.

Смертельно не хотелось ехать на улицу Семашко к этой Ковской Людмиле Викторовне. Мерещилась вздорная пожилая дама, ее высосанные из пальца тайны и ужасы, которые на проверку окажутся пшиком. Убрал со стола недописанную отчетность и придвинул к себе красный городской аппарат. Стараясь быть до предела экономным в словах, пригласил ее приехать сюда, на Петровку. Напомнил, что для получения пропуска необходим паспорт. Все равно, подумал он, придется осмотреть дачу, так, по крайней мере, избежим квартиры в желтом четырехэтажном доме, где елочки (так значилось в записке) на улице Семашко.

И через полчаса высокая, сухая, как виноградная лоза, женщина уже рыдала в его кабинете, откинувшись на спинку стула и прижимая к переносице мокрый платочек с затейливо вышитой монограммой.

Люсин налил ей полстакана газировки из оплетенного стальной сеткой сифона, предложил накапать валокордина.

– Да, – сказала женщина, – двадцать капель, пожалуйста.

Он полез в нижний ящик стола и достал зеленую коробочку с каплями, которые с недавних пор стал употреблять от случая к случаю, когда начинал барахлить мотор. Но Людмила Викторовна, едва глянув из-под платка на коричневую бутылочку с капельницей, зарыдала еще горше. Люсин долго не мог понять, в чем дело, и даже по рассеянности выпил лекарство сам, хотя чувствовал себя вполне сносно.

– Это же корвалол! – трагически прошептала она, когда обрела наконец способность к связной, не прерываемой рыданиями речи. – Кор-ва-лол!

– Ну и что? – недоумевал Люсин, вертя перед глазами бутылочку.

– Это же наше, наше средство! – Она раздраженно замахала рукой. – Его теперь всюду продают взамен валокордина, который больше не импортируется.

– Вот как? – удивился Люсин. – А я и не заметил.

– Бог мой! – Длинным костлявым пальцем она ткнула в потолок. – Громадная разница!

– Значит, не будете? – огорчился Люсин, пряча пузырек в коробочку.

– Это? – Она брезгливо поморщилась. – Никогда в жизни. Мне достают валокордин в кремлевской аптеке.

– Видимо, ваш брат – доктор химических наук? – Люсин участливо понизил голос, деликатно призывая посетительницу начать разговор.

– Аркаша? – Она отняла платочек от глаз и с неподдельным удивлением взглянула на следователя: – Чтоб он когда-нибудь хоть что-нибудь достал? Аркашенька, чтоб вы знали, самый непрактичный человек на свете.

Она всхлипнула, и Люсин, дабы предотвратить новый приступ слез, торопливо заговорил о какой-то совершеннейшей чепухе:

– Кто же вам достает столь прекрасное средство? – Он поморщился, так как не любил и не умел лгать, но его уже понесло: – А я так мучаюсь этим... – он скосил глаза, чтобы прочесть надпись на коробочке, – корвалолом, тогда как на меня так хорошо действует именно валокордин! Вот бы добыть бутылку!

«Фу, черт, – огорчился Люсин, – как нехорошо получилось! “Бутылку”! Можно подумать, что разговор не о лекарстве идет, а о ямайском роме».

Но на даму его отчаянная импровизация, как ни странно, произвела совершенно успокоительное действие.

– Вам я достану. – Она щедро развела руки, словно готовилась принять в объятия благодарного собеседника. – Сегодня же попрошу Веру Фабиановну.

– Веру Фабиановну? – Люсин внутренне насторожился, мгновенно припомнив хозяйку ларца, принадлежавшего некогда Марии Медичи. – Неужели ту самую? Господи, до чего тесен твой мир! Вы случайно не гражданку Чарскую имеете в виду? – Люсин почувствовал, что у него пересохло во рту.

– Как! – удивилась Ковская. – Вы знакомы с Верой Фабиановной?

– Имел честь. – Люсин церемонно наклонил голову. – Очаровательная женщина... Вот только не знал о ее высоких связях по медицинской части.

– Что вы! – убежденным тоном произнесла Ковская. – Вера Фабиановна все может. Все!

– Совершенно с вами согласен, – чистосердечно улыбнулся Люсин.

– Для вас, – она проникновенно заглянула ему в глаза, – мы достанем валокордин и даже циклодин, который еще только входит у нас в моду. Но ради всего святого, – сложив руки крестом, она обняла свои острые плечи, – отыщите Аркадия Викторовича!

– Всенепременно! – с жаром откликнулся Люсин.

Он уже знал, он уже предчувствовал, что начинается новая, чертовски трудная и интересная жизнь. Было ли то наваждением, проистекавшим от одного лишь упоминания старухи Чарской, или флюиды исходили от его собеседницы, нервной, экзальтированной, но, очевидно, весьма недалекой женщины? Этого он не знал и не задумывался над этим. Непроизвольно, вдохновенно он уже настраивался на ее волну, на ее мир, которого он еще не видел, но который уже был интуитивно понятен и близок ему.

Он вышел из-за стола и, подойдя к ней сзади, осторожно коснулся обтянутых тонкой сухой кожей пальцев, лежащих на острых ее плечах.

– Мы непременно найдем нашего Аркадия Викторовича, – проникновенно, с неподдельной убежденностью и теплотой пообещал он.

И обещание это вместе с участливым, дружелюбным прикосновением вызвали в женщине гипнотические перемены.

Она подняла на него молящие, переполненные слезами глаза и вдруг улыбнулась.

– Я вам верю! – Она храбро проглотила подступившую к горлу горечь и насухо вытерла веки. Потом раскрыла сумочку, нашла пудреницу и привела себя в порядок. Даже губы подкрасила сиреневой помадой, в тон лиловатому отливу волос. – Как вы думаете, он еще жив? – чужим, непослушным голосом спросила она и защелкнула никелированный замок сумки.

Люсин хотел улыбнуться ей, успокоить снисходительным жестом и, укоризненно покачав головой, сказать: «Ну что за вопрос такой нелепый? Конечно, жив! Как же иначе?» Но ничего не получилось. Он опустил руки и молча стоял над ней, не подвластный первоначальному движению души. Было ли то интуицией, непостоянной и капризной, в которую сам он то верил, то нет? Или же предчувствием внезапным, которое вдруг тоскливо и ненавязчиво вкралось к нему в мозг, сжало едва ощутимо сердце? Люсин ничего не знал. Совершенно ничего! Разрозненные слова «запертый на крючок кабинет», «следы борьбы» и «похищен только старый ковер» не могли сложиться в законченную картину. Даже наметки еще не было никакой, потому что женщина не успела ничего ему рассказать. Но утешить ее он не мог. И не потому, что не хотел обмануть. В таких случаях обмануть легко, в таких случаях обманывать можно. Да если бы Люсин наверняка знал, что нету в живых ее брата Аркадия Викторовича, то и тогда он, возможно, нашел бы подходящие случаю слова утешения. Но он ничего не знал, а успокоительных слов тем не менее не находилось. Нечто большее, чем знание, пришло в ту минуту к нему. Вот только не помнил он, как зовется эта смутная тоскливая тяжесть: предчувствием, интуицией или еще как? Оттого и слов нужных не находил, что не мог сосредоточиться. Вглядывался в сумеречное зеркало, вдумывался, искал причину странного своего состояния. На миг подумалось, что прав, конечно же, Юрка, и это солнце повелевает всем человеческим естеством. Что-то там изменилось внезапно в расплавленных недрах, какие-то корпускулы и лучи ворвались в атмосферу, взбаламутили кровь, и вот пожалуйста, налицо престранное состояние, когда человек теряет всякую власть над собой.

– Что с вами? – прошептала Ковская. – На вас лица нет! Умоляю! Не скрывайте от меня! Где Аркаша?

– Ничего я не знаю, Людмила Викторовна. – Люсин поморщился и замотал головой. – Спазм, видимо... Уже прошел... А о брате вашем ничегошеньки я не знаю. Час назад о нем впервые услышал, когда с заявлением вашим знакомился. Вот так! Лучше расскажите мне, как все было, а там видно будет, там что-нибудь сообразим.

– Да что же рассказывать? – Она сделалась суетливой и раздражительной. – Я все написала... Сама ничего понять не могу, недоумеваю! Места себе не нахожу!

– Ладно. – Люсин уселся за стол и посвободнее вытянул ноги. – Тогда я, чтоб помочь, несколько вопросов задам. Позволите?

– Ради бога! Сделайте одолжение!

– Начнем с азов. Какая у вас семья?

– То есть как это – какая?.. Хорошая! Интеллигентная, одним словом, семья.

– Боюсь, что мы друг друга не поняли. – Люсин уже непринужденно улыбался. – Меня интересуют остальные члены вашей с Аркадием Викторовичем семьи.

– Мы одни на всем белом свете.

– Вот как? И давно?

– С тех пор, как Аркашенька овдовел.

– Точнее, пожалуйста. Кто была его жена? Как они жили?

– Его жена, Маргарита Васильевна Званцева, была актрисой, певицей, так сказать, работала от Москонцерта. Она погибла пять лет назад в воздушной катастрофе, когда летела на гастроли... Но я не понимаю, какое все это имеет отношение к конкретному случаю?

– Очень прямое, – терпеливо объяснил Люсин. – Согласитесь, милая Людмила Викторовна, что мне необходимо ясно представить себе мир, в котором жил ваш брат, круг его инте-

ресов, состояние, так сказать, духа. В противном случае мы не сдвинемся с места. Разве можно разыскать человека, о котором ровно ничего не известно? Вот вы сказали мне, что он вдовец, и я знаю теперь, что его не нужно искать у жены, ибо таковой, к сожалению, уже нет... Напрашивается другой вопрос: дама сердца?..

– Исключено, – категорически отрезала Ковская.

– Видите ли, Людмила Викторовна, я нарочито утрирую вопросы, чтобы вы поняли круг интересующих меня проблем. Даму сердца я взял, так сказать, лишь для примера и готов согласиться с вами, что это исключено. То есть я готов просто поверить вам на слово, потому как ничего об Аркадии Викторовиче не знаю. С первого взгляда мой вопрос вроде бы вполне закономерен. Не так ли? Отчего, спрашивается, нестарому, – он покосился на собеседницу, – можно сказать, даже сравнительно молодому вдовцу и не заиметь, одним словом, симпатию, приятельницу... Но раз вы говорите – исключено, – быстро добавил Люсин, – значит, исключено.

– Да, исключено. После трагической гибели Риточки женщины перестали интересоваться Аркадией Викторовича. Он живет исключительно ради науки.

– Вот и прекрасно. В свой черед дойдет дело и до науки. – Люсин лихорадочно подыскивал формулировку очередного вопроса.

Слова «трагическая гибель Риточки» не обманули его насчет истинного отношения Ковской к покойной актрисе Званцевой. Усмешка, с какой произнесла она, «так сказать, певица», говорила о многом.

– Видимо, ваш брат не только любил жену, но и гордился ею? – Вопрос его прозвучал как утверждение.

– Да, он любил ее, – нахмурилась Ковская. – Но гордился ли? Чем, собственно?

– Ну как же? – Люсин искусно разыграл изумление. – Знаменитая актриса. Слава. Цветы...

– Знаменитая? Вы хотите сказать, что знали актрису Званцеву?

– Ну, я лично далек от театра, вообще не являюсь театралом, и поэтому... – Он замялся. – Одним словом, я не показатель.

– Зато я театралка, но о том, что в мире существует Риточка Званцева, узнала лишь накануне их скоропалительной свадьбы. Нет, я прекрасно относилась к ней и должна сказать, что она была неплохим человеком по-своему. Иное дело, кто кем должен был гордиться. По-моему, она Аркадием Викторовичем, а не он ею. Я не говорю о том, что Аркадий гениальный ученый, яркий, интересный человек. Это и так известно... У Аркашеньки золотое сердце – вот что главное! Риточку я как раз очень любила, но ему была нужна не такая жена. Нет.

– Конечно, конечно! – поспешил согласиться Люсин, поскольку эта сторона жизни пропавшего доктора химических наук стала ему ясна. На всякий случай он задал еще один вопрос, хотя не сомневался в ответе: – А вы, Людмила Викторовна, давно, простите, овдовели?

– Я вообще не была замужем, – холодно ответила она.

– Вот как?! – Его изумление получилось явно преувеличенным. Он сам почувствовал всю его фальшь и потому торопливо продолжал: – Наверное, вы целиком посвятили себя брату?

– Да. – Она тихо кивнула.

– Аркадий Викторович, конечно, сильно переживал потерю жены?

– Он был просто безутешен.

– С тех пор он живет только своими научными интересами?

– Да, – подтвердила она. – Так оно и есть.

– С кем дружит ваш брат?

– К нему приходит много людей. Самых разных. Его буквально разрывают на куски. Всем он нужен! А он, святая душа, готов отдать себя первому встречному.

– Щедрость таланта! – Люсин вовремя припомнил читанный на днях газетный заголовок.

– Вы очень правильно сказали. Именно щедрость таланта! Он всем готов помочь, объяснить, постоянно за кого-то переписывает диссертации... Буквально в любом номере научного журнала «Кристаллография» можно отыскать статью, которая кончается благодарственными словами в его адрес. Знаете эти академические обороты: благодарим за дискуссию, за ценные советы, за помощь в работе.

Люсин на всякий случай кивнул. В последнее время он всерьез занялся примыкающими к криминалистике узкими областями химии и дал себе слово, что завтра же пойдет в библиотеку и пролистает «Кристаллографию» за весь прошедший год.

– Так вот, – продолжала Людмила Викторовна, – за этими обтекаемыми фразами скрывается только одно: «Спасибо тебе, дорогой Аркадий Викторович, что ты объяснил мне, дураку, результаты моей работы».

– Не слишком ли сильно сказано, дорогая Людмила Викторовна? – Он еле сдержал улыбку.

– Увы, это так. Только один человек среди всего этого сонма химиков, физиков, кристаллографов и геологов по-настоящему достоин дружбы Аркадия. Это Марк Модестович Сударевский, между прочим его ученик и преданный сотрудник. Для нас он как родной, как член семьи... Недавно он женился. Не очень удачно, мне кажется. Так, современная пустышка. Миленькая, правда, но вкус... Эта ярчайшая помада, эти зеленые ресницы, словно у нее трахома или золотуха... Я уж не говорю о мини-мини! Обратите внимание, когда будете идти по улице, на лепесточки из замши вокруг пояса! Вот современная мода. Или, может быть, вам нравятся такие юбки? О, мужчинам они должны нравиться!

– Я не принадлежу к числу таких мужчин, – поспешил заверить ее Люсин, хотя нередко и обращал на мини-мини взор благосклонный и заинтересованный.

– Да... Так о чем это я?

– О молодой жене Сударевского.

– А что же о ней сказать? – Она снисходительно улыбнулась. – К Аркадию Викторовичу и ко мне она относится с уважением, почтительно. Не удивительно: Марик для нас – это почти сын. Воображаю, как он взволнуется, когда узнает... – Она часто заморгала и поднесла скомканный платок к глазам.

– Не надо, Людмила Викторовна, – просительно сказал Люсин. – Успокойтесь. У нас с вами каждая минута теперь на счету.

– Да-да! Это верно... Каждая минута! Мы должны спешить!

– Вот видите...

– Так спрашивайте же меня, спрашивайте! Я вам на все отвечу.

– Вы говорили, что Аркадия Викторовича окружал целый сонм ученых самых разных специальностей...

– Да, это верно, самых разных... И биологи к нему ходят, и врачи, и археологи, и историки... Он даже с писателями дружит. Вы, конечно, слышали о научном фантасте Рогове?

– Радий Рогов? – обрадовался Люсин знакомому имени. – Как же, как же, читал...

– Тогда вы, быть может, знаете и книгу его «Огненное вино Венеры»? Сюжет ее подсказал Аркаша, – сказала она с гордостью.

– Широкие же интересы у Аркадия Викторовича, – уважительно заметил Люсин. – Очень широкие...

Мысленно он уже был готов к тому, что дело ему досталось трудное и очень не простое, да, очень не простое. Поэтому он не спешил, исподволь и очень постепенно подводил Людмилу Викторовну к самой сути, к тому непостижимому пока моменту, когда доктор химических наук исчез из своего запертого на крючок кабинета.

Надо ли говорить о том, что Люсин даже не пытался связать странное это происшествие с каким-нибудь необычным физико-химическим опытом или, тем паче, с какой-то сверхъесте-

ственной дематериализацией. Старший инспектор крепко стоял на почве реальности. Он знал, что любая загадка разрешится, стоит лишь найти заинтересованных лиц. Обширные связи Ковского, свидетельствующие о его, как принято говорить в ученом мире, коммуникабельности и незаурядной эрудиции, не настораживали Люсина, хотя и был он озабочен перспективой отсеять из множества причастных к химикату людей тех, которые были или могли быть прямо либо косвенно заинтересованы в его исчезновении. Под таинственным, намекающим даже на некую трансцендентальность словом «исчезновение» скрывались вполне конкретные юридические понятия: похищение, убийство. Люсин знал это с самого начала, но, дабы не волновать и без того взволнованную сестру ученого, молчаливо мирился с ее диагнозом. Пусть пока будет исчезновение. Но ничто не возникает из ничего и не исчезает без следа в этом мире. След будет, в этом Люсин не сомневался. Он-то и приведет к тем самым заинтересованным лицам. Не надо лишь уповать на то, что путь по следу будет короток и прям. Люсин не питал на сей счет никаких иллюзий. В личной жизни они были ему свойственны, тут уж никуда не денешься, потому как долгие плавания развивают мечтательность, но в розыскной практике им, конечно, нет места.

– Простите, товарищ Люсин, – спросила вдруг Ковская, – как ваше имя-отчество?

– Владимир Константинович. – Люсин привстал: – Мне, конечно, следовало представиться с самого начала.

– Ничего. Неважно... О чем вы задумались, Владимир Константинович?

– О нашем с вами деле. – Он наклонился к ней и тихо сказал: – До захода солнца осталось совсем немного. Если верить календарю, уже через час и восемь минут станет темно. Не будем же терять время и поедem к вам на дачу.

Она засуетилась, перекладывая платочек и сумку из одной руки в другую.

– Конечно же, надо ехать... Мы поедem! – И вдруг опомнилась: – А ведь засветло нам все равно не успеть! До Жаворонков только на одной электричке минут сорок, а там еще пешком через поле и по просеке... Сколько времени упущено!

– Ничего, Людмила Викторовна, не волнуйтесь. Вот уже час, – он глянул на свой «Полет» с автоматическим подзаводом, – как у вас на даче работает наша оперативная группа. Я думаю, они успели обследовать участок и все нам с вами расскажут. А дом мы вместе осмотрим.

– Очень хорошо, – согласилась она. – У нас на даче хорошее освещение.

– У нас тоже, – улыбнулся Люсин. – Я сейчас вызову машину.

Он подвинул к себе зеленый внутренний телефон и, набрав две цифры, вызвал гараж.

Глава третья. Топическое озеро

Стекольщик с Витьком успокоили нервы хорошим уловом. Удочек они, по понятным причинам, с собой не захватили, но это не помешало им обчистить чужие верши.

Утро четверга застало их далеко от Жаворонков, аж за Павлово-Посадам, – на торфопредприятии имени Р. Э. Классона. Еще не рассвело, когда на Топическом озере они избавились от опасной ноши и, дав крюка, заехали со стороны бетонки на Заозерный участок. Стекольщик хорошо знал здешние глухие места. Лет пятнадцать назад по выходе из колонии он устроился разнорабочим в мехмастерские при местной электростанции, но долго не задержался и подался в трактористы на Голый остров. За пять месяцев сезона торфодобычи он до тонкости изучил окрестные болота, суходолы, ольшаники и островные леса. Ставил верши в озерцах и выработанных карьерах, бил птицу в камышах, однажды даже лосиху подстрелил. Славное было лето, добычливое! Молока в поселке хоть залейся, кругом ягоды: гонобобель, клюква, черника; грибы – косой косить можно. Стекольщик не раз с удовольствием вспоминал потом эту сказочную пору своей жизни. Мечтал даже возвратиться под старость в заповедные торфяные края.

А вчера, на даче у Ковских, он сразу же, как только в поисках выхода заметался, про Топическое подумал. Лучшего места и сыскать нельзя. Вокруг холодного глубоченного озера непролазный ольшаник, частый сосновый сухостой. Моховые кочки сами под ногами ходят, красная болотная жижа при каждом шаге чавкает, холодными фонтанчиками вверх брызжет. Тень, сумрак. Комарье столбом вьется. Среда бела дня поедом жрут. Непривычному человеку туда лучше не соваться. Исцарапается весь об острые сухие сучки, осокой изрежется, в паутине вывалется, а до места так и не дойдет. Устанет прыгать с кочки на кочку, хватаясь за чахлые березки. Хорошо еще, если в окно не угодит, в сплошь затянутую ряской чарусу. Стекольщик знал тайный подход к самому озеру. Не беда, что метров триста придется пройти пешком с тяжелым грузом. Зато все шито-крыто. Никто и следа не сыщет.

Так оно и вышло, как он предполагал. Благополучно миновав все посты ГАИ, они съехали с Кольцевой на Владимирское шоссе и после Кузнецов свернули налево, на Электрогорск. Машине дальше было бы не проехать. Только на дрезине или в вагончике местной узкоколейки. Но у них был мотоцикл, и Стекольщик, поменявшись с Витьком местами, сам повел его по узким, петляющим тропкам через ельники и гладкие, как аэродром, коричневые поля фрезерного торфа. В предутреннем молочном тумане легко было сломать себе шею. Но Стекольщик вел мотоцикл медленно, осторожно; часто останавливался и, напрягая зрение, вглядывался в темнеющие на пути бесформенные массы. Что это: дощатая тригонометрическая вышка или стог сена? А может, караван фрезерной крошки? Иди гадай. Порой Фрол даже по-собачьи принюхивался. Но в холодном, промозглom тумане трудно было отличить ароматный сенной дух от сладкого запаха торфяного битума. Только перегар солярки ясно чувствовался на полях. Стучали моторы, приглушенно лязгали гусеничные траки, мутно-красными маслянистыми пятнами расплывался свет далеких фар. Это ж такая удача, что фрезерование и ворошение торфяной крошки идут круглые сутки! Тем меньше внимания привлечет стрекот мотоцикла. Воистину неплохая идея пришла Стекольщику в голову.

В Заозерном уже вовсю заливались петухи и мычали коровы, когда Стекольщик с Витьком спрятали мотоцикл в мокрых зарослях черной ольхи и, ломая с оглушительным треском сухие сосновые ветки, осыпаящиеся душистой пылью лишайников и коры, потащили закатанный в ковер труп к озеру. Стекольщик, понятно, шел впереди. Чертыхался, что Витёк нисколько не помогает ему и он тащит его, как на буксире. Витёк отмалчивался, только сопел и дышал шумно, шатаясь от натуги, теряя равновесие на ходящем ходуном моховом одеяле. Лишь у самой воды, когда кончился наконец проклятый лес и пошла высокая, по пояс, режущая осока,

они остановились перевести дух. Красные, потные, в черных потеках грязи лица их были безжалостно искусаны комарьем. Чесались руки и ноги. Веки заплыли, как при жесточайшем ячмене.

Дальше начиналась вонючая грязь. Чтобы подойти к урезу воды, надо было рубить деревья и гатить дорогу.

Они растерянно переглянулись.

– А ковер этот, несмотря что старый, – сказал внезапно Витёк, – рублей триста стоит, а то и все пятьсот.

– Башки твоей дурацкой он стоит, вот что! – оборвал его Стекольщик и, коротко выругавшись, зыркнул по сторонам.

В серой редющей мгле углядел он метрах в тридцати вдоль берега исполинскую сосну, потонувшую в озере могучей вершиной. По ее стволу, наклонно уходящему в воду, можно было рискнуть приблизиться к озерной глубочине. Недаром звалась эта котловина, залитая холодной даже в июльский зной водой, Топическим озером.

– А как же мы притопим его? – спросил Витёк. – Всплывет ведь. Мешок камней нешто с насыпи приволочь? – Он задумчиво расчесывал вспухший от укусов лоб.

– Не бойсь. – Стекольщик лихо высморкался двумя пальцами. – Черная грязь сама засосет. Давай-ка к той сосне.

Они подняли скатку и, шелестя осокой, потащились к упавшему дереву, разбухшему и скользкому от воды. Осторожно уложив ношу на ствол, они взобрались на него сами и, став друг к другу лицом, подняли скатку. В полусогнутом положении, крохотными шажками – Стекольщик пробирался спиной вперед – шли они по сучковатому осклизлому бревну. И чем дальше они продвигались, тем уже и сучковатей оно делалось.

– Годи, – сказал, задыхаясь, Стекольщик, когда внизу блеснула подобная нефти вода.

Они опустили груз и неуверенно разогнулись. Озеро тонуло в клочковатом тумане. Гудящим столбом вились комары. Тяжелые зловонные пузыри змейкой поднимались со дна. От них разбегались, чуть покачивая неподвижных водомеров, концентрические круги.

– Здесь! – шепнул Стекольщик и нагнулся.

Они подняли скатку, легонько, чтоб самим не упасть, качнули ее к краю и выпустили из рук. Взлетевшая вверх ледяная жижа чернильными кляксами забрызгала лица.

Скатка упала на мелководье и тяжело ушла в грязь, которая жадно потянула ее во тьму. Болотная вонь стала еще сильнее. Все было кончено.

Обратный путь проделали налегке. Белым сфагновым мохом, пропитанным, как губка, водой, кое-как отмыли руки и лица. Потом вывели из ельника мотоциклет и махнули на Заозерное.

Стылую синеву над лесным окоемом прорезали холодные латунные полосы. Высоко в небе закружили ласточки. В темной воде карьерных ямин среди вывороченных пней и коряг плескалась рыба. Тут-то и пришла Стекольщику богатая мысль полакомиться рыбкой. Долгое напряжение требовало немедленной разрядки.

– Теперь все, – сказал он, глуша мотор. – Теперь забудь. Мы сюда отдыхать приехали, рыбу ловить.

– Рыбу? – недоверчиво усмехнулся Витёк. – Шапкой, что ли? И где? В этих канавах?

– Дура! – Стекольщик ласково дернул его за козырек и надвинул кепку на нос. – Карьеры это, понял? Здесь рыба сама собой заводится. Утки на лапах тину с икрой приносят.

– И какая же здесь рыба?

– А какая хошь. Щучки, лещи, окуньки. Только больше всего карася. Он тут с ладонь. – Стекольщик растопырил грязную исцарапанную пятерню.

– На «морду» ловят? – поинтересовался Витёк, обнаруживая причастность к отдаленным районам сибирской тундры, где отбывал наказание в одной с Фролом исправительно-трудовой колонии общего режима.

– Ага, вершами... Мы их сейчас прошупаем.

– Как же это? – Витёк сладко потянулся и прищурился на разгорающийся горизонт. – Почему ты знаешь, где снасть стоит? Такое дело проследить надо.

– Я тут все знаю, – довольно усмехнулся Стеколыщик. – Мужики друг от друга не таятся, чужого никто не берет. Вон видишь, – он махнул рукой в сторону ближнего карьера, – это Анкин колодезь. Тут завсегда лещ попадается. Там и верши ставят у белого пня. Дале будет Песочный, где караси. За ним, у Святого источника, еще карьера – Прорва и Махрютин. А рыбы там... – Стеколыщик сладко зажмурился. – Сейчас мы их объедем!

– Спать не хочешь? – спросил Витёк, заводя мотоциклет.

– Не... А ты?

– Какой уж тут сон!

– Днем отоспимся.

Но днем отоспаться не привелось.

Когда Стеколыщик разделся и полез в воду выгребать чужие верши, Витёк только воротник на пиджаке поднял и руки в карманы засунул, до того зябко ему сделалось. Но Фрол так лихо плавал саженками, нырял и отфыркивался, что дружку самому захотелось искупаться.

– Вода-то теплая? – крикнул он с обрыва.

Стеколыщик, занятый в тот момент важным делом, – перекладывал застрявших в верше карасей в майку, завязанную мешком, – даже ухом не повел. Но, приплыв к берегу и вывалив на травку трепещущих бронзовых рыбок, сказал с удовольствием:

– Вода, Витёк, что твое парное молоко. Очень советую искупаться.

Витёк искупался и совсем ожил. Люто захотелось есть, и сама собой возникла проблема, что делать со всей этой грудой рыбы. Ни подходящей посуды для ее приготовления, ни потребных для этого припасов они с собой, конечно, не прихватили. Но голова у Стеколыщика была в то утро удивительно ясной, и он все быстро решил.

– Мы с тобой что сделаем? – Он продул папироску и закусил гильзу. – Перво-наперво съездим в поселок и нальем свежего молочка, сметанки опять же купим...

– Картошки хочется, – сообщил Витёк.

– Ты погоду... В десять часов тут лавка откроется. Все, что надо, там возьмем. Понял? А картошечку самим накопать придется. Руки не отвалятся... Чугунок али сковородку у баб подзанять можно. Нам дадут, мы люди денежные. – Стеколыщик ухарски подмигнул и широким гусарским жестом вытянул из бокового кармана комок смятых пятерок и трешек. – Хоть фарты мы не имели, но за избавление от опасности моём.

– Самогонку тут, конечно, уважают, – понял намек кореш.

– Зачем отравлять себя самогонкой? – пожал плечами Стеколыщик. – «Экстру» купим. Хотя в мое время тут действительно ловко гнали из гонобога. Чистая, как слеза!

Переложив рыбу травой, чтоб не усохла, они оседлали пропыленную «Яву» и покатали в поселок.

В кулинарных хлопотах и погоне за удовольствиями незаметно прошел день.

Уже в сумерках, отяжелев, как удавы, и под изрядным газом, Стеколыщик с Витьком добрались до озера Светлого, где и решили заночевать на суходольном пятачке посреди осушенной луговины.

В воздухе неслышно метались летучие мыши. Чудно пахла скошенная трава. С озера тянуло прохладной свежестью. Они запалили костер и, когда березовый сушняк загорелся, побросали в пламя сухие сосновые ветки и вырванный из моховых кочек багульник. Затрещала

смолистая хвоя, удушливым горьким туманом поплыл над землей, отпугивая всякую летучую нечисть, тяжелый дым багульника.

Ночной мрак замкнулся вокруг костра. Стояла непривычная тишина. Только пламя гудело, шатаемое ветром, да изредка постреливали угольки.

Стекольщик, мастер на все руки, накалил сковороду, опростал в нее полбанки густой сметаны и, когда та пошла пузырями, стал подкидывать выпотрошенных перочинным ножом карасиков.

Ветер усилился, и можно было не раздувать подернутые сизым пеплом уголья. Золотые искры уносились куда-то в непроглядную черноту озера, шелестящего ивой и камышом. Временами ветер менялся, и розоватый дым улетал вместе со жгучими звездочками в сторону луга, отрезанного от фрезерных карт сухим в эту пору магистральным каналом.

Караси запекались дружно, и в предвкушении вожаемого мига дегустации Витёк обстоятельно разливал «Экстру» в алюминиевые кружки, следил, чтоб вышло поровну, справедливо. Закончив работу, он облизнулся и потер руки. Стекольщик одобрительно покосился на свою кружку и стал крошить на березовой чурке молодой зеленый лучок.

Потом их сморил сон. Они блаженно растянулись на травке и безмятежно захрапели, накрывшись клеенкой, отстегнутой с мотоциклетной коляски.

Ветер между тем буйно задувал с разных сторон. Он кружил по часовой стрелке над суходолом, наливая внутренним светом матово-красные стеклянные угли.

Глава четвертая. Первый след

В тропиках темнота наступает почти мгновенно с заходом солнца, и обезьяны горестными криками провожают закатившееся за горизонт светило, словно навсегда прощаются с ним. Но в Подмосковье, особенно во время летнего солнцестояния, свет меркнет медленно и лениво. Уже закрылись одуванчики на пустыре и смолкла кукушка в березовой роще, уже поплыл над дачными заборами горьковатый тревожный запах ночного табака и пятнистая сетка теней накрыла теплую, перемешанную с сосновыми иглами пыль, а золотой свет мерцает еще за околлицей, грустно поблескивает через листву.

В такой вот час, когда в притихшем холодеющем воздухе далеко разносится каждый звук и смазываются, лиловея, четкие очертания теней, оперативная «Волга» въехала на Западную улицу и остановилась у зеленой калитки с прорезью для почтовой корреспонденции. Выложенная шиферной плиткой дорожка петляла между сосен.

Люсин – он сидел рядом с шофером – вылез из машины и предупредительно распахнул заднюю дверцу. Он помог Людмиле Викторовне выйти и, пропустив ее вперед, огляделся. Микроавтобус с синей мигалкой на крыше стоял на другой стороне дороги, в горбатом переулочке, где возле артезианской колонки буйно цвела пыльная акация.

Ковская, которая за время пути не проронила и двух слов, тяжело вздохнула и, прижав руку к сердцу, обернулась к Люсину:

– А вдруг он там?.. Дома...

Люсин тихо покачал головой. От эксперта-криминалиста Крелина он уже знал, как обстоят тут дела. Недаром же стоял у него в машине радиотелефон... Нет, Аркадий Викторович домой не вернулся.

Она потому и притихла, что надеялась на это. Ей так хотелось верить...

– Я почему-то боюсь. – Она закусила губу и умоляюще взглянула на Люсина.

– Не надо, Людмила Викторовна. – Люсин улыбнулся ей и толкнул калитку. – Идите к себе. Вам нужно отдохнуть.

– А вы?

– Я зайду минут через двадцать... Да, одна просьба: ничего не трогайте, пусть все остается на своих местах. Хорошо?

– Конечно, конечно... Разве я не понимаю? Я и пальцем ни к чему не притронусь. Как только прилетела сегодня утром на дачу, так...

– Вы очень правильно все сделали. И хорошо, что сразу же обратились к нам.

Люсин вспомнил сегодняшний разговор с генералом, и ему стало немного не по себе. Получалось, что Григорий Степанович как в воду глядел, хотя, кроме заявления Ковской, никаких сведений у него не было. Вот это и есть интуиция. Впрочем, интуиция ли? Может, все решил старый ковер? Это очень плохо, когда вместе с человеком пропадает только ковер. Или плед. Или одеяло. Связь тут, как правило, однозначная. Конечно, запеленать можно как мертвого, так и живого...

– Привет, Люсин. – Дверца автобуса распахнулась, и высунулся Крелин. – Мы тебя ждем.

Люсин заглянул в машину. Кроме шофера Коли и Крелина, там сидел еще новый люсинский помощник, инспектор Глеб Логинов.

– Глеб, сходите за понятиями и приступим к осмотру! – сказал Люсин.

– Всего минут пять как управились. – Крелин аккуратно поставил свой чемоданчик. – Ты вовремя поспел.

– Пройдемся по участку? – предложил Люсин. – Там все и расскажешь... А чемоданчик захвати, пригодится еще.

– Зачем? Когда станем осматривать дом, Глеб принесет и пригласит Людмилу Викторовну. Верно, Глеб?

Логинов кивнул.

– Ладно, пусть так, – согласился Люсин.

Крелин вылез из микроавтобуса, и они пошли к даче.

Участок у Ковских был большой, с полгектара, наверное, но изрядно запущенный, поросший дикой травой. Ни клумб, ни куртин, ни грядок с клубникой. Только овсюг да пырей, чистотел да крапива. Возле дома выросло несколько старых сосен, в дальнем конце белели березовые стволы. Малина и крыжовниковые кусты вдоль забора перемежались самовольно вселившимися кленками. Только у гаража, выложенного под грот гранитными валунами, растительную стихию нарушило вмешательство человека. На искусственном пригорке, декорированном замшелым пнем, красовалась тройка голубых елей.

– Своеобразно, – оценил Люсин и, поманив за собой Крелина, пошел в обход дома.

– Домик тоже ничего себе, – заметил Крелин. – С башенкой. И крыша черепичная.

– На фламандскую мызу похож, – сказал Люсин, невольно любуясь каменной, грубо оштукатуренной стеной, по которой причудливо вились лозы дикого винограда. Под стать были и замшелая на северном скате остроконечная крыша, и флюгер на башенке, и абсолютно не похожие друг на друга окна.

Они-то и заинтересовали Люсина в первую очередь. Он еще раз обошел вокруг дачи и, кинув беглый взгляд на широкую каминную трубу, остановился у закругленного сверху трехстворчатого окна.

– Здесь? – усмехнулся Люсин.

– Здесь, – кивнул Крелин. – Судя по всему, выставили стекло, а потом опять вмазали. Замазка совсем свежая.

– Отпечатки есть?

– Ни одного, – махнул рукой Крелин. – Надо будет еще изнутри взглянуть.

– Ага, посмотрим. А работка как? Мастерская?

– О да! Профессионал!

– Профессиональная преступность у нас ликвидирована.

– Как социальное явление, – уточнил Крелин.

– Угу! – Люсин легонько поковырял замаску ногтем. – Я так и подумал, что здесь... Через камин-то оно хлопотнее. Не так разве?

– Два других окна высоко – нужна лестница, – поддержал его Крелин. – Остальные слишком узки – неудобно опять же. Я тоже остановился на этом. К тому же оно затенено кустами и выходит на тихую улицу.

– Приятно следовать чужой логике. – Люсин присел под окном и набрал в пригоршню немного земли. – Это вдохновляет. Внушает успокоительную мысль, что ты не глупее других. Иначе и рехнуться недолго.

– Еще бы! – откликнулся Крелин. – Похищение из запертой комнаты!

– Землю ты разровнял?

– Нет, – отрицательно покачал головой Крелин. – Он. Но след все же остался. Правый каблук. Очень характерный скос с внутренней стороны. Землю мы тоже, конечно, взяли. Он хоть и профессионал, но, видать по всему, дурак. К чему эти дешевые штучки?

– Слепок хорошо получился?

– Отменно. На диметилсилоксане выявилась даже крохотная вмятинка, оставленная на каблуке каким-то острым предметом. Похоже на осколок стекла.

– Не удивительно, раз тут стекольные работы велись. Старик, между прочим, тоже уважает профессионала. Воспоминания молодости... А кровь ты где обнаружил? Там? – Люсин махнул рукой в сторону забора.

– Да. В кустах. Скорее всего, он на гвоздь напоролся или шипами исцарапался. Во всяком случае, не стеклом порезался, потому что я здесь все люминолом опрыскал – никаких следов.

– Жаль. Если поцарапался, то крови кот наплакал. На анализ не хватит.

– Ну, группу-то мы как-нибудь установим.

– Пошли к забору. – Люсин зализал ужаленную крапивой ладонь. – Почему ты думаешь, что их было именно двое?

– Я так не думаю.

– Но позволь, ты же сам только что сказал мне об этом по телефону! – удивился Люсин.

– Ничего подобного я тебе не говорил. Я, Владимир Константинович, точность люблю.

– Извини. – Люсин задумчиво поскреб затылок. – Комары, однако, начинают наглеть.

– Их время настает, – флегматично заметил Крелин.

– Да, – продолжал Люсин. – Ты действительно не говорил, что их было двое. Они тащили вдвоем – это да, а так их могло быть сколько угодно...

– Другой коленкор.

– Другой. – Люсин сосредоточенно уставился в траву. – Будь он один, ему пришлось бы либо тащить по земле, либо взять на плечо. В первом случае волокна ковровой основы оказались бы в самом низу, во втором – на уровне плеча...

– Но мы нашли их примерно в полуметре от земли. Следовательно, труп несли двое, на руках и чуть пригнувшись.

– Так уж сразу и труп!.. С трупом ты, Яша, погоди. К тому же их могло быть и трое. Один впереди, два сзади или наоборот. Разве не так?

– Возможно, – подумав, согласился Крелин. – Но суть от этого не меняется.

– Не меняется, – вздохнул Люсин. – Где же они перелезли через забор?

– Тут, – уверенно сказал Крелин и дунул на тонкую паутинку – идеальный подвесной мост, протянутый между двумя соседними перекладинами.

– Почему?

– Мотоциклет стоял именно здесь. Об этом свидетельствуют следы масла... Накапало.

– А куда они поехали? К станции?

– Туда. Только след скоро теряется. Вон за тем мостиком. – Крелин кивнул на белеющий в конце кривой улочки березовый настил.

– И порошок здесь рассыпан?

– Больше всего именно на этом месте.

– А что за порошок, не знаешь?

– Пока нет. Я было подумал, что это нюхательный табак, но уж зело вонюч. Явно какая-то химия.

– Тут вообще сплошная химия, Яша. – Люсин сначала стал на колени, потом пригнулся до самой земли. – Хозяин-то тоже химик... А порошок, ты прав, благоухает. Тошнотворный запах! Интересно, как он его сыпанул: сюда или отсюда?

– Какая разница?

– Разницы, может, и никакой, а все равно интересно. Больше ничего не нашел?

– Окурки только.

– Тут же?

– Там, за забором. «Беломорканал» с характерным прикусом. Сравнительно свежий.

– Случайный может оказаться.

– Все возможно.

– Хорошо, Яша. Спасибо тебе. Как говорится, на пять с плюсом.

– И тебе спасибо. Пойдем в дом?

– Пора, брат. К тому же смеркается... А знаешь что? Пошли-ка ты этого парня, Глеба, погулять. Пусть по соседям пройдет, с участковым поговорит. Может, кто чего и заметил.

– Не исключено. – Крелин сдул приставшую к пальцам землю. – Так ты иди пока, а я распоряжусь. И чемоданчик возьму.

Люсин пригнулся и боком пролез через кусты. Следом за ним зашуршал листвою Крелин. Утопая по пояс в травах, они дошли до выложенной шиферной плиткой тропки, где и расстались. Люсин обогнул дом – вход находился по другую сторону от трехстворчатого окна, – а эксперт-криминалист напрямик направился к калитке.

На Западной улице уже зажглись фонари. В ранних сумерках они казались мертвенно-зеленоватыми. Было слышно, как бились о стекла колпаков тяжелые майские жуки. Совсем близко на полную мощность ревел транзистор.

Со стороны станции полыхнула дальняя зарница. По верхушкам деревьев прошелестел короткий порыв ветра. Ближайшая к дому сосна скрипнула, где-то вверху от нее с треском отлетел кусочек коры.

Когда Люсин, вытерев ноги о резиновый коврик, постучался в дверь, ветер вновь налетел, и с еще большей силой. По крыше застучали шишки.

«Видимо, будет гроза, – подумал Люсин. – Хорошо бы чайку попить из самовара с крыжовенным вареньем... Сосновые шишки жар долго хранят».

Людмила Викторовна вышла к нему с тихим отчаянием в глазах.

– Что же делать, Владимир Константинович? Что делать? – шепотом спросила она, прижимая к плоской груди невесомые, со вздутыми венами руки. – Ведь время идет!

– Ждать, Людмила Викторовна, ждать. – Люсин осмотрелся и нашел дверь, ведущую в комнату, где должно было находиться окно. – Здесь кабинет Аркадия Викторовича? – Он потянул на себя синюю стеклянную ручку.

– Здесь, здесь, – заторопилась Ковская. – Я как примчалась сегодня утром из Москвы, так сразу сюда и кинулась. «Аркаша! Аркаша!» – кричу, а он не отвечает. Подергала дверь – заперто. Хотела на помощь звать, тут крючок и отскочил. А там – никого...

– Понимаю, – сказал Люсин, входя.

Остановившись на пороге, он медленно обвел взглядом комнату. Трехстворчатое окно находилось слева. На подоконнике стояли два цветка в фарфоровых вазах с синим восточным узором. На некоторых листочках виднелись белые наклейки, от которых была протянута закрученная пружиной медная проволока. Третье растение странного золотистого оттенка, тоже опутанное проволокой, было сломано и валялось на полу среди комьев земли и осколков фарфора. Землю явно кто-то растер ногами. Скорее всего, для того, чтобы скрыть следы. Но сделано это было второпях. И Люсин уловил контуры отпечатков. Остатки земли виднелись и на подоконнике. Проследив взглядом за проволокой, Люсин обратил внимание на серый застекленный железный ящик с бумажной лентой и печатающим устройством. Это был электронный потенциометр ЭПП-09. Точно такие же Люсин видел в лабораториях научно-технического отдела. Он знал, что прибор позволяет снимать показания сразу нескольких датчиков, печатая их номера на разграфленную ленту.

У противоположной от двери стены, под круглым окошком, стоял необъятных размеров письменный стол. Он был завален книгами, папками, клочками миллиметровки и кальки. Рядом с массивным письменным прибором из бронзы и толстого стекла стоял бинокулярный микроскоп, окруженный всевозможными бьюксами. Люсин не знал, на чем остановить взгляд. На столе валялись баночки с реактивами и препаратами, стержни от шариковых ручек, стертые ластик, огрызки карандашей, золотистые, синие и розовые кристаллы, тюбики с клеем, окаменелости, образцы пород и минералов, очки, хирургический скальпель, логарифмическая линейка, циркуль... В розетку через тройник были подключены осветитель микроскопа, вычислительная машинка и настольная лампа. Под столом громоздились рулоны чертежей и стояла на чугунной опоре химического штатива пишущая машинка в голубом футляре. По всему полу в изобилии валялись скрепки. На продавленной качалке кое-где были сло-

жены листы гербария, прижатые бронзовым пресс-папье в виде сфинкса. Тут же лежали синяя пачечка дешевых сигарет «Дымок», позеленевший пятак, стеатитовая печатка, обгрызенная коробка спичек и пластмассовая мухобойка со следами точных попаданий.

Справа от стола угрюмо чернело холодное жерло камина. На каменной стойке пылились бронзовые часы с черным зодиакальным циферблатом, хрустальная вазочка с сухими бес-смертниками и фото, запечатлевшее молодую улыбающуюся пару. Люсин решил, что на фотографии засняты Аркадий Викторович и его покойная жена.

Еще в кабинете стояла вытертая бархатная кушетка, на которой лежали вышитые болгарским крестом подушечки. Над кушеткой висела картина в тонкой золотой раме. Она изображала странный зеленый ландшафт, неправдоподобные розовые облака и стоящего на цветке человека с равнодушной, бесстрастной улыбкой. Люсин заинтересовался картиной и подошел поближе. Улыбающийся человек (лицо золотое, одежды красные, волосы как синяя башенка) левую руку вверх поднимал, а правой в землю указывал. В поднятой к луне и солнцу руке была у него цветущая ветка, а в опущенной долу – чудный, алые лучи испускающий самоцвет. Ничего подобного Люсин в жизни не видывал, но что-то шепнуло ему: Будда. И он даже не усомнился, что перед ним именно Гаэтама Будда. А там и память заработала – прочитанное припомнилось, и догадался Люсин, что стоит Будда на священном лотосе.

Людмила Викторовна, затаившаяся у Люсина за спиной, нашла нужным пояснить:

– Это тибетская танка семнадцатого века. Какой-то лама писал ее в горном монастыре всю жизнь. Аркаша говорит, что она вдохновляет его на поиски.

«Вдохновляет так вдохновляет, – подумал Люсин. – Нас это не касается. Пойдем дальше».

Он переключил внимание с картины на большой аквариум, установленный на подставке из сварных уголков. Вода из него испарилась на добрую треть, а на стекле вырос коричневый налет, мешавший видеть рыбок.

Редко воду менял Аркадий Викторович... Совсем как Юра Березовский.

Люсин машинально воткнул в розетку вилку рефлектора, и аквариум осветился. В зеленой опалесцирующей воде плавали усатые гурами и разноцветные петушки. На дне, вздымая облачка мути, рылись в отбросах стеклянистые креветки. Их в аквариуме было куда больше, чем рыб.

«Век живи – век учись, – подумал Люсин. – Оказывается, и креветки бывают пресноводные, не только бычки. Жаль, мелкие. Это тебе не дальневосточный чилим, не тропические лангустины. Вот то креветки!...»

Он выключил рефлектор и повернулся к окну, по обеим сторонам которого стояли стулья. Пыль на них казалась нетронутой. Зато с подоконника явно были сметены следы грязи.

– Вы здесь ничего не вытирали? – спросил Люсин на всякий случай, повернувшись к Людмиле Викторовне.

– Боже упаси!

Люсин взял увеличительное стекло и, встав на стул, осмотрел каждый сантиметр замазки. Папиллярных узоров на ней не было.

Справа от окна, ближе к столу, стоял еще один венский стул, а на нем – банка с хитрой откидной крышкой. Люсин осторожно тронул пальцем дюралевый рычажок, и крышка стала стоймя. Едко, до боли в глазах, пахнуло формалином. Пять мертвых креветок валялись на дне. Черные бисеринки их глаз побелели.

– Вы уверены, что пропал только ковер? – спросил Люсин.

– Уверена. Что же еще, когда все на месте?

– Мало ли... А в столе? Бумаги, записи...

– Это может быть. Я о ценных вещах говорю.

– Иногда бумаги ученого стоят подороже банкнот и акций.

– Вы думаете, тут поработал шпион? – прошептала она. – Диверсант?

– Я ничего не думаю, – буркнул Люсин. – Ничего пока не известно. Ваш брат курил? – В глаза ему бросилась синяя пачка.

– Никогда в жизни.

– Вот как? – Люсин мгновенно натянул на правую руку резиновую перчатку и взял сигареты. – Трезвого образа жизни был человек!

– Ну, этого бы я не сказала, – задумчиво произнесла Ковская. – Он иногда выпивал. Представьте себе, даже чистый спирт. Изредка, правда. Вот ужас!

– Это не ужас, – рассеянно покачал головой Люсин, осматривая пачку. – Откуда у него сигареты?

– Ах, эти... – Она улыбнулась. – Он из них настойку делал.

– Что?! Какую такую настойку? – Люсин был озадачен.

В пачке, надорванной сбоку, не хватало одной сигареты, и казалось невероятным, что именно она пошла на приготовление загадочной настойки, даже если смириться с мыслью, что кому-то вообще могла прийти в голову столь экстравагантная затея.

– На воде. От тли... Цветы, которые нужны Аркаше для опытов, облепила тля...

– Понятно! – Люсин отвернулся, скрывая улыбку. – Ваш брат уничтожал табачной настойкой тлю. Так-так... И сколько же сигарет шло на приготовление такой отравы?

– Не знаю, право... Видимо, вся пачка? Я так думаю...

– Но не одна сигарета?

– Нет, конечно же, не одна.

– Кто же тогда взял отсюда сигарету?

– Н-не знаю!

– Аркадий Викторович точно не курил? Ни при каких обстоятельствах?

– Совершенно точно. Можете быть в этом уверены.

– Но кто-то взял сигарету... Весь вопрос в том, выкурил он ее или нет. И где именно выкурил, – пробормотал Люсин и, став на четвереньки, заглянул под кушетку.

Окурка не было видно, но зато он нашел обгорелую спичку.

Отряхнув колени, прошел к качалке и, взяв коробку спичек, спросил:

– Это ваши?

– Наверное! Почему я знаю?

Но спичек в коробке не было. Вместо них там лежали ржавые бритвенные лезвия. Возможно, они нужны были Ковскому для его опытов с растениями...

Люсин прочитал английскую надпись на этикетке. Экспортные спички. Значит, довольно толстые... Правильно, так и написано: пятьдесят штук. Эта же – он повертел в руках свою находку – тоненькая. Значит, не отсюда...

Он вынул из бокового кармана никелированный футлярчик и аккуратно уложил в него спичку. Бросилось в глаза зеленое пятнышко под обгорелым ее острием.

– Разрешите войти? – послышался сзади голос Крелина.

– Пожалуйста, – пригласил Люсин. – Ждем. Позвольте, Людмила Викторовна, представить вам моего коллегу Якова Александровича Крелина.

– Очень приятно! – Ковская поджала губы.

Крелин молча поклонился и, увидев отпечатки следов по рассыпанной земле на полу под окном, взялся за фотоаппарат. Ослепительно сверкнул блиц. Потом еще раз.

Люсин же в это время исследовал кушетку: искал следы пепла.

– Я вам не мешаю, товарищи? – поинтересовалась Ковская.

– Нисколько, Людмила Викторовна, – улыбнулся ей Люсин и тихо сказал Крелину: – Опрыскай здесь люминолом... Где лежал ковер, Людмила Викторовна? – спросил он.

– Вон там, – показала она на середину комнаты.

Крелин сделал еще несколько снимков интерьера и, отложив камеру, склонился над своим чемоданчиком. Достав оттуда флакончик с пульверизатором, он начал методично опрыскивать стены и пол. Особенно тщательно оросил он окно и то место, где, по словам Ковской, лежал ковер.

Но нигде не вспыхнуло синее люминесцентное пламя. Либо вся кровь осталась на ковре, либо в этой комнате вообще не было пролито крови.

– Ничего, – сказал Крелин. – Ты что-нибудь нашел?

– Табачный пепел, – задумчиво нахмурился Люсин. – Знаешь что, Яша? Пока Глеб бродит окрест, попробуй-ка поискать одну вещь.

– Что тебя интересует?

– Это. – Люсин показал глазами на пачку «Дымка». – Если предчувствие меня не обманывает, должен найтись окуроч.

– Выйдем на минутку, – потянул его за рукав Крелин.

Они вышли на крыльцо. Было темно и ветрено.

– Стоит ли включать прожектор? – спросил Крелин. – Привлекать внимание? Тем более, что мы облазили каждую пядь... «Беломорку» ведь нашли...

– Где? – резко спросил Люсин. – Там, где предположительно стоял мотоцикл? А в саду, в траве?.. А там, на дороге? – Он махнул рукой в сторону Западной улицы, откуда до них долетали шаркающие по асфальту шаги и приглушенный смех.

– Прочесать траву мы сможем только утром, – твердо сказал Крелин. – Улица – другое дело. Хотя совершенно ясно, что они приехали и уехали оттуда. – Он кивнул на кусты у забора.

– Ничего мне не ясно, – вздохнул Люсин. – На Западной следов мотоцикла нет?

Крелин отрицательно мотнул головой.

– Все равно, Яша, надо искать. Бог с ним, с садом. Ты совершенно прав. Подождем до утра. Тем более, ничего тут не изменится, не пропадет. Иное дело – улица. И так сколько времени упущено! А ведь «Дымок», почитай, каждый третий таксист курит...

– Ладно, Володя, – кротко согласился Крелин, – пойду поищу на улице. Пошукаю трошки, как говорит наш Шуляк.

– Пошукай! – потрепал его по плечу Люсин. – А я тут с хозяйкой переговорю. Пора узнать наконец, чем занимался ее Аркадий Викторович.

Он раскрыл дверь, но едва успел войти в коридор, как она с пушечным грохотом захлопнулась, чувствительно ударив его по спине.

«Разыгралась непогода, – подумал Люсин, – порывчик баллов на восемь. Нет, не найти Яшке окурка. Унесет все, к чертовой бабушке...»

Глава пятая. Пожар на болоте

Стекольщик продрал глаза на рассвете. Долго не мог сообразить, где находится и как сюда попал. Начисто память отшибло. Потом до него дошло. Бросив хмурый взгляд на свернувшегося калачиком Витькѧ, он сладко потянулся и вылез из-под клеенки. Костер за ночь прогорел. Холодные черные угли покрылись голубоватым инеем пепла. Фрол нарвал пучок росистого клевера, попытался вытереть руки, жирные от сажи. Чувствовал себя он скверно. Сырое, холодное утро внушало отвращение, равно как остатки пира и черные букашки, нашедшие гибель в стеклянной банке, из которой он так лихо пил накануне. А тут еще туман ел глаза, першило в горле от гари.

«Ну и дымище они развели у себя на электростанции! – подумал Стекольщик. – Никакого порядка нет. Куда только охрана труда смотрит!.. А может, это и не электростанция вовсе, а торф горит? Он же загорается сам по себе, от внутреннего сугрева...»

Стекольщик огляделся, но сквозь продымленный туман видны были лишь вышки электропередачи, смутные очертания стволов на опушке и студеная рябь серого озера. Он сплюнул и поддал ногой пустую консервную банку. В камышах испуганно вспорхнул куличок.

Заворочался под клеенкой Витѧ. Ноги его и голова оказались снаружи, и это вновь напомнило Стекольщику вчерашнее. Он долго разглядывал свалявшиеся волосы друга, в которых застряли сосновые иглы и волокна пепла, щетину на глянцеvitом лице и поношенные ботинки, залепленные подсохшей болотной грязью. Но думал не о Витькѧ, а все того видел, другого, кого оставили они в непроглядной холодной жиже. И до того ясно представил себе Фрол белые волосы и шлепанцы в пеструю клетку, что жутковато сделалось.

И зачем он только влип в такое скверное дело! Может, следовало оставить все как есть и уйти, не замарав рук? Вставить стекло, и лады. Никто бы ничего не заметил. Помер себе человек, и все тут. Так нет же, в панику ударился, запсиховал.

Витѧ хрипло посапывал во сне. Порой его, видно, одолевало удушье. Красное и без того лицо сильнее наливалось кровью, отчетливее выступали припухлости сомкнутых век, жирный лоск пористой, опаленной жаром и коpotью кожи. Он ежилсѧ от хлада и сырости, норovil упрятать голые ноги. Одна штанина задралась, а в носок, который совсем съехал, впились репейные шарики. Стекольщик помотал головой, стараясь поймать промелькнувшую, но тут же скрывшуюся в мутном забытѧ мысль.

Ах да, он же с самого начала решил сменить вчера всю обувь! Кажется, они даже купили в сельпо туфли...

Он потоптался, припоминая, и пошел к мотоциклу.

В коляске действительно лежали две изрядно помятые коробки. Картон отсырел, и к нему прилепились истлевшие в огне хвоинки. Следы пепла были и на затуманенном вишневом лаке мотоциклета.

«Ишь ты, как полыхало! А ведь сгореть могли. Совершенно запросто... – Он скомкал крышку и вытащил серую, в дырочках туфлю с широким отстроченным рантом. – Не очень, конечно, но ничего, сойдет».

– Вставай, керя, – проворчал он, расталкивая Витькѧ. – Разнежилсѧ!

– Чо? – Витѧ ошарашенно дернулся, сел и с трудом разлепил веки. – Ты чего, Фрол?

– Хватит те дрыхнуть! Давай вот переобуѧсѧ. – Он запустил в него коробкой.

Витѧ с ловкостью футбольного вратаря принял ее на грудь и без лишних слов начал снимать свои некогда коричневые штиблеты.

– Давай сюда колеса! – скомандовал Стекольщик, уныло любуѧсь обновой.

Встав во весь рост на пригорке, он зашвырнул один за другим старые ботинки в камыши. Инстинктивно метился в невидимого куличка, который все посвистывал себе и никого не трогал. Привыкшая к тишине птица вспорхнула и перелетела на более спокойное место.

Стеколыщик прислушался. Только слабая зыбь била в корневища осоки да изредка всплескивала рыба, спасаясь от щуки.

– Чем это так пахнет? – спросил, принюхиваясь, Витёк.

– Торф горит. Может, топят, а может, сам по себе. Болото ежели загорится, то всю зиму тлеть подо льдом может. Нипочем не затушишь!

– Ишь ты! – цыкнул зубом Витёк. – Страсти!

– Вот те и страсти. Мы вчера костер не погасили, а зря! Беда могла приключиться.

– А это не от нас? – нахмурился Витёк.

– Не, – беспечно отмахнулся Стеколыщик. – Нигде же ничего. И тихо.

Но Витёк, более чуткий на ухо, уловил все же далекий клекот колокола, тархтение мотоциклов.

– Звонят вроде.

– А пускай себе, – безмятежно прищурился на встающее за лесом солнышко Стеколыщик.

– Не пожар ли? Дымом-то пахнет!

– На электростанции топят, в Электрогорске. Огня-то нет?

– Огня нет, только как бы не того...

– Не нашего это ума дело, Витя. Мы тут ни при чем. Если бы от нас загорелось, мы бы первые к Богу в рай попали. С мотоциклом!

– Давай закусим, что ли, Фрол?

– Похмеляться будешь? – спросил Стеколыщик.

Он с отвращением думал о вчерашней гулянке и не собирался начинать все сначала. Но гарь и особенно непрерывный колокольный набат, который он теперь тоже вроде бы различал, встревожили его. Мучимый сомнениями по поводу вчерашнего дела, он постарался скрыть от Витёка страх перед новой угрозой. Проработав целый сезон на болоте, он не мог не знать, что торф всегда загорается в самом неожиданном месте. И часто никто не знает почему. Ведь сохнувший торф подвержен самовозгоранию. Тайственная деятельность взрывообразно размножающихся в нем микробов приводит к перегреву, который заканчивается пожаром. Конечно, далеко не всегда виноваты микробы. Порой он вспыхивает, подожженный молнией, в неистовую июльскую грозу, и горит, не подвластный обильным ливням, которые только распалаяют сокровенный, подспудно тлеющий жар. Бывает, что фрезерную крошку поджигает случайная искра, выбитая тракторной гусеницей из гранитных валунов, которых на болотах, порожденных отступающим ледником, не счесть. Иногда такая искра выскакивает из выхлопной трубы двигателя. Но чаще всего причиной пожара становится плохо загашенная сигарета, небрежно брошенная на землю спичка.

Разнесенные ветром горячие угли костра почти одновременно воспламенили сохнущую крошку на втором поле Заозерья и поленицы брикетов на Новоозерном участке. Ночная гроза и непрерывное похлывание молний помешали вовремя заметить очаги пожара, поэтому к тому времени, когда Стеколыщик пробудился от сна, огненная стихия уже была неуправляема.

На Новоозерном очаг все же сумели локализовать. Все население участка, от начальника до сезонных работников, вооружили лопатами и бросили на пожар. Потушить его было невозможно, только окопать глубокой траншеей и бросить все наличные бульдозеры на обваловку. Этого оказалось достаточно. Огонь не перекинулся ни на поселок, ни на торфяные поля. Почти не пострадали железнодорожное полотно и лес вдоль него. По крайней мере так казалось в суе и неразберихе аврала.

Караваны пылали, как танкеры, в огненном море, по которому все шире и шире разливается горящая нефть. Даже птицы и те не всегда успевали взлететь и комьями падали в густой

одурающий дым, сквозь который, крутясь, летели во все стороны искры. От этих-то искр и возникли вторичные очаги. Запылал сосновый сухостой на первом поле; что-то загорелось в ельнике у самой узкоколейки, взорвалась бочка с соляркой, небрежно брошенная там, где ей никак не полагалось лежать. Вслед за взрывом красные нестерпимые факелы рванулись по верхушкам деревьев вокруг Топического озера. К утру весь участок был полностью отрезан от Электрогорска, куда медленно и настойчиво гнал гигантскую огневую подкову ветер. Потому и не увидели Стекольщик с Витьком огня, что он уходил от них все дальше и дальше, оставляя за собой черный песок и неугасимые угли. Да и сплошной дым застилал все на многие километры. Можно было только гадать, уйдет ли пожар в глубины торфяной залежи или, подобно напалму, только испепелит ее поверхностный слой.

Деревянный поселок с тригонометрической вышкой, кирпичное здание посреди второго поля и гаражи на первом были обречены. Прорываться имело смысл лишь в направлении Светлого озера, откуда по узкоколейке открывался выход на Мелижи. О том, что горит и на Новых озерах, никто не знал, потому что пожар на лесистой окрайке уничтожил телефонный провод.

Где могли только, подняли заглушки и пустили воду из запасных колодцев. Это обещало хоть какую-то передышку поселку, где в тот ранний час сосредоточилось почти все население. На полях остались только рабочие смены трактористов, электрики и девушка-техник. Их положение было безнадежно. В поселке уже оплакивали погибших: то ли сгорели заживо, то ли задохлись в угарном, все нутро раздирающем дыму.

Из Электрогорска помощи ждать не приходилось. За Топическим озером уже сомкнулся горящий по обе стороны насыпи лес. Удушливые клубы дыма ползли стеной, за которой трещали и лопались падающие деревья.

Прорвавшаяся со стороны Святого источника пожарная дрезина застряла на Новоозерном, хотя ясно было, что горит и дальше, только неизвестно где. С ее помощью и удалось притушить брикеты и уже возникшие к этому моменту очаги в лесу и на окрайке болота, где неожиданно вспыхнули вывороченные при расчистке поля сухие пни. Лишь тогда, когда на Новые озера стали прибывать другие спешно оборудованные мощными гидромониторами команды, дрезина, захватив фельдшера и офицера из УВД, двинулась дальше. Ехали медленно, задыхаясь в кромешном дыму, каждую минуту ожидали, что огонь перережет дорогу.

На подъезде к озеру Светлому пелена гари начала редеть, да и дышать стало куда легче. Кое-кто из пожарных даже снял респиратор. Было очевидно, что пожар не здесь, а где-то дальше и ветер гонит пламя на Электрогорск. Решено было прибавить ход и пробиваться к главному очагу. Очевидно стало, что пожар в Новых озерах не чета здешнему и дела в Заозерье обстоят куда как плохо. Дрезина шла с включенным прожектором, который едва пробивался сквозь красноватую мглу.

Завывая сиреной, простучала пожарная дрезина вдоль озера и осушенного луга за ним, где притаились на суходольной кочке истинные виновники катастрофы.

Тут уж не только до Стекольщика, но и до тугодума Витька́ дошло, что они натворили. Но представить себе масштабы содеянного, страшные его последствия не могли и они. Только затаились на своей кочке, подавленные, онемевшие, скорее готовые сгореть, чем взглянуть в глаза тем, на кого бездумно наслали гибель. Молча проводили они взглядом невидимую за гарью дрезину и долго прислушивались потом к угасающему вою ее сирены.

– Что ж теперь будет, Фрол? А?

Стекольщик глянул в налитые кровью глаза дружка-приятеля и вроде не понял, о чем его тот спросил.

И вдруг заголосил совершенно по-бабьи:

– Не виноваты мы, Вить! Слышь? Ничегошеньки близ костра-то не занялось! Не мы это! – и зашелся в сухом, изнурительном кашле.

– А кто виноват? Кто? – совсем спокойно спросил его Витёк, жмурясь от рези в глазах и растирая по лицу грязным кулаком слезы.

– «Кто? Кто?» – подвывал Стекольщик. – Почему я знаю, кто? Гроза же была, Витёк, сухая гроза. Чай, она и подожгла-то...

– И верно, Фрол. Было сухо, как встали. Ни капельки не упало. – Витёк, казалось, совершенно успокоился. Только глаза его были неподвижны и слезы разом пропали, хотя он, не сознавая, и выдавливал их костяшками больших пальцев. Но тщетно. Едкие летучие смолы все больше резали веки, и пекла, подсыхая, горькая соль.

Стекольщик перестал кашлять, но на него напала икота. Все же он ухитрился причитать в перерывы.

– Не мы. Не мы это! – твердил. – Молния подожгла.

Возможно, что опустошительный пожар на торфопредприятии действительно произошел из-за удара молнии. Установить истинную причину его было теперь невыносимо. Не исключено, что летящие по ветру угли лишь дополнили действие небесного огня. Не исключено... Но это не снимает вины с Фрола Зализняка. Он работал здесь целое лето и видел, как загорается торф. И потому не смел он не то что костер разводить вблизи фрезерной крошки, но даже «Беломорку» запалить.

Не нарочно он сделал свое дело, никому не хотел беды. Не подумал как-то, не сообразил, а может, просто понадеялся, что на суходоле да рядом с озером ничего плохого случиться не может. А после крепко поддал и вообще перестал что-либо соображать. Оттого и костер на ночь оставил, не загасил. Оттого и ветер лихой проглядел. Только ведь и это не снимает с него вины.

Не знал он и, видимо, не узнает про трактористов на втором поле, которые, намочив в кадках спецовки, лица себе закрыли, чтобы не задохнуться в дыму. Никогда не узнает он про девушку Катю – она уже сознание потеряла, и чудится ей парень, который второй год в армии служит на далеком острове Сахалине. Электрика Юру не узнает, а он рубаху зубами порвал, чтоб завязать обожженные горячей резиной руки. Работницу Глашу, веселую торфушку, что рыдает в бараке по этому самому Юре, залеточке своему, тоже не узнает Стекольщик никогда-никогда. Невдомек ему, что в ту самую секунду, когда провыла за озером Светлым сирена, оборвалась последняя надежда спасти их всех. Потому что пошел огонь внутрь земли, и целый участок дороги провалился вдруг, как в преисподнюю. Специалисты могут спорить о том, с какой скоростью распространяется подземный пожар. Возможно, и правы те, кто утверждает, что подсушенная моховая залежь не может выгореть за несколько коротких часов. Но и это не оправдывает того, кто разжег на торфяном болоте костер. Даже в том недоказуемом случае, когда беда приходит с неба, от ударившей в землю волнистой, огненному дракону подобной искры.

Все было против людей Заозерья в то беспощадное утро: сушь и жара многих недель, состояние залежи и направление ветра, влажность воздуха и низкий, как никогда прежде, уровень грунтовых вод. Уже и в самом поселке стали задыхаться от дыма. А кофейная торфованная вода в канале шипела и паром лопалась от падающих в нее объятых пламенем веток, от полыхающей соломы, которая в тылу занялась. Горела крытая толем плотничья, где стружек и опилок невпроворот, дымился сарай коменданта, и душераздирающе мычала в нем черная телка, а девушки-сезонницы знай себе копали да копали валы. Хорошо еще, поселок на песчаном острове стоял и можно было не опасаться, что пламя из-под земли неожиданно полыхнет. Только слабое это утешение, когда горит с трех сторон. Начальник участка уже велел всех ребятишек в кучу собрать и вывезти на ручной дрезине в Мелижи или еще куда-нибудь, где не горит. О том, чтобы самим по насыпи уйти, думать было поздно. Упустили нужное время, не поняли сразу, не разобрались. Так, по крайней мере, думалось, потому что из-за дыма даже с вышки не разобрать было, где горит. Казалось, что везде. Потому и сопротивлялись,

пока могли и сколько могли. Прорвись огонь за канаву, тогда бы, конечно же, к насыпи кинулись и побежали, спотыкаясь, по одинокой и узкой колее. И возможно, сумели бы выскочить из огня. То есть наверняка бы сумели, потому что в Мелижах и на Лосихе было пока тихо. Только не знали о том на Заозерном – все дымом курилось и не то что леса – облаков не видать было с вышки. О себе и о тех, которые на полях остались, уже не думали. Детей сумели вывезти, и слава богу. А тут ветер чуть переменялся. Фронт пламени в сторону качнуло, и оно вроде как стало понемногу обтекать поселок стороной. Плотницкую и комендантов сарайчик огне-тушителями погасили. Стало казаться, что полегчало малость, а раз так, то, значит, дождутся помощи. О том, что провалился участок дороги, не догадывались, а про ветер, который в любой момент может перемениться и погнать огонь прямо на них, старались не вспоминать.

В такой критический миг и подошла к Заозерному дрезина. Девчата с радостным визгом бросились к узкоколейке. Орали, плакали, смеялись, как флагами в праздник, размахивали лопатами и кирками.

Старший лейтенант долго не мог до них докричаться. Он исходил кашлем и, отбиваясь от тянувшихся к нему рук, прохрипел:

– Где горит?! Горит где?

Но ничего нельзя было разобрать. Напрасно комендант и пожарные зывали к порядку. Никто никого не слушал. Все сливалось в сплошном, почти истерическом крике. Девушки, которые только что готовы были самоотверженно стоять до конца, совершенно обезумели, когда пришла помощь.

– Жертвы есть? – выпрашивал фельдшер. – Помощь требуется?

Но и его не слушали.

Наконец кто-то из пожарных догадался ударить из гидромонитора в воздух, благо цистерна полнехонька. На толпу обрушился холодный отрезвляющий дождь.

– Где горит? – сорванным голосом просипел старший лейтенант.

– Везде! Где только не горит! Леса кругом! – слышалось со всех сторон.

– Где? – Он наклонился к коменданту.

Но тот был бледен и беспомощно качал головой. Он ничего не знал, ровнешенько ничего.

– Да чего же вы молчите, люди! – Расталкивая всех локтями, к дрезине пробиралась Глаша. – Поля горят! Первое поле! – выкрикнула она в самое ухо старшему лейтенанту.

– Поселок-то, поселок как? – на одном дыхании спросил старший лейтенант.

– Держимся! – дружно прокричали в ответ. – Подступает уже, но пока держимся.

– Тогда держитесь! – Он толкнул моториста: – Давай!

– Куда же вы? – ударило им в уши. – Куда?!

Пожарные пытались ответить, что они сей момент вернутся, только разведают дорогу впереди и попробуют остановить продвижение фронта, но крики их заглушил такой стон отчаяния и протеста, что сердце остановилось. Вслед дрезине полетели камни.

– Стой! Стой!

Пожарные даже обрадовались, когда метров через двести, сразу за столбом с отметкой «21», увидели искореженные рельсы, повисшие над огненным кратером. Дальше пути не было. Ревя сиреной, дрезина стала медленно пятиться назад. Девчата, угрожающе подняв инструмент, бросились навстречу.

Но пожарные уже соскакивали на ходу, готовили помпы, раскатывали шланг. Скорее почувствовав, чем поняв, что никто и не мыслил покинуть их в беде, работницы, бежавшие впереди, стали сбиваться на шаг. А вскоре и совсем остановились, когда близкое пламя стало обжигать щеки...

Кто-то из пожарных нетерпеливо махнул им рукой, чтоб возвращались в поселок и продолжали борьбу с огнем, потому что одна-единственная дрезина навряд ли сможет серьезно облегчить положение. Казалось, девушки все поняли и повернули к поселку.

Пожарные между тем успели опустить в канаву, соединенную с Топическим озером, заборные рукава и, нацелив мониторы в расплавленную бездну, ударили перекрестными струями высокого давления. Все потонуло в треске и шипении. Горящий лес и насыпь заволкло обжигающим паром.

И никто в Заозерном не увидел и не услышал стрекочущего в небе вертолета. Это воздушная разведка начала методичный облет всего района бедствия. В Павлове-Посаде уже была приведена в полную готовность могучая противопожарная техника, а пожарный десант грузил в тяжелые вертолеты химические бомбы, способные погасить самое страшное пламя.

Глава шестая. Попытка реконструкции

– Это мы с Глебом нашли утром, – сказал Крелин, протянув Люсину диметилсилоксановый оттиск.

– Узор как будто другой.

– Совершенно другой. След, который мы сняли вчера под окном, был в крупную елочку, а этот, – Крелин повертел рифленый оттиск подошвы в прямом луче солнца, чтобы резче были видны тени, – волной. Видишь?

– Он на что-то наступил! – Люсин легонько щелкнул ногтем неглубокую вмятину, пересекающую под острым углом волновой рельеф подошвы.

– Молодец! – довольно улыбнулся Крелин. – Углядел-таки!

– На том стоим. Где нашли?

– У самой калитки. Там, слева от дорожки, жестяная бочка с водой. Представляешь?

– Да, помню... Почва, кажется, глинистая? И мелкая ромашка реденькими кустиками?

– Именно там он и притушил свою сигаретку. Вдавил ее в землю носком ботинка.

– Вы гениальные ребята! – Люсин торжественно пожал Крелину руку. – Ты и твой Глеб Логинов. Где сигарета?

Эксперт-криминалист положил на стол никелированную бюксу:

– По-моему, есть четкий отпечаток указательного пальца. Нингидрином надо будет обработать.

– Не докурил! – усмехнулся Люсин, любясь покоящимся на вате окурком. – Вот это подарок! Выглядит, как платиновая брошь от знаменитого ювелира Картье.

– Не увлекайся. Вполне вероятно, случайное стечение обстоятельств. В наше время не очень-то любят оставлять отпечатки пальцев. Плоды просвещения, так сказать... Распространение научных знаний.

– Что-нибудь всегда остается, – философски заметил Люсин. – Всякое деяние оставляет за собой след. Тем более преступление. Но совпадение, твоя правда, очень даже возможно... Мне вот что непонятно, Яша: зачем он к калитке пошел, когда мотоцикл у них совсем на другом конце стоял?

– Тогда взгляни еще на одну вещицу! – Крелин полез в карман и долго не вынимал оттуда руку. – Плавало в бочке. – Он выложил наконец другую бюксу.

Люсин снял крышку. В бюксе лежал полиэтиленовый пакетик с раскисшей в воде сигаретой и тонкая обгорелая спичка.

– Ничего не понимаю! – вздохнул Люсин. – Он что, нарочно метит свои спички или как?

– Действительно, странно, – согласился Крелин. – На той было изумрудное пятнышко, здесь кончик окрашен в розовый цвет... У меня есть, конечно, предположение. Но не сейчас, сейчас рано. После лаборатории...

– Почему краска не расплылась в воде? – Не прикасаясь к спичке, Люсин направил на нее семикратную линзу. – Она что, масляная? Или это...

– ...помада, ты хочешь сказать? – Крелин закрыл бюкс и спрятал его обратно в карман. – Скорее всего, помада.

– Это легко определить с помощью хроматографии. – Люсин придвинул к себе перекидной календарь и сделал заметку на понедельник. – Покажи-ка мне еще раз ту сигарету размокшую...

– Хочешь взглянуть, не окрашен ли фильтр? – улыбнулся Крелин. – Нет, братец, не окрашен. – И как бы вскользь заметил: – Не следует забывать, что подошва явно мужская. Размер сорок два с половиной.

– Всякое в жизни бывает... Но раз помады на фильтре нет, не будем отклоняться в сторону. Вопрос о роковой красавице, стоящей на стреме, снимаем. Тем паче, что при выполнении столь ответственного задания от курения лучше воздержаться. Что за сигарета?

– Марки «Пэл-Мэл» с суперфильтром.

– От «Дымка» до «Пэл-Мэл»! Недурной диапазончик.

– Звучит как заголовок... Картинка вырисовывается!

В отличие от аналитика Крелина, кстати химика по образованию, Люсин слыл интуитивистом. Все знали, что он первым делом рисует в своем воображении «картинку», а уж потом дополняет ее конкретными подробностями. Так было, когда он нашел ольховый листок в манжете брюк пропавшего иностранца, пряжку лифчика, которую «кукольник» Бобёр приспособил под грузило для удочки, «макаронину» американской взрывчатки – в тугаях Амударьи. Во всех трех случаях он еще ничего не знал, расследование только-только разворачивалось, но «картинки» возникли. Перед внутренним оком его пылало и не могло закатиться вечернее солнце, пробивающееся сквозь черный ольшаник, меркли, но не исчезали лиловые облака в оранжевых лужах на глинистом проселке. Он ясно увидел вдруг сумасшедшего «кукольника», сладострастно сжигающего в пламени свечи пятифунтовые банкноты. А когда взрывчатка навела на след контрабандистов, то он тут же оборвался, этот остывший за пять месяцев след. Люсин долго не мог избавиться от преследовавшего его образа суфийского старца с нищенской чашей из кокосового ореха и четками из финиковых косточек.

Эта произвольная игра воображения, строго говоря, не помогала Люсину в его розыскной работе, хотя не будь ее, он вряд ли смог бы по-настоящему себя проявить. «Картинка» играла двоякую роль: когда под ударами действительности – вещественные доказательства, показания свидетелей, заключения экспертов – она начинала рушиться, он неосознанно сопротивлялся этому, пытался спасти неотвязный, надоедливый, но столь необходимый ему мираж. «Картинка» была нужна ему на первых порах, когда все непонятно, следов практически нет и вообще неизвестно, с чего начать. Она рождалась из внутреннего протеста перед полнейшей растерянностью, мобилизовывала на быстрые, решительные действия. Часто это приводило к ошибкам, но взятая на старте скорость позволяла их вовремя исправить. У следователя-аналитика возникали гипотезы, верные или неверные, не в том суть. Люсин же не мог мыслить абстрактно, он шел наперекор дедукции. Таков уж был его душевный склад, что сам собой рождался осязаемый фантом, яркая галлюцинация, можно даже сказать – художественный образ. К сожалению, случалось это всегда несколько преждевременно, во всяком случае до того, как аналитик успел бы построить гипотезу. Но эта скоропалительность, лихорадочность даже позволяла так быстро опробовать самые разные варианты, что последствия возможных ошибок отставали, запаздывали. Люсин уже задним числом понимал, что хотя и допустил кучу промахов, тем не менее непостижимым образом несется по верной дороге. Так методом проб и ошибок работала природа, создавая мертвый и живой мир. Но если у эволюции не было никакого первоначального наброска, то перед Люсиным – действия человека всегда целенаправленны – маячила его фата-моргана. И конечно же, он успевал сжиться с очередной «картинкой», привыкнуть к ней, ибо была она для него столь же реальна, как реален для писателя выдуманный герой. Он всегда с трудом, с болью даже отказывался от своих образов. Но ведь и следователи-аналитики, равно как ученые, тоже не очень-то легко пересматривают свои гипотезы.

Вопрос Крелина застал Люсина врасплох. В самом деле возникла уже «картинка» или все еще клубится холодная, непроглядная мгла? Нет, не вырисовывается «картинка»!

– С тех пор как меня повысили, – Люсин вынул из ящика зеркала и тщательно причесал волосы, – с тех самых пор муза оставила меня. Сам посудите: зачем мне теперь «картинка», когда почти всю информацию добывают другие? Я, брат, только координатор, а не вольный стрелок и бродячий художник. Продюсер, а не режиссер.

– Ну, это ты брось. Я, слава богу, тебя знаю. Тебе без «картинки» никак нельзя. Иное дело я! Вроде бы многое ясно мне в поведении этого курильщика, а самого его не вижу... Не знаю, какой он.

– А я знаю? А я вижу? – Люсин пососал мундштучок. – Допустим, это он убил, похитил, оглушил, опоил сонным зельем и так далее гражданина Ковского... Все может быть. Пока сплошное гадание и никакой конкретики. Работал, видимо, в перчатках, так как, ты прав на все сто, знание – сила. Что он делал потом?

– Курил.

– Верно, курил. Взволнованный, в ту секунду почти безумный, схватил он со стола пачку дешевых сигарет, которые предназначались совсем для другого, для борьбы с тлей, а не для курения, хотя лучше бы использовал доктор Ковский махру, и... что сделал? Надорвал уголок пачки, выцарапал непослушными резиновыми либо кожаными пальцами одну штучку и закурил. От своих спичек причем... Черт их знает, почему они крашенные... Одним словом, закурил. Пускал дым и постепенно приходил в себя. Стоял или сидел... Хотя, конечно же, стоял возле кушетки и обронил на нее пепел. Сдул его, только рассеянно, не до конца. Потом ушел. У калитки задержался. Зачем? Осмотреться? Выбрать подходящий момент, чтобы выйти? Или просто охранял соучастников, которые вытаскивали в это время через окно – поимей в виду – человека... Только зачем ему было стоять у калитки, когда дом в глубине и входная дверь и то самое окно не видны с Западной улицы? Да еще ночью! Огонек сигареты скорее привлечет внимание случайного прохожего, разве не так? Зачем же курить?

– Волнение.

– Об этом я говорил. Но я учел волнение в иной ситуации. Она исключает вариант дозора. Значит, логичнее допустить, что он все-таки выжидал чего-то, осматривался. Немного успокоившись, заметил, что курит какую-то дрянь, и затоптал сигарету. Достал другую, уже свою «Пэл-Мэл» с угольным фильтром, и зажег ее от своей опять же спички.

– Иначе окрашенной.

– Да, иначе... Тогда же, чуть раньше или позже, снял уже ненужные, как ему показалось, перчатки. Сделав пару затяжек, швырнул бычок в кадку. Может, от волнения не мог курить, а скорее всего, уловив подходящий момент, юркнул на улицу. Почему не с сигаретой в зубах? А черт его знает! Разве все действия человека строго логичны? Контролируемы сознанием? Разве мы роботы? Исходя из чистой психологии, можно предположить, что... выход из калитки потребовал от него полной сосредоточенности, напряжения, собранности, а сигарета отвлекала, мешала ему. Вот он и бросил ее, не подумав, что оставляет след. И ошибка эта не есть следствие ограниченности интеллекта, неумения продумать операцию до мелочей. Скорее всего, она порождена именно той максимальной собранностью, которую почувствовал он в те секунды у кадки с водой, чуть в стороне от калитки... Убеждает?

– Вполне. Но, признаться, от тебя я другого ждал, Володя. «Картинки». А так – анализ де люкс. Ничего не скажешь. Логика на стыке психологии. Все чин чинарем. Только дальше что?

– Не торопи меня, Яша. Есть у тебя материал, вот и неси его в лабораторию. А там, как говорят, будем поглядеть.

– Будь по-твоему. – Крелин взял стул и принялся заполнять бланки. – Унылый у нас заказ получается. Одни окурки.

– Порошок, – напомнил Люсин.

– Да, еще порошок... Ну, до скорого. – Крелин собрал бумаги и, подхватив неразлучный чемоданчик, направился к двери. – Держим связь! – крикнул он уже из коридора.

– Ага, – помахал ему рукой Люсин. – По радио. Семь футов тебе под киль!

Оставшись один, он подтянул к себе городской телефон и набрал две цифры спецслужб.

– Добрый день, это Люсин говорит, – сказал он. – Мне нужен номер телефона Института синтетических кристаллов... Да, НИИСК. Приемная директора... Благодарю! – Положив и тут же вновь взяв трубку, набрал номер. – Институт синтетических кристаллов? Дирекция?

– Вас слушают! – Голос был женский, тон сугубо официальный.

– Говорят из Управления внутренних дел Мосгорисполкома. Мне нужен директор.

– Фома Андреевич занят. Позвоните попозже.

«Когда именно? – хотел спросить Люсин, но в трубке звучали прерывистые гудки. – И вообще, как фамилия вашего Фомы Андреевича?» – подумал он раздраженно.

Побарабанив пальцами по столу, он включил приемник и прослушал последние известия.

– Говорит старший инспектор Люсин, – медленно, словно диктовал текст машинистке, сказал он в телефон. – Соедините меня с директором... Пожалуйста.

– Фома Андреевич говорит по другому телефону.

– Хорошо. Я подожду.

– А вы по какому вопросу?

– Это, с вашего позволения, я скажу Фоме Андреевичу.

– Как хотите... Только имейте в виду, что Фома Андреевич едет в президиум. У него очень мало времени... Не знаю даже, сможет ли он сейчас с вами говорить. Может быть, вы завтра с утра позвоните?

– Нет. Насколько я знаю, у вас пятидневная рабочая неделя, а сегодня пятница. Поэтому я никак не смогу поговорить с вашим начальником завтра... Кстати, как его фамилия?

– Вы не знаете фамилии Фомы Андреевича? – Официальный, сдержанно-неприязненный тон сменило непритворное изумление.

– Виноват. Не знаю.

– Одну минуту! – торопливо сказала секретарша, и было слышно, как стукнула об стол отложенная в сторону трубка. – Член-корреспондент Фома Андреевич Дубовец сейчас будет с вами говорить, – прозвучал после томительных секунд ожидания торжественный голос. – Соединяю!

«Господи, честь-то какая! “Ведь я червяк в сравненьи с ним, в сравненьи с ним, с лицом таким”», – пропел Люсин, разумеется, про себя.

– Слушаю!

Люсин определил голос как лениво-капризный.

– Добрый день, Фома Андреевич! С вами говорит старший инспектор Люсин из Управления внутренних дел Мосгорисполкома.

– Слушаю вас, товарищ Люсин.

– Не могли бы вы уделить мне несколько минут для беседы?... Не по телефону, разумеется...

– А вы по какому вопросу?

– Мне нужно получить вполне официально некоторые сведения о вашем сотруднике товарище Ковском Аркадии Викторовиче.

– Как вы сказали? Ковский?... Да-да, есть такой... Только я вам вряд ли смогу быть полезным. Вам, товарищ... э-э... вам лучше переговорить по этому вопросу с начальником отдела кадров.

– Извините, Фома Андреевич, но мне нужны именно вы! Дело в том, что мы разыскиваем вашего, – Люсин подчеркнул это, – сотрудника, который, возможно, похищен или даже убит.

– Да-да, мне уже звонили... Какая-то женщина, жена, что ли? Очень странная история. Но, видите ли, у нас в институте свыше двух тысяч сотрудников, я просто физически не могу знать каждого... Ковского знаю, конечно. Доктор наук. Но мы редко встречаемся, он большую часть времени работает дома, что, надо сказать, вызвало известные нарекания... Да. Так что

вряд ли чем могу помочь, позвоните в отдел кадров. Если возникнут вопросы, тогда милости прошу, давайте созвонимся и встретимся. Буду рад. А сейчас, извините, спешу в академию.

«Вот это фрукт! – вздохнул Люсин и медленно, словно боясь разбить хрупкое стекло, опустил трубку. – “Картинка” возникает законченная. Ничего не скажешь», – и стал размышлять, как взять этого Дубовца за жабры.

Прямой наскок тут не годится. Не посылать же ему, в самом деле, официальное приглашение, а тем более повестку? По закону-то оно бы следовало... Любой гражданин, независимо от занимаемого поста, титулов и регалий, может быть вызван для дачи свидетельских показаний. Уклониться от этого нельзя. Следователь имеет право подвергнуть уклоняющегося приводу. И тем не менее... Что же делать в данном, конкретном случае, когда имеешь дело с капризным барином, которому одно удовольствие вежливо обхамить человека, как говорится, на место поставить. Ведь он же не отказался дать показания, а лишь в сторону ушел, на занятость сослался. Да и что толку в беседе с человеком, который не желает иметь с тобой никакого дела? Даже если бы он и соизволил дать аудиенцию, много ли вытянешь из него? Две с лишним тысячи... Ишь ты! А спроси его, за какие заслуги он директорскую зарплату каждый месяц получает, если физически, видите ли, не может, вернее будет сказать – не желает знать своих подчиненных! Нет, прямым нажимом такого не взять. Еще неприятности наживешь. Наверняка вхож во всякие высокие сферы и может напрямую связаться с начальством. Разбираться ведь особенно не станут; дел много важных и времени нет. Чем оно выше, тем кругозор шире. Это для него, Люсина, данное дело – пуп Вселенной, а сверху оно помельче выглядит... Жалоб и скандалов ведь тоже никто не любит. На то и ум человеку дан, чтобы трудные задачи решать. Тех, кто только одно знает – в лоб, не без основания дубарями зовут. Ведь с того, кто вообще ничего не сделал, меньше спросят, чем с того, кто дров наломал. И справедливо: почему не спросил, не посоветовался? Следователь Бородин, что злоупотреблениями на Востряковском кладбище занимался, ничтоже сумняшеся поднял кладбищенские документы и повесточки разослал по тысячам адресов. Опросить, видишь ли, родственников понадобилось, не вымогали ли у них взятку при захоронении усопших. Дело, конечно, правильное, по свежим следам, иначе не докопаешься... Только топорно, в лоб! А кто они, эти родственники, он подумал? В каком моральном состоянии? Как воспримут на другой день после похорон повестку из милиции? Гореть бы этому дубарю Бородину как шведу, если бы министру жалобу кто написал... «Дура лекс, сэд лекс» – «Закон суров, но это закон». Это, конечно, так, римляне были правы, но вместе с тем и не так. Есть свод законов и есть жизненная диалектика, этические нормы, такт, наконец. Да и конкретные обстоятельства учитывать надо. В разных случаях один и тот же закон по-разному толковать приходится... Те же римляне говорили: «Фиат юстиция, пэрэат мундус» – «Пусть свершится правосудие, хотя бы погиб мир». Правосудие – это, конечно, прекрасно, и да свершится оно всегда и везде, но мир пусть все-таки живет. Не будем лезть в бутылку и посылать Дубовцу типовое приглашение, которое он, конечно же, проигнорирует, а пойдем к старику на поклон...

– Лида, приветик! – Он сделал ручкой. – У себя?

– У себя, Володя, проходи, – улыбнулась ему секретарша. – На соревнования поедешь?

– Ох, черт возьми! – Он хлопнул себя по лбу. – Склероз! Забыл!

– Как ты можешь? Это же первое большое соревнование по подводному ориентированию!

– Региональное, – уточнил Люсин. – Так что не будем волноваться. В воскресенье?

– Да. В семь утра встречаемся на Ленинградском вокзале у пригородных касс.

– Хорошо. Постараюсь... У меня к тебе просьба, Лидона: выпиши ты для меня «Курьер ЮНЕСКО» на второе полугодие.

– А не поздно?

– Нет. Он всегда запаздывает.

Люсин вошел в крохотный тамбур и, приоткрыв дверь кабинета, заглянул:

– Разрешите?

– Входи, Владимир Константинович, – кивнул генерал, не поднимая глаз от толстого справочника. Палец его медленно скользил по строчкам сверху вниз, а губы беззвучно шевелились.

«Как он постарел! – тоскливо подумал Люсин. – Усы совсем белые стали. Но колючие еще, щеточкой, и ежик на голове дыбом стоит, колючий».

– Что у тебя? – Генерал заложил справочник узкой полоской бумаги и снял очки. – Нашел что-нибудь?

– Пока очень немного. Сдали в лабораторию... Дежурного по городу, конечно, предупредил... И все!

– Действительно, не густо. Но представление уже составил? Есть во всем этом рациональное зерно?

– Чувствую, есть.

– Чувствуешь или думаешь?

– Для дум материала пока маловато, Григорий Степанович. Но дело это, конечно, наше, по всему видно. Я был неправ. Извините.

– Красиво излагаешь. И с достоинством.

Люсин беспомощно улыбнулся и развел руками.

– Только за этим и пришел? – Генерал прищурился и свободно откинулся в кресле, разглядывая Люсина.

– Разумеется, нет. Этикет рекомендует светским людям улаживать подобные вопросы как бы между прочим.

– Не понял. Светским или советским?

– Светским, Григорий Степанович, но это не значит, что советские люди не могут являться одновременно и светскими тоже... Я шучу, конечно, ибо свет уже давно не тот.

– Я тебе, кажется, говорил, что после юрфака ты стал мне меньше нравиться?

– И неоднократно. Но что делать? Университетское образование даже мурманскому бичу придает известный лоск. Допускаю, что некоторым это может прийтись не по вкусу. Профессиональный юрист, даже доцент, видимо, должен чувствовать ко мне кастовую, я бы сказал, ревность. Это кауза эффициэнс.

– Действующая причина, говоришь? Так-так... На твоём месте я бы не стал здесь козырять латынью. Ведь я-то знаю, что больше тройки ты никогда не имел.

– Зато римское право я сдал на пятерку, равно как и криминалистику.

– «Отлично» я, помню, поставил тебе из милости... Все-таки профилирующий предмет... Говори, с чем пришел. Только быстро.

– Нужен совет. Я нарвался на шишку, которая не желала меня принять.

– Кто это?

– Членкор Дубовец. У него работал Ковский. Конечно, я могу порасспросить сослуживцев, что и сделаю, но, боюсь, без его по меньшей мере благожелательного нейтралитета мне далеко не продвинуться. Насколько можно судить по первому телефонному разговору, обстановка в институте сложная.

– Тебе поручен розыск, действуй по закону. При чем здесь обстановка?

– «Всякое право установлено для людей» – «Омнэ юс хоминум кауза конститум эст». Так вот, от товарища Дубовца, кроме жалобы, мы ничего не получим. Мне наплевать, но расследованию это повредит, причем в самом начале. Для пользы дела Дубовца надо нейтрализовать.

– Пообломался, Володя? Политиком стал? – усмехнулся генерал.

– Что делать? Учимся понемногу.

– Вижу. Как, по-твоему, его лучше прижать?

– Если интуиция меня не обманывает, наиболее действенной может оказаться протекция какого-нибудь вышестоящего товарища. Фому Андреевича надо попросить сделать одолжение и оказать всяческое содействие имярек. Высокая протекция позволит ему, не теряя сиятельного имиджа, снизить до малых сих.

– Хорошо. Я понял. Только не надо так длинно. И паясничать не надо.

– Слушаюсь, товарищ генерал, и благодарю.

– Что такое имидж, Володя?

– Чисто американское выражение. Оно означает лицо человека, как оно выглядит в зеркале общественного мнения.

– Общественного! – Генерал поднял палец. – Здесь же, насколько я тебя понял, речь идет скорее о внутреннем зеркале. Так?

– Совершенно верно.

– Тогда все. Иди работай, а я тебе позвоню. Впрочем, постой, хочу посоветоваться с тобой по поводу одной идиомы. – Генерал раскрыл справочник и вынул закладку, на которой были записаны английские выражения. – Вот смотри...

– Уэбстер! – сказал Люсин, наклоняясь. – Где приобрели такое сокровище?

– Презент, – смущенно улыбнулся генерал и, услышав приглушенный гудок, снял трубку с мигающего зеленой лампой селектора. – Никак не отыщу вот эту фразу... Слушаю вас, – сказал он. – Да, он у меня. Сейчас позову. Тебя, – подмигнул он Люсину. – Дежурный по городу разыскивает.

– Старший инспектор Люсин у телефона!

– Привет, Владимир Константинович. Подполковник Баев тебя беспокоит.

– Да-да! Что у тебя, Петр Кузьмич?

– Найден бумажник с документами на имя того самого Ковского Аркадия Викторовича, о котором ты говорил... Паспорт, служебное удостоверение, бумажки всякие, пять рублей денег и билет четвертая зона – Москва, Киевской железной дороги.

– За какое число?! – крикнул Люсин.

– Дата вчерашняя. Двадцать второе июня. Ноль часов с минутами.

– Огромное спасибо тебе, Петр Кузьмич, сейчас выезжаю! А где нашли-то?

– На Кольцевой автостраде, чуть подальше съезда на Ленинский проспект... Инспектор ГАИ Петров обнаружил... Ну, до скорого!

– Подкинули? – спросил генерал, когда Люсин задумчиво положил трубку.

– Не знаю, Григорий Степанович. Все может быть... Но билет этот... Так что за фраза? Ах, это. Range of vision, вы совершенно правы, означает «поле зрения», а within range – «на расстоянии выстрела».

– Вот это-то мне и надо! – обрадовался генерал. – Больно уж статья интересная попалась.

В другой раз Люсин не преминул бы найти фразу в словаре и указать на нее генералу, что называется, ткнуть пальцем. Но он был настолько заинтересован этим билетом, что лишь рассеянно улыбнулся и поспешил к себе.

– Гараж? – спросил он по внутреннему. – Люсин вас приветствует. Мне бы машину...

Глава седьмая. Алгоритм преступления

В субботу утром Люсин, не заходя к себе в кабинет, направился прямо в научно-технический отдел. Поломав вчера изрядно голову над графиком расследования, он пришел к выводу, что, прежде чем окунуться в малознакомый научный мир, следует подбить бабки: как можно скорее выжать максимум информации из того небольшого, что было обнаружено на месте происшествия.

Он позвонил Генриху Медведеву и Володе Шалаеву, объяснил, что, как ни жаль, встреча не вытанцовывается – он не придет. Ловля бычков и уха откладывались, таким образом, на неопределенное время. Посетовав на судьбу, решили сбежаться во вторник ориентировочно в Доме журналистов. Договариваясь об этом, Люсин почти наверняка знал, что ничего не получится. Впереди маячил НИИСК.

Свой визит в НТО он решил начать с лаборатории электронно-вычислительной техники. Во-первых, надо было дать химикам побольше времени на анализы, во-вторых, почерк проникновения в Жаворонках, это было ясно с самого начала, давал в руки следствия многообещающую нить. Да, почерк был характерный.

Как тут не пожалеть о легендарных временах узкой специализации! Может, и жить было бы легче...

Преступный мир в ту далекую эпоху четко делился на «медвежатников», «домушников», «скокарей», «кукольников», «фармазонов» и т. п. Сыщики тоже делились по интересам. Ловец дотошно изучал поле своей охоты и зачастую был лично знаком с наиболее выдающимися представителями опекаемой профессии. По одной лишь манере, с какой была взята касса, ограблен дом или проведена мошенническая операция с «куклой», имитирующей пачку червонцев, сыщик мог, не прибегая к картотеке, определить, кто есть кто. Назывались три-четыре персоны, производилась проверка, и виновник торжества оказывался за решеткой. А как протекал допрос? Об этом поэмы слагать можно.

Разве позволил бы себе «классный специалист» тех лет отрицать очевидное? Выкручиваться? Нет, у этих людей была своя, пусть воровская, но этика, джентльменский кодекс. Они встречались со следователем как со старым знакомым, уважая в нем равноправного соперника, почти коллегу. Право, было в этом что-то от спортивных поединков: сегодня ты победил, а завтра я...

Нет, конечно же, Люсин не идеализировал прошлое. Он прекрасно понимал, что человеческое коварство и подлость существовали во все времена. Ни он, ни старики ветераны не сожалели о том, что профессиональная преступность в стране приказала долго жить. Напротив, вся их деятельность сводилась именно к этому. Другое дело, что уход с первых ролей на темной сцене уголовщины «вора в законе» положил конец сравнительно легкой персонификации преступлений. Теперь все реже и реже удавалось установить по почерку автора – это слово вошло в обиход с легкой руки одного молодого сотрудника, который лишь подражал спортивным журналистам, породившим сомнительное выражение «автор гола». И разумеется, не могло быть и речи, чтобы сделать это без помощи картотеки.

Но с распространением электронно-вычислительной техники на все сферы человеческой жизни значительно облегчилось решение задач, так или иначе связанных с перебором вариантов, или, как говорят математики, «вычислением вариабельности». Не прошли перемены и мимо уголовного розыска. Были созданы исследовательские группы, приобретены машины второго поколения, на работу в милицию пришли ребята с дипломами механико-математического факультета. Они лихо отмели все то, что называли «романтической шелухой», и принялись за разработку машинных программ. Поединок преступника со следователем обрел нако-

нец математический эквивалент в терминах теории игр, где каждое преступление было сжато до короткого, бесстрастного, как и положено математической формуле, алгоритма.

В отличие от некоторых коллег, которые встретили «тихие игры» с откровенным недоверием и даже радовались каждой новой промашке варягов-кибернетиков, Люсин заинтересовался новшеством. Он понимал, что математическая криминалистика находится только в самом начале своего долгого и, надо надеяться, плодотворного пути. Во всяком случае, первыми ее достижениями уже пользовались все. После нескольких лет кропотливой работы картотека был переведена на машинную память, и выборку теперь осуществляла ЭВМ. Следователь лишь давал ей задание. Разумеется, с помощью программиста-посредника между машиной и человеком, без которого, кстати, не обходится ни один серьезный научно-исследовательский институт. Теперь дотошный просмотр тысяч карточек, который раньше бы занял несколько дней, осуществлялся в считанные минуты. Даже сакраментальные отпечатки пальцев стали отныне достоянием компьютеров. Богатая дактилоскопическая коллекция претерпела математическое вмешательство. Сложный пальцевый узор свели к коду его частных признаков, которые были занумерованы и нанесены на координатную сетку. А далее дело пошло проторенной дорогой. Составили программу и научили ЭВМ «читать» папиллярный узор. Теперь просмотр сотни дактилоскопических отпечатков занимает не больше минуты. Впрочем, слово «просмотр» уже нельзя употреблять в прежнем его значении. «Просматривает» машина, и время тратится тоже машинное. Следователь получает уже готовый ответ: кто есть кто. Конечно, в том случае, когда предъявленные отпечатки имеются в картотеке. Способ, который избрали преступники, чтобы проникнуть в дом Ковского, не давал Люсину покоя. Он уже слышал или, возможно, читал о чем-то подобном. Не может быть, рассуждал он, чтобы такое стекольное предприятие не было отражено в анналах МУРа.

С помощью кибернетиков это ничего не стоило проверить. Поэтому он еще в пятницу сговорился с Гургеном Ашотовым посидеть часок-другой вместе.

Гурген, по кличке Гурий, был в числе первых комсомольцев, которые пришли в МУР с мехмата МГУ. Ему сразу присвоили капитана, но, как и прочие сотрудники НТО, он ходил в штатском и даже в столовой не снимал белого халата. Люсин знал его довольно давно – их связывала взаимная симпатия.

Машинный зал занимал два этажа. В нем было светло, чисто и пусто. Под высоким потолком горели голубые и розовые лампы дневного света, которые вкупе должны были точно имитировать солнечный день. Но освещение все равно вышло неживое. Вдоль стен стояли машины. Сквозь дверцы из оргстекла можно было видеть, как медленно прокручивались бобины с программными лентами. За голубыми операторскими пультами в современных вращающихся креслах сидели четыре парня и две девушки. Все сверкало безукоризненной чистотой: обтекаемые панели, пол из кремовой и голубой плитки, белые халаты, казавшиеся здесь чуть сиреневатыми, как высокогорный снег в раннее утро.

Над машинным залом находилась застекленная, похожая на большой аквариум комната. Там стояли канцелярские столы, чертежные кульманы, шкафы с рулонами бумаги. Единственная непрозрачная стена целиком была занята всевозможными реле, регуляторами, осциллографами и потенциометрами, контролирующими работу машин. На каждом столе была электронная считалка.

Сюда-то и поднялся Люсин по стальным ступеням ажурной лестницы, узким винтом обвивающей белую трубу. В НТО он уже давно считался своим человеком и даже имел собственный халат, который висел в шкафчике лаборантки Тани, занимавшейся хроматографией на бумаге.

Стол Гургена стоял в глубине «аквариума», под электронными часами без стрелок, на которых, как в метро, вспыхивали и пропадали огоньки цифр. Люсина всегда удивляло, что Гурген вместо считалки – такая же была и у Ковского – пользуется арифмометром «Феликс».

Видимо, он так привык. И вообще, в этом кибернетическом храме простейшие вычисления проделывались самым примитивным образом. Единственным орудием здешних интеллектуалов была шариковая ручка.

– Вы точны, Люсин, и это делает вам честь! – сказал Гурген, вставая из-за стола. – Садитесь.

Люсин посмотрел на электронное табло: 8:15.

– Что-нибудь удалось, Гурий? – спросил он и взял свободный стул.

– Я обдумал ваше дело, но ничего не решил. Мне не хватает некоторых данных. Я думаю, мы можем попробовать составить алгоритм вместе. Как вы к этому отнесетесь?

– Очень даже хорошо. Мне всегда хотелось посмотреть, как это делается. Но в математике я, как говорится, ни бум-бум.

– Математика тут ни при чем. Чистейшая логика, а мыслите вы как будто логично.

– Благодарю, – улыбнулся Люсин.

– Значит, так. – Гурген взял листок бумаги. – План дачи, который вы нарисовали, я изучил. Но так и не знаю, сколько всего было участников.

– Я тоже не знаю, хотя очень бы хотел знать.

– М-да, это хуже... Ну ничего! Вы же не ждете от меня чуда? В отличие от некоторых ваших коллег, которые разделяют распространенное суеверие, что наша задача – вычислить преступника, вы же разумный человек, Люсин?

– Вы совсем захвалили меня сегодня, Гурий.

– Отчего же? Я говорю то, что есть... Единственное, что мы с вами можем, – это очертить более-менее вероятный круг лиц, чьи действия – я имею в виду манеру, логику, очередность операций и так далее – подпадают под один алгоритм.

– На безрыбье и рак – рыба.

– В таком случае, все отлично. Приступим. Сколько их было, значит, вы не знаете...

– Точно не знаю.

– А предположительно?

– Двое. Это наиболее вероятное число.

– Пусть так... Тогда давайте запишем, кто у нас есть: специалист по окнам, его подручный и жертва. – Он тут же обозначил их буквами – X, Y, N соответственно. – Теперь попробуем расчленил сам процесс...

В итоге у Гургена получилась следующая запись:

А. Проследить, где находится N: на даче или в городе. Ра. Отсутствует в Жаворонках? В. Склонить Y к соучастию в ограблении. Рb. Пойдет Y на дело? С. Скрытно подойти к объекту. Рс.

Pd. Видел ли кто-нибудь?

Погашен ли свет? D. Когда на соседних дачах погасят свет, открыть парадную дверь. Pd. Открыли дверь? E. Если условие D невыполнимо, взломать черный ход (дверь заколочена изнутри). Ре. Взломали черный ход? F. Если условие E невыполнимо, проникнуть в дом через трубу камина. Pf. Проникновение затруднено? G. Если условие E невыполнимо, залезть в окно. Если нельзя вырезать или тихо выдавить стекло извне, удалить замазку. Pg. Проникновение возможно? H. Похитить N и его вещи. Ph. Похищение состоялось? K. Если обстановка позволяет, вмазать стекло на место. Pk. Обстановка позволяет? L. Покинуть объект.

– Вы согласны с этим? – спросил он, после того как Люсин прочитал запись. – Все понятно?

– В принципе да... Мне не совсем ясно только, зачем понадобились вам D, E и F, если достоверно известно, что в дом залезли через окно, а не через камин, а на дверях не обнаружены следы взлома?

– А как, по-вашему, действовал преступник? Он что, сразу же решил вынуть стекло, заранее отбросив другие, быть может, более легкие варианты?

– Нет, конечно, он, видимо, все разведаль, изучил.

– Значит, он все же имел в виду, хотя по размышлению и отбросил то, что мы обозначили позициями D, E, F? Так?

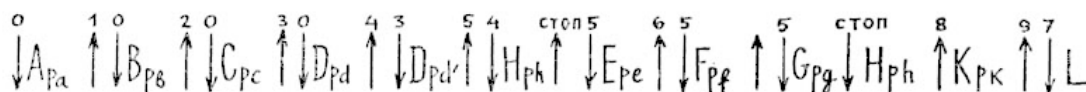
– Так, – вынужден был признать Люсин.

– Чего же вы тогда хотите? Как иначе можно записать логический ход противника, как вы называете, – его почерк?

– Вы правы, Гурий. Я принимаю вашу запись.

– В таком случае весь ход событий может быть представлен следующим образом.

Гурген взял у Люсина запись и вывел итог:

– Понимаете? – спросил он, перебрасывая обратно листок. – Если условие исполнено, стрелка направлена вверх, и соответственно наоборот. Алгоритм как бы назначает очередность возможных операций и управляет ею.

– Прекрасно, – сказал Люсин. – А что дальше?

Он понимал смысл проделанных Гургенем операций, хотя и было ему не совсем ясно, зачем нужна вся эта буквенная алгебра с ее системой стрелок, когда сама картина преступления предельно проста. Видимо, этого требовала специфика машинного интеллекта.

– Советую взять этот способ на вооружение. Он удобен для детального анализа самого преступления и подготовки к нему, манеры проведения операции, сокрытия следов и так далее.

– Да, – согласился Люсин. – На первых порах, когда преступник неизвестен и многое еще не ясно, приходится строить слишком много гипотез. Здесь легко впасть в ошибку, а логическая запись все же как-то дисциплинирует... Но что же последует дальше, Гурий?

– Это уже наша забота. Алгоритм преступления есть. Общую формулу ничего не стоит вывести, а там уже как получится...

– Не понял! – Люсин произвольно воспроизвел интонацию генерала. – Что значит – как получится? Я понимаю, что формулы нужны не только для машины, но и для нашего брата сыщика. Одно дело – протоколы, которые каждый пишет по-своему, где масса неясностей и разночтений, другое – формула с ее железной определенностью и отсутствием полутонов. Только «да» и «нет» и никаких «может быть». Сама по себе она в расследовании не поможет, хотя и необходима для унификации преступлений, для записи их на ваши ленточные барабаны. Но я хочу знать, что вы станете делать со всей этой писаниной. Я как себе представлял?

– Ну-ну, интересно, – поощрил Гурген.

– Вы вводите формулу в компьютер, и он тут же выдает все аналогичные варианты, как это имеет место с дактилоскопией.

– Очень хорошо. Вы правильно себе представили нашу работу. Собственно, в машину закладывается не сама формула, а ее цифровой код, но суть от этого не меняется. Вы на высоте.

– Значит, вы заложите данные в машину?

– Выходит, так. – Гурген недоуменно выпятил губу. Похоже было, что он перестал понимать Люсина. Не знал, чего он еще от него хочет.

– Но какой в том смысл? – Люсин упорно гнул свое. – Насколько мне известно, картотеки преступлений как таковой не существует. Картотека преступников есть, дактилоскопическая коллекция – тоже, но кодирование преступлений...

– Вот вы о чем! – догадался Гурген. – А мне невдомек... В известном смысле вы правы, Люсин. Работы по унифицированному кодированию всех преступных деяний еще далеко не закончены. Но как вы думаете, почему я тогда взялся за ваши Жаворонки? Чтобы голову вам заморочить?

– Нет, но...

– В том-то и дело! Всякое исследование начинается с наиболее характерных, отличающихся резко индивидуальными свойствами случаев. Разве не так? Мы тоже брали за основу не одни карманные кражи и не убийства из ревности. Поэтому если при разборе карточек кто-нибудь наткнулся на сходный случай со стеклом, то я почти уверен, что его включили в программу. Понимаете? – Гурий отложил ручку.

– Не до конца... Я как рассуждал? Случай действительно уникальный. Индивидуальность, профессионализм тут налицо. Не может быть, думаю, чтобы никто не вспомнил в этой связи артистов, авторов, так сказать. Но ход моих мыслей ясен. Я-то от дела исхожу, от преступления, а вы? Вам-то зачем за такой именно случай цепляться? Почему с банковских сейфов не начать?

– Я же объясняю вам, чудак-человек, что ваш случай исключительно неординарный! Много ли вы знаете «домушников», которые вставляют потом стекла? То-то и оно! Здесь, грубо говоря, узкий круг специалистов, и нам поэтому куда легче попасть в точку, угадать. Нет, мы не могли пройти мимо такого случая. Работа предстоит большая, средств много требуется, а отношение к нам еще скептическое, особенно у зубров, поэтому нам ошибаться нельзя. Уверяю вас, хотя это между нами, что мы в первую голову отбирали то, что сулит больший успех. Начинать надо с удач, Люсин. – Гурген рассмеялся. – Банковский сейф я бы, может, от вас и принял, но с убийством из ревности или в состоянии аффекта ко мне и не суйтесь.

– Что это вы так против ревности настроены?

– А вы как думаете?

– Наверное, потому... – Люсин задумался. – Потому, наверное, что подобное деяние совершают кому как бог на душу положит и преимущественно раз в жизни?

– Вновь отдаю вам должное. – Гурген привстал и раскланялся. – Совершенно справедливо! Такой профессионал, как ваш стекольных дел мастер, отработал свои приемы до тонкости, не раз и не два был в деле, и поэтому почти наверняка можно сказать, что стоит на учете в нашем диспансере.

– О, в этом-то я уверен! Оставь он пальчики, мы бы уже знали его ФИО и прозвище, а так приходится надеяться, что кто-то из ваших программистов польстился на экзотику и закодировал сего народного умельца.

– Надеемся, Люсин, надеемся, а мы пока будем вычислять вариабельность. Когда-нибудь, я уверен, на машинах запишут весь комплекс характеристик каждого человека, и преступность исчезнет. Потеряет всякий смысл.

– Вы хороший кибернетик, Гурий, но тут вы загнули. Криминолог из вас никакой. Преступление – это пережиток, который отмирает. – Люсин расстегнул верхнюю пуговицу халата – в «аквариуме» было душно. – Да и преступлений, видимо, станет меньше, потому что сознательность возрастет. Но насчет следа вы правильно сказали. След всегда остается. Хоть какой-нибудь! Важно лишь суметь увидеть его. По теории игр, если я верно понимаю, партнеры мыслятся примерно равными, но в нашей игре преимущество всегда на стороне следователя. Даже если преступник умнее его, тоньше, изобретательнее. И все дело в следах. Они всегда сугубо индивидуальны, потому что оставил их человек, а не Бог и не дьявол. Одинаковых

людей нет: голос, волосы, отпечатки пальцев и губ, кровь и все выделения внешней секреции сугубо индивидуальны.

– Это-то и надо закодировать.

– Верно, надо... Но я о другом. Понимаете, когда я вхожу в комнату, где совершено преступление, то всегда испытываю нечто похожее на страх. Боюсь нарушить, примитивно говоря, стереть следы. Ведь он же дышал здесь, тут испарялся его пот, падали на пол волосы или чешуйки с головы. Может быть, он подходил к окну и на стекле сохранились невидимые капли кожного секрета, по которому можно определить группу крови. Или он закашлялся, тогда должны остаться крохотные брызги слюны. Пусть он только чихнул или уронил слезинку – все равно, если он был в этой комнате, то она буквально дышит им, хранит его флюид, неповторимую оригинальность. Только как увидеть все это? Как различить?

– И что же вы нашли там, на даче?

– В том-то и дело, что мы еще не научились видеть невидимое.

– А видимое?

– Тут кое-что есть, – нахмурился Люсин. – Окурки, обгорелые спички, возможно, палец, помада, кровь.

– Помада? Вы уверены?

– В том, что помада? Или в том, что она имеет отношение к преступлению?.. Странное это дело, Гурий, такое предчувствие у меня.

– Еще бы! Его же толком и квалифицировать нельзя! Что это: ограбление, похищение, убийство?

– По внешним приметам больше смахивает на ограбление, хотя взят только старый текинский ковер. То, что заявительница приняла за следы борьбы, скорее свидетельствует о противном. Никаких следов борьбы я не обнаружил. Цветочный горшок? Но его, видимо, по неосторожности опрокинул грабитель. Кровь на колючках в саду?.. Многозначно все, неопределенно. Ограбление? Возможно, но странное. Похищение? Вероятно, но чересчур чистое. Убийство?.. Найденный железнодорожный билет равно подкрепляет и опровергает такую версию. Туман, одним словом, туман. Зайду в физхимию, – может, там что дельное скажут...

Попрощавшись с Гургенем, он сбежал по винтовой лестнице в машинный зал, прошел по широкому коридору, окна которого выходили на внутренний двор, свернул налево и спустился на этаж ниже. Здесь была физико-химическая лаборатория.

Кто хоть однажды побывал в современной химической лаборатории, тому легко представить себе и это в несколько больших отсеков помещение с белыми кафельными стенами и плиточным полом. Как и в любой исследовательской фирме мира, здесь определяют физические константы и химические формулы веществ, взвешивают, прокаливают, растворяют, снимают спектры, делают рентгеновские снимки. И все это в подавляющем большинстве случаев нацелено на одно: определить, точно идентифицировать вещество, предмет, материал. Для того и поставлены сюда эти длинные линолеумные столы с газовыми горелками, кранами и раковинами. На столах – штативы с шариковыми холодильниками, колбами, сокслетами и прочим фигурным, причудливо изогнутым стеклом, в котором кипят и пузырятся всевозможные растворители. По неписаной традиции много цветов: на подоконниках и стойках с оборудованием, этажерках с химреактивами. Даже на сушильном шкафу стоит горшок с традесканцией. Под тягой, за опущенной застекленной рамой – органические растворители и агрессивные вещества (кислоты, щелочи), натрий в вазелине, ртуть в бутылке с водой, банки с цинковыми бляшками и осколками мрамора, стеклянный аппарат Киппа. Приборов тоже хватает: микроскопы, калориметр ФЭК, инфракрасный спектрометр ИКС-14, установка для люминесцентного анализа, электрические микровесы, муфельные печи, вакуумный насос, рефрактометры, всевозможные мостики, тонкая электроизмерительная аппаратура. В специальном отсеке, за тяжелой стальной дверью, экранированной свинцом, работают с радиоизотопами. Если бы не опознаватель-

ный знак – желтый, разделенный на три сектора круг – и установки для подсчета импульсов, мигающие множества красных огоньков, этот отсек трудно было бы отличить от соседнего, где работают с ядами. Впрочем, уголок токсикологии больше напоминает фармацевтическую «кухню» аптеки.

Яды, равно как и драгметаллы – платиновые тигли, золотые проволоочки, термопары из редкоземельных элементов, – хранятся в негорючем шкафу. По той же неписаной традиции в сейфе стоит и бутылка с притертой пробкой, в которой находится спирт категории «ч. д. а.» – чистый для анализа. Надо ли говорить, что сейф служит еще и столиком для большой хроматографической банки, в которой плавают живородящие рыбки? О них трогательно заботится весь персонал. Большинство его составляют женщины: химики и фармацевты. Но об этом тоже можно было бы не упоминать, ибо так обстоит дело везде, где стоят химические колбы.

Первым делом Люсин заглянул в крохотный закуток, в котором за небольшим столиком об одну тумбу сидел Аркадий Васильевич, старый, седой как лунь зав. В его кабинетике умещались еще вращающаяся картотека и этажерка с химическими справочниками. На стене висел прилепленный скотчем портрет Эйнштейна, нарисованный ЭВМ двоичным кодом из нулей и единиц, и такая же кибернетическая дева.

С тех пор как Аркадию Васильевичу удалось, по люсинскому заказу, выполнить работу поистине замечательную – сфотографировать сохранившееся в глазах мертвой кошки изображение змеи, – он явно благоволил к следователю, которого считал человеком хоть простоватым, зато неимоверно везучим. Кстати сказать, уникальные фотографии были потом перепечатаны многими газетами и журналами, вошли в монографии, облетели, можно сказать, весь мир.

– А, молодой человек! – радостно, но с долей ехидства приветствовал он Люсина. – Давненько вас не было видно, давненько! Совсем забыл про нас. Зазнался, наверное...

– Здравствуйте, дорогой Аркадий Васильевич! – Люсин пожал протянутую руку и проникновенно заглянул в глаза. – Не забыл, не зазнался, а всего лишь был в отъезде.

– В каких же краях, если не секрет?

– В отдаленных, – зловеще нахмурился Люсин и тут же простодушно улыбнулся. – По Средней Азии ездил, по пустыням и тугаям.

– Контрабанда наркотиков?

– Так точно. Химические анализы мне делал Ташкент. Увы! – Он развел руками. – Будь там вы, моя командировка закончилась бы месяца на два раньше.

– Ты у нас известный льстец, – сказал Аркадий Васильевич, что не помешало ему сладко зажмуриться: комплимент явно попал в цель.

– Льстец и ферлакур, – радостно согласился Люсин.

– Ферлакур?

– Так в екатерининские времена у нас греховодников звали.

– Вон что... А как наши дела? Есть интересные предложения?

– Ничего интересного, к великому моему прискорбию, нет. – Люсин, интуитивно владея искусством очарования, изобразил уныние. – И вообще дела мои швах.

– Что так?

– Случай попался – могила. Ничего почти нет. И хотя маячат вдалеке интересные повороты, – он выразительно посмотрел Аркадию Васильевичу в глаза, – поначалу идет туго.

– Ничего, развернетесь!

– С вашей помощью, Аркадий Васильевич, только с вашей помощью... Я тут девочкам пару пустяковых заказиков дал... – Он выжидательно замолк.

– Когда? – Старый химик раскрыл регистрационный журнал.

– Вчера, – тихо ответил Люсин и виновато опустил голову.

– Наведайся в четверг. – Аркадий Васильевич тут же захлопнул журнал и, давая понять, что говорить, в сущности, больше не о чем, взял с этажерки последний выпуск «Аналитиче-

ской химии». – Интересная статейка есть: «Новый экспресс-метод определения таллия в многокомпонентных системах». Рекомендую прочесть.

– Непременно. Сразу же после вас... Девочки мне, правда, намекнули, что, возможно, сегодня... – вкрадчиво промурлыкал Люсин и сразу же предпринял обходный маневр: – Нет-нет, никто ничего мне не обещал, но анализы детские. Честное слово! Если только разрешите, я сам стану к столу.

– Что именно?

– Да пустяки же, говорю! Ну, кровь на группу, какой-то жалкий окурочок, и вроде больше ничего...

– Кому сдавал?

– Тамаре.

– Ладно, иди к ней сам. Если она сделала, я возражать не стану, хотя и негоже против правил: очередь есть очередь!

– Аркадий Васильевич, от всей души! – Люсин прижал руку к сердцу. – Вот это сюрприз! А я, признаться, без всякой задней мысли к вам зашел. Марочки хотел отдать. – Он положил на стол целлофановый конвертик с полной рузвельтовской серией Сан-Марино, которую приобрел специально для такого случая у спекулянта на Кузнецком мосту. – Приятелю подарили, а он не собирает...

– Да ты что, Люсин! – восхищенно прошептал старик. – Пятнадцать инвалютных рублей по каталогу Ивер! Разве можно такие подарки делать?... Ну, спасибо, спасибо...

Он вооружился лупой, зубцемером и, не отрывая от марок глаз, рассеянно попрощался.

Люсин со спокойной душой прошел в аналитичку. Остановился у стола, заставленного большими стеклянными банками, в которых, как паруса в полный штиль, висели бумажные ленты. Тут же стоял набор для микрохроматографии и бинокулярный микроскоп.

– Уже пришел? Рано, – сухо встретила его красивая смуглая брюнетка.

Отодвинув деревянный штатив с набором органических растворителей, она взяла чашку Петри и, подставив ее под бюретку с делениями, повернула краник. Несмотря на то что титрование проходило под тягой, Люсин уловил резкий запах нашатыря.

– Как раз вовремя, Томик. – Он шумно выдохнул воздух. – А то я уже в глубокий обморок впал от твоей холодности.

– Погоди, Володя. – Она поднесла ко рту промывалку с дистиллированной водой и пустила тонкую струйку в колбу, где немедленно выпали сероватые хлопья осадка.

Люсин смиренно ждал, пока она священнодействовала.

– Пойдем. – Тамара закрыла вытяжной шкаф и поманила его к столу. – Губная помада. – Она включила осветитель микроскопа. – Садись.

Люсин увидел ленту с розовато-желтыми разводами, разделенными параллельными прорезами.

– Причем импортная... «Кристиан Диор» или «Елена Рубинштейн». У нас такая только за сертификаты.

– Занятно, – протянул Люсин. – Очень занятно! А теперь объясни в порядке ликбеза.

– Пусти. – Она согнала его с места. Малиновыми, изящно отточенными ноготками ловко подхватила бумажку с предметного столика и выключила свет. – Входящие в помаду красители по-разному растворяются. Импортные помады готовят на жирорастворимых красителях, поэтому их след опережает. Смотри, как наша отстаёт! – Она поднесла полоску бумаги к самым его глазам: – Это отечественная. Свою брала.

– Чертовски интересно! – искренне восхитился Люсин, хотя без микроскопа следы были едва видимы. – Я не я буду, если не добуду тебе такую, импортную.

– Лучше «Макс Фактор» достань, – засмеялась она. – Тем более, что другой анализ как раз из той оперы.

– Неужели тоже косметика?
– Краска для ресниц или тон, точно не знаю – вещества мало. Так что ищи красивую женщину, Люсин.
– Я всю жизнь только это и делаю.
– Оно и видно. Если в тридцать пять холостяк, значит, это уже хроническое.
– А что делать, когда глаза разбегаются? Особенно летом?
– Заведи гарем. И будь здоров! Тебя Наташа искала.
– Кровь?
– Не знаю... Сюда Крелин заходил. Кажется, у него что-то есть для тебя. Спроси у Наташи.
– Ты золото, Том! – Он ловко чмокнул ее в щечку и поспешил в соседний отсек.
Наташу он застал у сушильного шкафа. Она внимательно изучала выкройку в журнале «Работница».
– Сапоги-чулки? – пошутил Люсин.
– Сам ты сапог! Тебя тут Яша разыскивает. Обзвонился весь.
– Я у кибернетиков был, Натусь. А где он сейчас?
– Срочно уехал с опергруппой. Оставил записку. – Она оторвалась от журнала и вынула из кармана халата помятый авиаконверт.
В нем лежала записка от Крелина:

Володя!

По поводу протекторных слепков у наших возникли разногласия. Тогда я сходил в ОРУД и НИИ милиции. И те и другие определенно заявляют, что все-таки «Ява». Им можно верить, особенно ОРУДу. Если поедешь в Малино, передай привет Генриху.

– Ага! – удовлетворенно засмеялся Люсин. – Уже кое-что! А как анализы, Натусь?
– Анализы? – переспросила она, думая о чем-то своем. – По-моему, еще не готовы. Да, конечно, порошок пока не определили. С молекулярным весом путаница какая-то вышла. Надо будет попробовать на температуру плавления.
– А кровь?
– Кровь? Спроси у девочек... Хотя нет, постой. Кровь, кажется, сделали. Сейчас погляжу. – Она взяла со стола большую амбарную книгу. – Ты когда сдавал?
– Вчера, зачарованное создание! В семнадцать часов, киса!
– Вчера? – Она широко распахнула глаза, словно впервые увидела его. – И ты пришел с утра?
– Мы же с тобой обо всем договорились! Вспомни, детка, сосредоточься как следует.
– Да? – Она перелистала книгу. – Правда, анализ готов. Группа крови АВ.
– Так, может, и порошочек есть? Посмотри получше.
– Нет. – Она покачала головой. – Это я определенно помню.
– И на том спасибо, – вздохнул Люсин. – Ну, я поскакал. До скорой встречи!
– Счастливо, Володя. Заходи.
Оставалось только забежать к дактилоскописту. Но Люсин решил этого не делать. Ему казалось, что Гуго Иванович его недолюбливает, а раз так, то лучше лишний раз не мозолить глаза. Можно спокойно справиться по телефону.
...Еще в коридоре он услышал телефонный звонок. Поспешил отпереть дверь и кинулся к столу. Звонил внутренний.
– Люсин слушает! – крикнул он в зеленую трубку и перевел дух.
– Володя, – он узнал голос секретарши, – вас Гуго Иванович разыскивает. Позвоните ему.
– Спасибо, Лидочка. Сейчас звякну... Григорий Степанович у себя?

– У него совещание. Он вам очень нужен?
– Нет, ничего срочного... Обо мне он не спрашивал?
– Можете спать спокойно.
– Я так и делаю. Потому и трубку не снимаю. Про «Курьер» не забыли?
– Когда будет, сразу же позвоню.
– Вас понял. Всех благ! – Он утопил рычаг и, найдя в приколотом над столом списке нужный номер, набрал четыре цифры.

– Добрый день, Гуго Иванович... Люсин звонит. Мне тут передавали, что вы мною интересовались...

«Все само собой получается, – подумал он. – Хорошо, что не пошел. Вот он и позвонил. Совсем другое дело».

– Вами я не интересовался, – как всегда сухо и резко, почти на грани бестактности, но не переходя эту грань, отрезал Гуго Иванович. – Но пальчики есть. Вполне отчетливо.

– Спасибо. Разрешите зайти к вам?

– Официальное заключение направим в отдел.

– Хорошо, – закусив губу, согласился Люсин. «Зачем же тогда звонил, разыскивал!»

– Я звонил вам утром, чтобы поставить в известность. – Гуго Иванович словно почувствовал невысказанный вопрос. – Два отпечатка. Указательный правый вышел хорошо, большой правый размыт.

– Мужчина или женщина? – не утерпел Люсин, хотя дал себе слово не задавать вопросов.

– Не беспокойтесь, мы не позабудем указать в заключении, – тут же поймал его Гуго Иванович и, помолчав, буркнул, ответил все-таки, вопреки обыкновению: – Мужчина.

«Вот и исчезла красивая женщина, – усмехнулся Люсин. – Как нервно курила она у калитки сигареты, пока ее сообщник, потребляющий “Беломор”, пеленал бедного доктора химических наук! Как бы не так! Даже по ухватке ясно, что мужчина. Зажав сигарету между большим и указательным пальцами, видимо пряча огонь, он сделал несколько быстрых коротких затяжек... Жаль, “Пэл-Мэл” разбухла в воде, хотя один палец – тоже неплохо... Но где все-таки та красotka, что перепачкала ему все спички? И почему я ничегошеньки не вижу? Картина где?»

Напряжение последних часов отхлынуло, и он ощутил сосущую пустоту. Словно провалился на бегу в бездонную яму. С удивлением понял, что ему стало вдруг нечего делать, что надо набраться долгого терпения и ждать, ждать... Все или почти все оставленное преступниками прибрано теперь к рукам. Больше он ничего не узнает. Нужно пускаться на поиски, практически не имея за душой ни крохи. С чего начать? С института, в котором работал Ковский? Или лучше все бросить на розыск этой «Явы» с коляской? Дадут ли что-нибудь пальцы? Вычисления вариативности, в которые он, честно говоря, мало верит?

Зазвонил городской.

– Люсин слушает! – Легонькую красную трубочку непроизвольно поднял двумя пальцами: большим и указательным.

– Здравствуйте, Владимир Константинович. Логинов говорит.

– А! – обрадовался он стажеру. – Что новенького, Глеб Николаевич?

– Хочу доложить – закончил опрос. Пустой номер! Соседи ничего не слышали и не видели, но дежурный милиционер обратил внимание на гражданина в мотоциклетном шлеме.

– Не так плохо, – повеселел Люсин. – Во сколько это было?

– Точно сказать он не может. Где-то после двенадцати ночи.

– Прекрасно! Гражданин сел в поезд?

– Он не видел.

– Внешность запомнил?

– Говорит, было темно. Платформа плохо освещена.

– Чем же привлек этот субъект его внимание?

– Да шлемом этим самым... Выходит, слез с мотоцикла, чтобы сесть на электричку?

– А если его просто подвезли к станции? – вкрадчиво спросил Люсин.

– Отчего тогда шлем не оставил? – тут же возразил Глеб.

«Все правильно. – Люсин задумчиво взъерошил волосы на затылке. – И очень просто: заехал по дороге купить билет. Видимо, большой руки импровизатор! А то бы загодя припас...»

– Как фамилия милиционера, Глеб Николаевич?

– Синицын, сержант Синицын Петр Никодимович.

– Спасибо! Увидимся, – сказал Люсин, записывая фамилию на календаре. – Вы где сейчас?

– В Жаворонках. Из автомата звоню.

– Тогда не в службу, а в дружбу: загляните к Людмиле Викторовне. Время позволяет?

– Конечно, Владимир Константинович, что за вопрос?

– Первым делом вы передадите ей от меня привет. Ласково, вежливо, одним словом, как вы умеете. Попробуйте эдакими намеками успокоить ее. Но ничего определенного! Пусть от вас просто исходит оптимизм. Дайте ей почувствовать, что вы, как и я, конечно, не сомневаетесь в благополучном финале. Вы меня поняли?

– Так точно, понял.

– И чудненько... Между делом пройдитесь по комнатам. Особое внимание обратите на туалетный столик хозяйки, если таковой в наличии. Лады? Духи там разные, помада, краска... Еще раз спичками поинтересуйтесь. Может, мы второй раз что-нибудь упустили. А под конец заведите разговор на медицинские темы. Она это любит. Поговорите о дефицитных лекарствах, гомеопатии, старичках-травничках, словом, о чем хотите. Заодно полюбопытствуйте, у кого они оба лечатся. В какой поликлинике.

– Все понятно. Фотокарточки вас не интересуют?

– Есть уже. Пересняли с документов. Действуйте! Семь футов под киль.

Люсин довольно потер руки. Контрагенты явно импровизировали на ходу. Важный штришок к психологическому рисунку. Если они действовали по заранее обдуманному плану, то, значит, произошло нечто неожиданное, заставившее их сделать финт. А где один финт, там и другой, глядишь – и проявят себя. Коли они артисты по природе, то тоже можно надеяться на новые выкрутасы. Как же иначе? Страшнее всего туповатый и злобный сухарь, который способен надолго затаиться, начисто сгинуть с глаз...

Люсин запер кабинет и спустился в буфет, где ожидалась вобла. Очередь образовалась уже солидная.

Глава восьмая. Многозначительные домыслы

В ту же субботу, в седьмом часу, Лев Минеевич отправился с непременно визитом к Вере Фабиановне Чарской. Туман с отчетливым запашком подгоревшей капусты стал поне-многу редеть и уже не так ел глаза, как утром. На Патриарших прудах Лев Минеевич, по обыкновению, посидел на скамеечке, но удовольствия не получил. Дышалось трудно. Томительный зной висел над горячим асфальтом. Синий угар расплывался вокруг грохочущего Садового кольца по улочкам и переулкам. Лев Минеевич винил во всем новенькие разноцветные «жигули», которых с каждым днем становилось все больше и больше. И, как подметил старый коллекционер, за рулем-то сидела безответственная молодежь.

«Вытесняет машина человека-с!» Лев Минеевич с огорчением цыкнул зубом и, раздраженно жестикулируя, забормотал:

– Все спешат, несутся очертя голову. А куда? Зачем? Неведомо. Зачем им космос, когда на рынке пучок укропа как стоил гривенник до реформы, так и теперь – гривенник. Даже в антикварном и то теперь очередь. Плюнь и не ходи! По средам и субботам, когда картины привозят, толпы выстраиваются. Хватают что под руку попало. Да разве так живописные шедевры приобретаются? Ни посмотреть, ни тебе подумать. Летят! Берут! Зачем-то перенесли магазин с Арбата. Кому он там мешал? Никакой в жизни стабильности!

Лев Минеевич опомнился и, устыдившись, что вслух сам с собой разговаривает, покосился на соседнюю скамейку. Но сидевший там молодой человек с пышными бачками был целиком погружен в книжку. Нога его стояла на оси детской коляски и периодически совершала возвратно-поступательное движение.

«А для матери младенец уже не существует, – осудил Лев Минеевич и, опираясь на свернутый зонтик, поднялся. – Матриархат возвратился».

Старый коллекционер пристроился к длинному хвосту у квасной бочки. Покопавшись в кошельке, зажал в кулак трехкопеечную монету и приготовился терпеливо ждать. Но когда до вожаемого медного крана оставалось рукой подать, увидел, как нерадиво обмывает кружки старуха в некогда белом фартуке, и тихо вышел из очереди.

На улицу Алексея Толстого Лев Минеевич пришел в угнетенном состоянии духа. Он нырнул в знакомую подворотню, бочком проскочил тенистый двор и, приподнявшись на цыпочки, постучал в окошко. Потом задрал голову и стал ждать результата.

Летел тополиный пух, словно где-то потрошили ватиновую подкладку. На темном кирпичном карнизе, гукая, топтались голуби. Хлопнула форточка, и его позвали:

– Войдите, Лев Минеевич!

Он суетливо забежал в подъезд и, одержимый навязчивым счетом, сосчитал ступени, которых испокон века было четыре. Тут загремели замки, засовы, цепочки, и Вера Фабиановна отворила дверь, похожую на выставочный стенд почтовых ящиков всех времен и конструкций.

Войдя в комнату, Лев Минеевич с удивлением обнаружил, что и здесь была произведена некоторая перестановка. Стабильность уходила из жизни. Что-то явно переменилось в этой захлавленной, но привычной и даже уютной по-своему лавке древностей.

По-прежнему громоздились на серванте и шифоньере всевозможные коробки, свертки и старые, избитые по углам чемоданы. Как и раньше, сумрачно посверкивали граненые флаконы давно усохших духов на трельяжном столике, пылились в открытой жестянке «Жорж Борман и К°» бесценные раритеты. Но наметанный глаз Льва Минеевича все же ухватил перемену. Скользя взглядом по картинам и фотографиям, висевшим на стенах, по темным истрепанным корешкам оккультных и теософских изданий на книжной полке, он догадался, что Верочкина комната изменила свой колорит.

Исчезли черный, похожий на старое ведро шлем пса-рыцаря с растопыренной куриной лапой на маковке, двуручный меч палача из славного города Регенсбурга и грубая тряпичная кукла, которую Чарская выдавала за оружие любовного приворота. Зато увидели свет божий долго хранившиеся в «запасниках» тибетская молитвенная мельница, четки из розового коралла и чудесная курильница шоколадной бронзы с корейскими триграммами и фантастическим львом Арсланом на крышке. Колорит мрачной средневековой Европы явно уступал свое место буддийской Азии.

Лев Минеевич повернулся к хозяйке, которая, запев все замки, вошла следом за ним, и обомлел. Он собирался поцеловать пожилой даме ручку и, осведомившись о здравии, выяснить причину смены экспозиции, но, увидев на голове Веры Фабиановны чету рыжих котят, совершенно потерял дар речи. Крохотные, подслеповатые еще зверьки мяукали и безжалостно когтили хозяйкины волосы, завитые в мелкие кольца, но каким-то чудом сохраняли равновесие, не сваливались вниз. Впрочем, в наиболее угрожающие моменты Вера Фабиановна с кроткой мученической улыбкой придерживала их рукой.

– Здравствуйте, друг мой, – томно произнесла она и указала гостю на высокое, тронного вида кресло. – Отчего вы не сядете?

– Добрый вечер, очаровательница, – пришел в себя Лев Минеевич и подошел к ручке. – Откуда это? – осведомился он, косясь на котят, игриво покусывающих друг друга крохотными острыми зубками.

– Мбоя Египетская разрешилась от бремени, – с гордостью пояснила Вера Фабиановна.

– Папаша, значит, у них рыженький! – Он по-стариковски хихикнул и глянул в угол, где у батареи на тюфячке лежала на боку черная как смоль Верочкина любимица.

– Кто его знает, каков он, этот папаша! – философски заметила Вера Фабиановна и многозначительно добавила: – Генетика умеет и не такие шутки. Се ля ви.

Лев Минеевич лишь подивился богатству ее лексикона и обширным знаниям. Он уже обратил внимание на новое пополнение библиотеки. И если отпечатанный ин-квартио том «Культ камней, растений и животных в Древней Греции» еще не свидетельствовал о резком перевороте Верочкиного мирозерцания (долгие годы ее настольными книгами были «Наши друзья на небе, или Узнаем ли мы друг друга после смерти?» и комплект газеты «Оттуда» за 1906 год), то «Занимательная минералогия» академика Ферсмана и «Причудливые деревья» Меннинджера говорили о многом. Лев Минеевич увидел в них, а также в слове «генетика» явственное влияние новой дружбы. И это заставило его сердце болезненно сжаться. Круглый, румянький старичок с присущей юности остротой ощутил укол ревности. И не столь уж важно, что объектом ее была женщина! Льву Минеевичу стало очень обидно, что Верочка воспылала к случайной знакомой столь скоропалительной и всепоглощающей привязанностью.

С того дня, когда обе дамы разговорились в столе заказов «у Елисеева», куда Вера Фабиановна заглянула по пути в «Филипповскую» булочную, прошло не более месяца, но этого оказалось вполне достаточно, чтобы Льва Минеевича оттеснили на второй план. Это чувствовалось буквально во всем. Его забывали приглашать на чашку кофе, потому что Верочка выпивала ее вместе с новой подругой в знаменитой некогда булочной. Она перестала водить его на кинофестивали различных стран в «Ударник» и больше не гадала ему на картах. Да мало ли! Влияние этой особы, между прочим – сестры профессора, сказывалось даже в мелочах. Верочка, которая нигде и никогда не лечилась, стала вдруг посещать какого-то тибетского лекаря, периодически наезжавшего в Москву из Улан-Удэ показать жену, страдающую хроническим панкреатитом, профессору Туровой в клинике Вишневого. Симпатичный немногословный чудодей был славен тем, что ни о чем не расспрашивал пациентов. Пощупав пульс, он сразу же ставил диагноз и тут же давал лекарство, насыпая в бумажные конвертики сухую ароматную травку, которую черпал из большого мешка палехской расписной ложкой.

Лев Минеевич, которого Вера Фабиановна взяла с собой на первый сеанс, позволил себе высказать скептическое замечание по адресу знаменитого врачевателя, что чуть не привело к бурному объяснению. Равно были встречены в штыки и его попытки настроить Верочку против новой подруги.

Выражаясь языком Чарской, ему выдали такой бенц, что Лев Минеевич поклялся себе больше никогда не заговаривать с Верочкой на эту тему. Но академик Ферсман и генетика вывели его из равновесия. «И куда Верочка только лезет? – затосковал он. – Ведь не ее ума дело. Добро бы хоть гимназию закончила, так нет, удрала из дому с актеришкой».

– Как поживает ваша симпатия? – не утерпел бедный коллекционер.

– О! – Вера Фабиановна всплеснула руками, но тут же сморщилась от боли, так как котята, чтобы удержаться, вынуждены были всю выпустить коготки. – Вы ничего не слышали? – Она осторожно извлекла котят из волосяного плена и подкинула на попечение матери.

– Нет, – насторожился Лев Минеевич. – Разве что-нибудь произошло?

Заметив, как Моя Египетская принялась вылизывать питомцев, он брезгливо поежился и отвернулся.

Однако любопытство его было сильно задето. Он даже легко подпрыгнул на стуле от нетерпения. Но Вера Фабиановна молча застыла в трагической позе. В эту минуту она казалась себе похожей не то на Сару Бернар, не то на Элеонору Дузе или еще на какую-то столь же знаменитую актрису, чей снимок в роли Федры видела в журнале «Нива».

– Неужели Людмила Викторовна захворала? – наконец не выдержал он.

– Типун вам на язык! – Вера Фабиановна скорбно поникла. – У нее страшное несчастье: пропал Аркадий Викторович.

– То есть как это – пропал? Куда?

– Почем я знаю? Она звонила вся в слезах. Места себе не находит. Не знает, что и подумать.

– Когда это случилось? – Лев Минеевич понизил голос.

– Третьего дня... Представьте себе ее положение! Она уезжает в Москву выкупить заказ в гастрономе, и все, конец, больше она его так и не увидела. Мистика какая-то!

– Как же это произошло? – допытывался Лев Минеевич.

– Совершенно сверхъестественный случай... Но вы, кажется, не признаете сверхъестественного? – Она насмешливо скривила губы.

– Ваша ирония здесь неуместна, – с достоинством сказал Лев Минеевич. – Если бы я признавал, как вы сказать изволили, сверхъестественное, тот бандит – или вы забыли историю с вашим ларцом? – гулял бы себе на свободе! Вместо того чтоб слезы проливать, ей в милицию обратиться надо, вот что скажу вам, голубушка. Как хотите! – Он принял вид независимый и даже надменный. – Ради вас я готов оказать ей протекцию... На Петровке у меня есть кое-какие связи...

– Да знаю я их, ваши связи! – досадливо отмахнулась она. – Один свет в окошке... Что может сделать ваша милиция, ежели человек исчез? Понимаете? Ис-чез! Она когда утром на дачу примчалась, то чуть в обморок не упала. Кабинет Аркадия изнутри заперт, а самого его нет. Испарился. И ковер текинский вместе с ним.

– Хороший ковер-то?

– При чем здесь ковер, когда человек пропал бесследно? – возмутилась она.

– Вы же сами сказали про ковер, – обиженно надулся Лев Минеевич, – а теперь кричите... Может, кража это простая! Ясно?

– Какая же это кража, коли пропала лишь старая тряпка? А у Аркадия Викторовича, между прочим, камушки есть! Не чета ковра. У Людмилы Викторовны в комнате тоже драгоценности лежали, кольца... Да и как вору-то было залезть, когда все заперто? Кабинет-то на крючок замкнут! И никаких концов!

– Милиция бы нашла, – с непреклонной уверенностью откликнулся Лев Минеевич.

– Вот заладил – милиция, милиция... Русским же языком говорю, не человеческого разума тайна эта... А может, Аркадий Викторович нарочно исчез!

– Как это – нарочно? – не понял Лев Минеевич. – На пари?

– Совсем другое, вы послушайте. – Она перешла на шепот: – Не простой он человек, я это сразу поняла. Не нашего мира.

– Марсианин, что ли? – Он пренебрежительно усмехнулся.

– Про Калиостро слыхивали?

– Ну, наслышан.

– Про графа де Сен-Жермен?

– Уж не ваш ли это Аркадий Викторович?

– Что знаю, то знаю. – Она упрямо поджала губы. – Только признак один есть, верный.

– Не пойму я вас, Верочка! Ей-богу, не пойму, куда клоните. Признак какой-то...

Вместо ответа она кинулась к трельяжу, схватила шкатулку и с грохотом опрокинула ее на стол. По липкой обшарпанной клеенке запрыгали пуговицы, крючочки, кольца, бусы, египетские скарабеи из змеевика и халцедона, нефритовые диски, окаменелые фисташки и позеленевшая мелочь, в том числе копейки с двуглавым орлом. Чего только не было здесь: спутанные разноцветные мотки мулине, пакетики швейных иголок, веер из слоновой кости, наперсток, грибок для штопки, китовый ус от корсета, драная перчатка из лайки, серебряная пудреница с алмазной монограммой, охотничий манок на чирка и розовая игривая подвязка, начисто запрещенная во времена оные в Институте благородных девиц.

Нервные старушечьи пальцы в коричневых пергаментных пятнах торопливо выхватывали из этой неопишуемой кучи пыльные, замутневшие самоцветы, искусно оправленные в золото и серебро.

– Вот вам! Вот! – Взволнованная Чарская совала драгоценности Льву Минеевичу под самый нос. – Помните мой бриллиантик? А этот аметистик видели? Хризолитовые серьги? Печатку из раухтопаза?

– Помилуйте, Верочка! – взмолился он наконец. – Что вы делаете? Зачем? Я все давным-давно знаю, видел не раз... Это замечательно, просто прелестно, только...

– Ах, вы ничего не поняли! – Она раздраженно пошвыряла все добро обратно в шкатулку и, словно изнемогая, уронила руки. – Верно, вы знаете мои камни. Только давно их не видели.

– Ну, и что с того?

– Другие они стали, Лев Минеевич, выздоровели. – Она вздохнула с тоской. – Аркадий Викторович, пусть все грехи ему простятся, вылечил.

– Да что вы говорите? Подумать только! – Лев Минеевич всплеснул ручками. – Как же так?

– В алмазе пузырек был, так он его удалил, аметист темнее сделал, видите? – Она поиграла перед его глазами крупным черно-фиолетовым кристаллом, в котором кровавой точкой догорало окно. – В хризолитах трещинки залечились, а топаз, так тот вообще голубым стал. Вы хоть когда-нибудь слыхали про голубые топазы?

Лев Минеевич недоуменно скривил лицо.

– То-то и оно, что не слыхали. И никто не слыхал... Такое только Сен-Жермен с Калиостро делать умели да наш Аркадий Викторович. Вот и смекайте теперь... А вы говорите – знак! – Она торжествующе подняла палец.

– Это вы говорите – знак, – попробовал защититься Лев Минеевич. – Я молчу.

– Вот и молчите себе.

– Ничего не понимаю! – Он вновь всплеснул розовыми, пухлыми, как у младенца, ручками. – Подумаешь, дело великое сделал – камень вылечил! Так у него же специальность такая! На то он и профессор. Наука все может! Космос! На Луну теперь слетать – как в троллейбусе

прокатиться, разве что за билет платить не приходится... Это вам не пузырьки! Тоже мне генетика! – Он пренебрежительно покосился на кошачье семейство.

Рыжие котята, урча и смешно топорща острые куцые хвостики, сосали мамашу.

– Все равно, – упрямо стояла на своем Чарская, хотя упоминание про космос и поколебало тайную ее веру в магические возможности Аркадия Викторовича. – Только великий посвященный способен уничтожить пузырек в бриллианте. Самый настоящий знак и есть. Другого указания мне и не надобно.

– Как хотите, – пожал плечами Лев Минеевич. – Только ваш Аркадий Викторович – сестра его, между нами, очень нервическая особа – никакой не посвященный. Простой научный работник, каких много.

– Ах, простой?

– Ну да, простой. – Он мужественно тряхнул головой и выпрямился на стуле. – Обыкновенный трудящийся. Никакой не посвященный. Что это за посвященный еще? Во что посвященный?

– Что с вами говорить! – Она пренебрежительно махнула рукой. – Вы даже Шюре не читали. Капли единой не испили из вечной чаши тайной мудрости.

– А вы так испили? – ехидно прищурился коллекционер.

– Я приобщена. У меня вся семья такая была и самое меня так воспитали.

– Когда это было? И разве вам тайная мудрость помогла? Ведь вас ограбили и чуть не убили! Эх, Верочка, Верочка! – Лев Минеевич горестно усмехнулся. – Не там вы друзей ищите. Милиция – это да, она помогла. Лев Минеевич тоже помог, хотя он и не получил эдакого воспитания, – он покрутил пальцем над головой, – не читал Шюре.

Вера Фабиановна не захотела грешить против очевидности и перевела разговор в иное русло.

– Вы правы, конечно, – польстила она ему, – говоря о свершениях науки. Но разве не возможно, что Аркадий Викторович раскрыл тайную мудрость в своих формулах и чертежах? Не знаю... Да и какая, в сущности, разница? Он же и вправду многое умеет. Вот я и думаю, что он по своей воле исчез.

– Зачем же ему понадобилось такие шутки шутить?

– Очень просто. Открыл невидимость и исчез, а теперь вернуться не может. Забыл, как это делается...

– Вздор, Верочка, чистый вздор. Вы готовы поверить в любую чепуху.

– Сразу видно, что вы не следите за полетом научной мысли. Пришельцы! Наш Аркадий Викторович, если хотите знать, заброшен из иных времен. Очень даже свободно...

– И что же, он домой теперь полетел или как?

– Как хотите, так и понимайте.

– А сестрицу свою нам подкинул, сюда?

– Лэо Минейч! – Она вскочила и простерла указующий перст на дверь.

– Ну, не буду, не буду, Верочка! – Он даже закрылся рукой от ее гневного взора. – С вами и пошутить нельзя... Вы больше не звонили Людмиле Викторовне?

– Нет. Боюсь ее травмировать. Она такая чувствительная...

– Так, может, он уже и нашелся?

– Ой ли! – Чарская шумно вздохнула. – Меня бы уведомили. – Тут она снисходительно улыбнулась. – Да я бы и так знала.

И она подробно поведала Льву Минеевичу, как гадала на пропавшего доктора химических наук. Как раскладывала карты, а трефовый король, то есть Аркадий Викторович, все не выходил, в колоде терялся, а это верный знак, что нет его на земле.

– И что вы на это скажете? – торжествующе спросила она.

Но Лев Минеевич ничего не сказал, а только руками развел.

– Отчего же в шар не поглядели? – осведомился он, кивая на черную бархатную накидку, под которой находился тяжелый литой хрусталь, открывавший перед Верой Фабиановной, по крайней мере она так рассказывала, поразительные видения.

– Боюсь! – Она зябко поежилась. – Будь он простым человеком, я бы решилась, а так боюсь. Увидишь его в нездешнем тумане, а он схватит тебя и уволокет к себе.

– Ух! – Лев Минеевич не уставал восхищаться артистическими способностями своей подруги.

– Вот вам и «ух»! – передразнила она его. – Я так гадала однажды на пропавшего и вдруг белье увидела, которое во дворе после стирки развесила. И что вы думаете? В этот самый момент его соседка вместе с веревкой и уволокла... Там и камчатная скатерть была с царским вензелем. Тоже пропала.

– В учреждение, где он служит, Людмила Викторовна обращаться не пробовала? – Льву Минеевичу в потусторонних сферах было неуютно, и он поспешил направить разговор на земные темы.

– Не знаю, право. – Она захлопнула форточку.

Сразу примолк Рэй Коннифф, неистовствовавший в окне напротив. Успокоился круживший по комнате тополиный пух.

– Посоветовали бы ей. Вдруг на работе знают?

– Едва ли... Аркадий Викторович домосед. Он в своем кабинете опыты делал.

– Нешто можно так? – удивился Лев Минеевич. – Зарплату на службе получать, а опыты на дому производить?

– Разумеется, – уверила его Вера Фабиановна. – В научном мире с этим не считаются. Лишь бы дело двигалось, результаты были.

– Великая штука – образование! – позавидовал он. – Небось Аркадий Викторович на хорошем счету у начальства, раз ему такое послабление дали.

– Простодушный вы человек, друг мой! Разве у нас умеют ценить одаренных людей? – Вера Фабиановна не только близко к тексту цитировала подругу, но даже воспроизводила произвольно ее интонации. – Аркадия Викторовича просто третируют, травят! Если бы он не был столь поглощен темой, то давно бы уже бросил этот гадючник. Его с распростертыми объятиями возьмут куда угодно... Людмила Викторовна далеко не уверена, что трагическое событие не находится в связи с общей обстановкой в институте.

– Неужто сослуживцы? – испугался Лев Минеевич. – Быть того не может!

– В науке, дорогой вы мой, – Вера Фабиановна покровительственно погладила его руку, – интриги на почве зависти столь же распространены, как и в артистическом мире. А мне ли не знать, что такое театр! – Она молитвенно простерла руки к потолку. – Это моя юность, моя невозвратимая молодость!

Лев Минеевич допускал, что Верочка, сбежавшая некогда из дома с ярчайшей звездой провинциальной сцены, действительно знает театр. Но какое это имеет отношение к современной науке? Разве похож Аркадий Викторович на опасного сердцеда Чарского, которому небо послало Верочку в отлучение, ибо это она довела его до полного разорения и белой горячки? И вообще, при чем тут театр? Но Лев Минеевич ничего не сказал и только вздохнул.

– Отчего вы не пошли за меня, Верочка? – вдруг спросил он, хотя эта некогда жгучая проблема за давностью лет совершенно перестала его волновать. Он и сам не понимал, для чего спросил.

– Не помню уже, друг мой. – Вера Фабиановна равнодушно зевнула. – О чем это мы с вами?

– Про интриги на поприще разных наук.

– Верно... Нет, Аркадия Викторовича определенно доконали завистники. Современникам не прощают великих открытий.

Последняя фраза, произнесенная совершеннейшим голосом Людмилы Викторовны, заставила его вздрогнуть.

«Бедная Верочка, – втайне огорчился Лев Минеевич, – она совсем потеряла собственное “я”! Сделалась как та истеричка...»

Ему припомнились рассказы Веры Фабиановны о переселении душ, почерпнутые ею из подшивки газеты с жутковатым названием «Оттуда».

«Видимо, не такая уж это все ерунда, если зануда Людмила Викторовна и впрямь временами вселяется в Веру».

– Какое же изобретение сделал Аркадий Викторович? Придумал, как драгоценные камни исправлять?

– Что камни? – Вера Фабиановна презрительно подняла выщипанные в ниточку брови. – Камни для Аркадия Викторовича – пустяк, побочное занятие. – Она небрежно поиграла белыми, как молодая картошка, янтарями, украшавшими затрапезную, латаную-перелатаную кофту. – Если желаете знать, он обессмертил свое имя настоящим открытием!

– Позвольте полюбопытствовать?

– Он доказал, что растения живые.

– Как, разве это он доказал? – простодушно удивился Лев Минеевич. – А мне казалось, что это всем известно. Да я и сам так думал с детства. Коли растут, так, значит, и живые...

– Вечно вы все путаете, Лев Минеевич! – властно оборвала его Чарская. – Аркадий Викторович вовсе другое открыл. И вы себя с ним не равняйте! Он открыл, что растения чувствуют и ощущают. Поняли?

– Как тут не понять? – Лев Минеевич даже заподозрил, что пропавший профессор вовсе никакой не профессор, а самый настоящий аферист. – Чувствуют – значит, чувствуют, ощущают так ощущают... Вроде нас с вами или вон, как они, кошки, – кивнул он в сторону батареи, где пребывала Моя Египетская со чадами.

Глава девятая. Волна I¹

Южная Индия. XI век

Когда последние пашуната – подвижники Шиваиты – покинули пещеру, старый брахман начал готовить владыку к вступлению в спальню. Расколов перед статуей кокос, он положил в обе половинки дикие яблоки бильвы, посвященной Шиве, и налил в золоченые лампадки свежего масла. В тайном помещении, где стояла круглая каменная плита, отверстие которой пронзал черный столб, отполированный поцелуями и засыпанный лепестками, он приступил к вечернему обряду ради благополучия всего мира. Приняв асану лотоса и впав в протрацию, старик сосредоточился на почитании священного слога «ОМ», дабы защитить все живое от надвигающейся темноты и вреда, который несут бесы и демоны ночи.

Раньше, когда брахман был молод, вечерний обряд заканчивался бурной пляской храмовых танцовщиц. Но вот уже много лет, как деревни вокруг обеднели, и все танцовщицы разбрелись кто куда. Старик не жаловался и ни о чем не сожалел. Он был даже доволен, что в одиночестве выполняет многотрудные обязанности, которые связаны со служением в пещерном храме. Очнувшись от транса, он сто восемь раз явственно произнес: «Ом намашивая»², нанес тилак³ и, задернув занавесь, отправился домой, чтобы передохнуть часок перед обрядом почитания стражей стран света, которым положено кадить ароматным дымом.

У бога, которому он поклонялся, была тысяча и еще восемь имен. И каждый раз старик старался назвать его по-новому: то нарекал кумира Владыкой Третьего Неба, то Шарвой-разрушителем, который убивает стрелой, то Махешварой, что означает просто «великий бог». Были и другие имена: Амаракша – повелитель богов и Шамбху Милостивый, Истинный Повелитель и Долгокосый, Шамбху Могучий и страшное имя Бхайрава, которое рискованно было произносить всуе. Но чаще всего старый жрец называл своего господина Четырехруким, потому что у Храмовой статуи было четыре руки, и Владыкой танца, так как бог танцевал на поверженном карлике, и Трехглазым, ибо сияла у него во лбу огненная звезда. Давным-давно, когда люди и боги еще жили вместе, Парвати, жена Владыки, играя, закрыла ему глаза своими ароматными ладонями, и мир погрузился в кромешную тьму. Тот самый мир, ради благополучия которого Шива выпил яд, отчего горло его стало навеки синим. Тогда-то, дабы не оставить людей без света, он зажег свой третий, надбровный глаз. Впоследствии в минуты гнева и раздражения он неоднократно испепелял этим нестерпимым светильником демонов и людей, других богов и даже целые миры.

Еще у него было имя – Обладатель Восьми Форм, упоминать которое дозволялось только брахманам высших степеней, а также отшельникам, предающимся размышлениям о первопричине всего сущего и его конце. В восьми этих формах заключалось все, что движет мирами: Земля – Шарва, Огонь – Пашупати, Вода – Бхава, Солнце – Рудра, Луна – Махадева, Ветер – Ишан, Пространство – Бхава и Угра – Жертвователь, понятие, включающее в себя обязанности человека по отношению к высшим силам.

От пещеры до хижины жреца было ровно тысяча восемь шагов, что позволяло ему не упустить ни одного имени Шивы, которое уже само неявно содержит все другие имена. Но последнее время брахман начал сбиваться и путать. Такое свое состояние он объяснял не слабостью памяти, а недовольством Мстительного Владыки, который скучает в одиночестве. Сбившись в подсчете шагов и прозвищ, старик начинал воображать, что именно говорит и

¹ Волнами индийский поэт Самадэва (XI век) назвал главы прекрасной книги «Океан сказаний». – *Здесь и далее примеч. автора.*

² «Ом, поклоняюсь Шиве».

³ Тилак – пятнышко на лбу, которое наносят специальной пастой.

делает в эти минуты Шива. Порой он настолько забывался, что кощунственно присваивал себе права патрона и начинал бормотать:

– Я Шива Натарджа Четверорукий Владыка танца! Я танцую, и все мироздание вторит мне. Вот приподнял я правую ногу, легко отклонился назад, весь равновесие и совершенство, и небесное колесо пришло в движение, закружилось, мерцая факелами звезд. Мой танец пробуждает творческую энергию Вселенной, он зовет из мрака невежества и лени к животворному всеочищающему свету, который изливает вечный костер, пылающий у меня на ладони. От меня исходит грозная сила. С моих волос срываются молнии. Электрические вихри бушуют вокруг меня.левой ногой я попираю ленивого карлика, имя которому Майялака. Подобно жирному пауку, плетет он паутину неведения, иллюзии и темного зла. Он сон, а я пробуждение! Он лень, а я энергия! Он коварное наваждение, а я царь знания! Смотрите, каким магнетическим светом озарена моя голова! Слушайте, как рокочет барабанчик дамару под ударами моих пальцев. Я пробуждаю к бытию новые миры. Вибрация звуков врывается в холод и мрак первозданного хаоса. Так океанский ветер рвет в клочья низкие тучи и несет их в иссушенную зноем пустыню. Они прольются благополучным дождем, плодотворящим жизнь, и я, Шива, пробьюсь сквозь землю первым зеленым ростком! В звоне моих запястий слышен гимн плодоносящей силе. Я прекрасен и страшен, беспредельно милостив и беспощаден. Ничто не минует моего всеочищающего костра. В урочный час все атомы бытия будут уничтожены в пламени, все миры. Я непостижимое единство. Во мне слились все изначальные противоборства: бытие и небытие, свет и тьма, мужские и женские начала вещей. В мочке моего правого уха – длинная мужская серьга, круглая женская серьга – у меня в левом ухе. Ибо един я, и моя женская энергия – шакти – предвечно во мне. Я танцую, и рука моя обращена ладонью к вам. Это абхайя-мудра – жест уверения и покровительства. Все, кто знает язык пальцев, созданный мной, поймут меня. Все, кто идет к совершенству по ступеням моей йоги, сольются со мной. Прекрасная кобра обвивает мой локоть. В стремительном танце она развивается и летит по кругу, как газовый шарф. Моя змея, моя опасная энергия, мое воплощение. Ожерелье из черепов подпрыгивает у меня на груди, когда я танцую. Это мертвые головы великих и вечно живых богов. В них непостижимая тайна круговорота миров и вещей, совершенствования и разрушения Вселенной. Один мой глаз – живительное Солнце, другой мой глаз – влажная плодотворящая Луна, горящий над переносицей третий мой глаз – Огонь. Головы Брахмы, Вишну и Рудры, как пустые кокосы, гремят у меня на груди, всевидящее сердце Агни пылает над моими бровями. Что перед испепеляющей мощью его сияние звездных факелов? Что перед ней даже Солнце в зените? Гневная вспышка надбровного глаза ослепляет ярче тысячи солнц...

Так напевал, танцуя, Владыка танца, но никто не слышал и не видел его. Вернее, так понимал неподвижный танец и безмолвную песню бронзового изваяния престарелый жрец.

В пещере, где стояло оно в отдаленной нише, было сыро и сумрачно. Красные огоньки курительных свечек едва мерцали в душном клубящемся тумане. С каменных сводов, отшлифованных временем и водой, с их бесчисленных, напоминающих дупла баньяна складок поминутно срывались тяжелые капли. Разлетаясь известковыми брызгами, образуя в пещерном поде причудливые столбы и глубокие каверны, они превращались в холодный туман. Поднимаясь вверх и остывая, он оседал на складчатом своде, чтобы вновь и вновь проливаться дождем. Удары отдельных капель и еле слышный шелест тоненьких быстрых струек сливались в один приглушенный шум. Может быть, престарелый брахман – хранитель пещеры – и различал, пока окончательно не оглох, в однообразной мелодии дождя бой барабана и звон запястий своего божества, но ныне некому стало слушать Шиву.

Брахман все чаще и чаще отлучался из храма. От вечной сырости и могильного холода, которые источали камни, он стал задыхаться и кашлять, нажил ломоту в костях и жестоко мучился от постоянных прострелов. Поэтому и предпочитал старый жрец ночевать в уединенной хижине на высоких сваях, под непромокаемой кровлей из рисовой соломы. Там было сухо,

тепло, смолисто пахли всевозможные снадобья, завернутые в банановые листья, и не тревожили душу красноватые огоньки курительных свечек, столь похожие на глаза крокодилов.

Задернутый покрывалом из крашеного пальмового волокна, Шива подолгу оставался теперь один в своей каменной нише. Согнув правую ногу в колене и оттянув книзу носок, он готовился начать свой сокрушающий миры танец, и верная кобра в стремительном отлете очерчивала ему магический круг. Владыка не мог пожаловаться на нерадивость своего служителя. На каменном алтаре исправно тлели сандаловые свечи; деревянные блюда благоухали горками живых цветов: влажных орхидей, фиолетовых, с нежными, быстро вянущими лепестками, миртов, белых восковых пипал с желтым зевом, чье дыхание горько и сладостно, как вода в джунглях; в кокосовых чашках лоснился золотой от шафрана рассыпчатый рис; гроздья округлых королевских бананов и зелено-розовые плоды манго казались только что сорванными с деревьев.

Но, бронзовый и неподвижный, Владыка танца тосковал от одиночества. Его лик, прекрасный и ужасающий, надлежало скрывать от простых смертных. Лишь в праздник Шива-пуджу, в день большого поклонения, старый жрец поднимал покрывало и демонстрировал грозного бога восторженной толпе. Это случалось всегда в одно и то же время, когда солнце, поднявшись над исполинскими травами горных джунглей, заглядывало в пещеру. Его лучи ударяли в надбровный глаз Шивы, и он вспыхивал в ответ кровавым яростным блеском. Казалось, Натараджа стремился испепелить и людей, и джунгли, и всю Вселенную. Тамилы⁴ в ужасе закрывали глаза и падали ниц на мокрый и скользкий камень. Когда спустя некоторое время они робко приподнимались и разлепляли непослушные веки, в пещере стояла полная темнота. Некоторые принимались в ужасе рвать на себе одежды и стенать, что ослепли навек. Но мрак постепенно начинал приобретать красноватый оттенок, в котором уже можно было различить знакомые очертания алтаря, и люди успокаивались. Наиболее проницательные догадывались, что в тот самый миг, когда Шива являл себя народу, жрец опускал покрывало и гасил в чаше с песком алтарные свечи. За это время солнце поднималось выше и уходило в сторону, отчего в пещере становилось темно, как ночью.

Зато снаружи ночь превращалась в день. Покинув пещеру, жители деревни зажигали факелы, и начиналось большое гулянье. Тамилы танцевали, пели, лакомились сладковатым пальмовым вином. До утра не смолкали флейты и барабаны, и далеко в джунглях трубным зовом откликались потревоженные слоны.

Но что за дело было Шиве до посвященного ему празднества, если сам он при этом оставался в полном одиночестве? Раньше хоть жрец не покидал его в такой торжественный день. Возился за покрывалом, что-то переставляя на алтаре, бормоча себе под нос, сжигал в жертвеннике ароматную очистительную траву. Но теперь и он уходил из пещеры вместе с народом. И пока в деревне длился пир, старый брахман, кряхтя, натирал ноющую поясницу соком камфорного дерева. Уж он-то знал, что утром предстоит основательно поработать! Больше всего хлопот доставит, конечно, молодежь. Столько романов завяжется в колдовскую, наполненную мерцающими вспышками светляков ночь, что и за целый год не распутаешь... Старики тоже не оставят его в покое. С рассветом даст знать о себе пальмовое вино. У одних разболится голова, другие начнут жаловаться на рези в желудке. И всех их придется лечить ему, старому Рамачараке, который живет близ деревни Ширале, окруженной травяными джунглями, скоро уже сорок лет... Но ничего, он не боится повседневных забот. Лишь бы все кончилось благополучно.

Не все возвращались под утро в свои дома. Следы пропавших терялись в джунглях или на берегу реки, покрытой зеленым цветущим ковром. И хотя старик догадывался, что старого гончара задрал леопард, а дочь старосты утащил в воду большущий крокодил, который любит

⁴ Тамилы – народность дравидийской группы.

погреться на солнышке возле упавшего дерева, он всех отсылал к Шиве. «Это Шива забрал твоего Чандру», – утешал он вдову гончара. «Шиве понравилась наша Лакшми, – терпеливо успокаивал убитого горем старосту. – Не надо плакать. Она пьет сейчас из чаши богов амриту бессмертия».

Он так привык вещать от имени Четверорукого танцора, что и сам верил сказанному. Не беда, коли мешочек, в котором Чандра хранил бетель и плоды арека для жевания, нашли потом возле дерева, изодранного когтями большущей кошки, а на прибрежный песок выбросило клочок золотого сари. Разве не все на земле вершится единой волей танцующего бога? Разве не все мы являемся эманацией его творческой энергии?

С заходом солнца брахман повесил гирлянду цветов на серый термитник, под которым поселилась длинная кобра. Теперь это место сделалось священным. Конус термитника – тот же лингам Шивы, символ его производительной мощи.

Видно, сам Шива послал сюда Нулла Памбу – кроткую змею. И когда?! В самый канун Нага-панчами – большого праздника змей! Это ли не знак благоволения Владыки танца к жителям деревни? Значит, их жизнь угодна богам! Да и могло ли быть иначе? Люди здесь тихие, работающие. Они безропотно принимают удары судьбы, смиренно несут кару за ошибки и прегрешения предшествующих перерождений. Старый Рамачарака знает их всех: и старых и малых. За каждого выступает защитником перед Четвероруким разрушителем миров. В столь очевидной милости неба есть и его заслуга. Он ревностно выполнял свое предназначение, и этого у него не отнимешь.

Закончив растирание, он совершил надлежащий обряд омовения и, помолившись, насыпал в сплетенное из ротанга блюдо горку вареного риса. Любовно украсил ее фруктами: разрезанными на две половинки спелым манго, очищенными бананами, красными пронзительно-кислыми ягодами. Наполнил кокосовую чашку козьим молоком.

Держа блюдо на вытянутых руках, осторожно спустился по лестнице и заковылял к термитнику. У темной норы он опустился на колени и позвал змею:

– О уважаемая Нулла Памба, посланница Шивы, о царица всех нагов, отведай кушаний, которые принес тебе твой слуга!

В дыре под термитником ничто не изменилось. Не пошевелились даже тонкие мохнатые волоконца корней в растресканной, как камень твердой красной земле.

Старик нагнулся еще ниже и, отставив блюдо в сторону, одним глазом заглянул в темноту.

Змеи он не страшился. Брахманы – служители Шивы – вообще не ведают боязни, что не мешает, конечно, проявлять разумную осторожность. Рамачарака знал, что кобра никогда не атакует без надлежащих приготовлений. Сначала она должна приподняться над землей и раскрыть свой капюшон, на котором сам Шива нарисовал вещие глаза, и лишь потом, сделав два-три предупреждающих броска, начать настоящий бой. Недаром же в народе она зовется кроткой, благородной змеей. Кобры берегут свое страшное оружие. Прежде чем пустить в ход ядовитые зубы, они часто бьют головой, не раскрывая пасти, отгоняют в сторону зазевавшегося человека или неосторожную козу. Жители Ширале с незапамятных времен дружат со змеями. Едва ребенок становится на ноги, ему суют в руки первую игрушку – пестрого водяного ужа. К семи годам он уже будет знать, как следует обращаться с самой ядовитой змеей.

– Яви себя, о уважаемая Нулла Памба, – вновь позвал старик и бросил в нору горсточку риса.

Он хорошо знал, что в этот день, канун священного праздника нагов, в каждом доме приготовлен горшок, в котором под ротанговой крышечкой скрывается кобра. Завтра чуть свет крестьяне с горшками в руках придут к пещерному храму. Под грохот барабанов и хриплый рев морских раковин каждый покажет свою змею божеству. Но первую кобру возьмет, как предписано ритуалом, за самый кончик хвоста, с глубоким поклоном отдаст Владыке всех нагов именно он, брахман Рамачарака. И хотя в его хижине уже припасен горшок со змеей, хорошо

бы показать Шиве именно эту, которую Владыка сам послал в Ширале. То-то будет смеха и возгласов удивления, когда женщины увидят, что самую большую змею поймал не кто иной, как старый жрец!

Старику нестерпимо хотелось завладеть Нулла Памбой. Суетное искушение оказалось настолько сильным, что он, позабыв все правила приличия, зашептал:

– Ну выходи же, выходи! Чего ты медлишь? Разве тебе не ведомо, что в Ширале не был обижен ни один из твоих сородичей? Завтра, как только солнце достигнет зенита, я отпущу тебя на волю! Я сам отнесу тебя обратно, к термитнику. Пойдем со мной, благородная Памба! Женщины осыпят тебя рисом, сваренным с шафраном и кардамоном, прочтут в твою честь молитвы. Поверь мне, вместе с камфорным дымом они полетят прямо к Владыке всех нагов, балдахин которого служит твой пятиглавый родич. Или ты не хочешь предстать перед ним? Боишься опаляющей вспышки его третьего глаза, красного, как Планета Огня? О, не бойся, прекрасная Памба! Разве ты не знаешь, что стремительная кобра уже обвивает его неутолимые чресла? Поспешай же к твоему слуге, о божественная энергия!

Старик говорил правду. После Нага-панчами змей и варанов, которых мальчишки понесут привязанными к шестам во главе шествия, выпускали на волю. Но что до того было кобре, притаившейся в глубокой норе под термитником. Она и не думала выползть.

И тогда Рамачарака принялся тихонько насвистывать. Он пытался свистеть так, как его учили когда-то в Бенаресе, тонко и переливчато, но вместо свиста выходило шипение. Явно сказывалось отсутствие зубов, которые без видимой причины выпали у него четыре года назад.

И тут, как ни странно, змея послушалась его. Она выскользнула наружу и заструилась прямо к блюду с угощениями, словно мутноватый, подернутый пылью ручей. Капюшон ее чуть раздувался и опадал, пока скребла она костяными чешуйками живота заскорузлую красную землю. Но, тронув нежным трепещущим язычком хвойную мякоть манго, она плавно поднялась и закачалась под невидимую музыку.

– Так-так! – одобрительно поцокал языком жрец и медленно, не спуская с танцующей Памбы глаз, потянулся к ней рукой. – Угощайся, о благородный наг! Угощайся...

Она поднялась еще и царственно развернула устрашающий капюшон. Размах ее сильного, упругого тела сделался шире, но неподвижные глаза были мертвы, как тусклые стеклянные слезки.

Широко растопырив пальцы, жрец медленно и неуклонно надвигал на нее сухую, почерневшую на солнце ладонь. Он зорко следил за каждым броском, вслушивался, невзирая на глухоту, как вырывается гневный ветер из ее вечно сухих ноздрей.

Кобра не пыталась скрыться и не спешила атаковать. Она раскачивалась, поминутно накрывая блюдо причудливой тенью, и раздвоенный язычок ее готов был лизнуть наплывавшую руку.

Жрец знал все статьи нерушимого договора, который давным-давно заключили жители Ширале с нагами, и потому не торопился. Спешка всегда опасна. Конечно, кобра не ужалит того, кто с надлежащим почтением предлагает ей дары, это так, но первое же неловкое движение, которое может показаться ей непочтительным, освободит змею от сковывающей власти обета, и тогда она нанесет молниеносный удар. И чем упорнее уговаривал себя Рамачарака, что ничего подобного в Ширале не случалось, тем меньше хотелось ему стать первой жертвой, собственной неловкостью нарушить вековое соглашение людей и нагов. Оттого ему не только приходилось следить в оба, но и сдерживать, сколько можно, старческое дрожание рук. Старик понимал, что, невзирая на все договоры, змеи отнюдь не радуются, когда их, пусть на короткий срок, лишают свободы. Он видел, что большая Памба раздражена и пребывает в смятении. Одно ее желание накладывалось на другое. Она стремилась совершить одновременно два противоположных действия: метнуться в укрытие и поразить нависшую над ней руку. И это парализовало волю змеи. Договор тоже заставлял ее оставаться на месте. Недаром же змеи со всей

округи бесстрашно сползались на здешние поля, где их охраняли и подкармливали свежена-доенным молоком! Ах, как дразнил Памбу его сладковатый вкус! Как чаровали ее лоснящаяся желтизна риса и сочная мякоть плодов! Но и рука пребывала уже в непозволительной близости.

На какой-то непостижимый по краткости пугающий миг они оба застыли: человек и змея. Первым не выдержал человек. Старик прищурился, чтобы унять резь в напряженных глазах, и отвел руку. Он уже знал, что не повторит попытку завладеть Памбой. Слишком уж старым почувствовал он себя и неуверенным перед этой большой коброй! Да и зачем она ему? Разве не стоит в его хижине глиняный горшок с Памбой, пусть и не столь большой, но равно угодной Шиве?

И, не отрываясь от пустых, скупно поблескивающих глаз рептилии, старый жрец отступил и распрямился.

– Прими мое угощение, о кроткая, благородная Памба, – смущенно пробормотал он. – Оно от чистого сердца, и клянусь, что никогда более не нарушу твой покой.

Напряжение разом схлынуло, и старик почувствовал, как дрожит в нем каждая жилка. С новой силой возобновилась стреляющая боль в пояснице.

В зарослях слоновой травы прошелестел ветер. Старик взглянул вверх. Лесистые вершины гор накрывала лиловая тень. Волнистый перламутр неба померк, и первые летучие собаки порывисто заметались вокруг исполинского баньяна. Отовсюду слышался жестяный скрежет цикад. Над самой землей проносились гудящие бронзовые жуки и с тяжелым стуком бились о бамбуковые жерди хижины.

«Не иначе будет гроза, – поежился Рамачарака, – и Сурья гневается...»

Остывающий солнечный шар уже коснулся зубчатого контура непроглядных джунглей. Белая пена скачущего по камням ручья мелькала сквозь тростники тоскливым малиновым светом. Вновь прошелестел, но уже с другой стороны короткий и резкий порыв ветра. От деревни донесся удушливый запах паленого кизяка.

Старик пал на колени и с молитвой проводил светило. Когда оно провалилось за черной, сделавшейся вдруг удивительно плоской стеной леса, обезьяны испустили неистовый вопль, словно оплакивали последний свой день. Но прежде чем тьма сделалась непроглядной, старик поймал скупое свечение остывающего перламутра и тени стервятников, которые устремились к закату, помахивая отяжелевшими крыльями...

Гроза обрушилась после полуночи. Молнии будто подхлестывали одна другую, и небо беспрерывно мигало мертвым трепещущим светом. А вскоре все потонуло в шуме дождя, лопающихся пузырей и жадном чавканье мгновенно раскисшей земли. Неистовство громовых стрел Индры не знало предела. Казалось, что сами горы трещат под их ударами, как пустая ореховая скорлупа. Низвергнутые с вершин потоки устремились в долину, сворачивая по пути камни, ломая опутанные лианой стволы. В считанные минуты все вокруг было залито вспененной водой и, подобно небесной тверди, засверкало яростным металлическим блеском. Но тут же горячая завеса пара, как матовое стекло, смазала все очертания. Остались лишь мутные вспышки, грохот и рев.

Гималайских купцов Лобсана и Пурчуна непогода захватила вблизи перевала. Сначала они решили искать приюта в маленьком храме, посвященном хранителям гор, но все подходы к нему заросли, а продираться сквозь дебри опутанных колючками можжевельников и рододендронов было невыносимо.

– Пойдем лучше вниз, – предложил более опытный и хорошо знавший эти места Пурчун. – Там много пещер, и мы наверняка набредем на одну из них.

– Да сохраняют нас боги в эту лихую ночь! – согласился Лобсан и поспешил вслед за товарищем, который, закрыв рукой лицо от молнии, сошел с дороги и остановился под сосной.

– Того и гляди хлынет! – сказал Пурчун, взглядом выискивая спуск. – Где-то здесь должна быть тропинка.

– Ом-мани-падмэ-хум! – Лобсан только прошептал охранительную формулу, которая, как его учили, годилась на все случаи жизни. – Наши ламы в такую ночь выпускают в помощь путникам небесных коней.

– Слушай больше! – огрызнулся Пурчун, вырывая плащ из когтей ежевики. – Неужели ты и вправду веришь, что бумажные лошадки, которых пускают по ветру монахи, превращаются в живых скакунов? Ты видел это своими глазами?

– Однажды я нашел в горном ущелье оседланную лошадь!

– Где это было? – Пурчун ловко спрыгнул с высокой ступени и остановился, чтобы помочь спутнику.

– В Ладаке. У красной скалы, где нарисован Махакала и стоят пять белых ступ.

– Знаю это ущелье. – Пурчун, прижавшись спиной к нависшему над обрывом камню, обогнул опасное место. – Наверняка лошадь принадлежала какому-нибудь путнику.

– Куда же он тогда девался? – возразил догнавший его Лобсан.

Жители неприступной гималайской страны, где сверкающие хребты царапают небо, а в пропастях стынет синий туман, они не боялись здешних невысоких гор, вершины которых не знают снегов. Даже когда обрушился ливень и по отвесной, поросшей цепкими вьюнками стене хлынули глинистые потоки, они продолжали спускаться все так же уверенно и быстро.

– Куда же тогда девался человек? – вновь спросил Лобсан, когда они присели передохнуть в неглубокой нише.

– Может быть, он упал в пропасть или его утащили духи, – высказал предположение Пурчун. – Но скорее всего лошадь просто убежала вниз с ближайшего перевала... А что ты с ней сделал?

– Как – что? – удивился Лобсан. – Взял себе!

– Даже не попытался отыскать хозяина?

– Зачем? Я был уверен, что это небесный конь, которого послали мне ламы!

– Сказки! Я встречал таких красивых лошадок! – усмехнулся Пурчун. – Они запутались в кроне старого кедра... А человек, чью лошадь ты взял, мог без нее погибнуть.

– Дар богов следует принимать со смирением.

– Шакьямуни⁵ учит нас помогать людям.

– Не будем спорить, Пурчун! – вздохнул Лобсан. – Да минует нас гнев здешних богов. Я тебе говорил, что не следовало продавать лошадей.

Они действительно, выгодно распродав в городе все сто восемь тюков сомы, собранной в сиккимских горах на шестую ночь после полной луны, сбыли и всех лошадей вместе с повозками. Поэтому и возвращались теперь на родину пешком.

– Куда бы ты девался сейчас со своей лошадью? – огрызнулся Пурчун. – К тому же мы взяли за них хорошую деньги!

– Что верно, то верно, – согласился Лобсан. – Мы выручили за своих лошадей чуть ли не втрое.

– Вот видишь! А в Непале мы купим яков и, не успеешь оглянуться, очутимся дома.

– А что они находят в нашей траве, эти прессующие? – Лобсан вынул из-за пазухи ячменную лепешку и, разломив, дал половину товарищу. – Арак, который тибетцы гонят из молока, думаю, окажется покрепче.

– У каждого народа свои обычаи. – Пурчун принялся лениво крошить лепешку, бросая кусочки в рот.

– Это, конечно, так. – Лобсан недобро усмехнулся. – Но ты заметил, как они относятся к нам?

– А как? Купили весь товар и цену дали хорошую.

⁵ Шакьямуни – одно из имен Будды.

– Неужели ты не заметил, как они смотрели на нас, эти дважды рожденные?⁶ Как на нечистых животных! Они брезгали прикоснуться ко мне даже мизинчиком!

– У каждого народа свои обычаи, – упрямо повторил Пурчун. – Они и к своим так относятся. Брахман никогда не сядет есть рядом с крестьянином или купцом. Таков закон.

– Наши ламы ведут себя не так.

– Разные ламы бывают...

– Мы с тобой в глазах брахманов нечисты вдвойне! Удивляюсь, как они пьют потом молоко из нашей травы, – Пурчун засмеялся, – после наших нечистых рук.

– Это их дело.

– Ты прав, Пурчун, что каждый народ живет по-своему, но согласишься, более дурацких обычаев, чем здесь, нет нигде в мире. Только посмотреть, как они покупают сомю, и то можно со смеху надорваться. Коровами расплачиваются!

– И только белыми, – подхватил Пурчун, – а глаза чтобы золотые... Где это видано, чтобы у коров были золотые глаза?

– А им все равно! – махнул рукой Лобсан. – Скажут, что дают тебе за воз травы корову с золотыми глазами, и кончено. Какие они на самом деле, никого не интересует. Чудеса прямо...

– Нам-то что? Коли на базаре можно тут же продать корову...

– Не продать, – наставительно поправил Лобсан, – а обменять. Корову с золотыми глазами сперва меняют на золотую траву, а потом она уже зовется белой, выменивают обратно на белый металл – серебро. Как тут удержаться от смеха?

– Достань из-за пазухи мешочек с серебром и позвени. Сразу станет не до смеха.

– Что верно, то верно. – Лобсан сразу поскущел. – Для себя не так-то много останется! Куда ни ступи, всем надо дать: страже, отшельникам, старосте...

– Ты забыл монастырь, – подсказал Пурчун. – А это как-никак третья доля.

– Думаешь, монахи знают, сколько мы выручили?

– Тут ты, я вижу, не очень боишься надуть богов? – засмеялся Пурчун, довольный, что сумел поддеть приятеля. – И лошадь, как я понимаю, ты тоже ламам не возвратил?

– Что ты! Как можно? – испугался Лобсан. – Я просто так сболтнул. Разве можно обмануть главного ламу, в котором воплотилась душа чудотворца Падмасамбавы? Он все видит наперед, все знает издалека.

– А лошадь у красной скалы? – напомнил Пурчун.

– Что лошадь? Лошадь я продал, – тихо сказал Лобсан и опустил голову.

– Как? Как ты сказал? – Пурчун приложил ладонь к уху. – Повтори! Я не расслышал. – Грохот небесной битвы действительно заглушал нормальную речь. Поэтому они почти кричали друг другу, хотя и сидели бок о бок. – Если ты продал лошадь, то деньги все равно нужно отдать монастырю.

– Как бы нас не затопило! – Лобсан сделал вид, что тоже не расслышал, и указал на несущуюся мимо них воду.

Горные потоки и дождевые струи, плотной тканью срывающиеся со скального козырька, пока не заливали нишу. Рядом находился обрыв, и тропинка слишком круто обвивала гору, для того чтобы вода успевала накапливаться. Она стремительно низвергалась, унося с собой мелкий лесной сор, обрывки ползучих растений, вымытые из расщелин песок и сланцевые плиты. Но если бы где-нибудь внизу образовался затор, спасительная ниша мгновенно превратилась бы в ловушку. Стремительный водоворот просто-напросто вымоет из нее все, что только может стронуться с места. Но выбирать не приходилось. Тропа превратилась в скачущий по ступеням ручей, а с лесистой вершины на нее обрушивались камни, ветки и перепутанные корнями комья земли.

⁶ Дважды рожденный – так называли себя брахманы.

– Будем пережидать. – Пурчун мгновенно оценил положение. – Время дождей еще не подошло, и Ваджрапани⁷ скоро устанет метать свои стрелы.

– Тут мыши! – Лобсан кивнул на кучу сухой листвы. – Или ящерицы.

– Пусть их. – Пурчун собрал с колен крошки и бросил на листья. – Все живые существа нуждаются в приюте.

– И змеи?

– А чем они хуже других? Нам не дано знать, кем они были раньше, кем станут в последующие рождения. Возможно, царями...

– Стихает, Пурчун!

Гроза с рокотом отступала в сторону далекого океана. Больше не лопалось в ушах небо. Молнии вспыхивали все реже, и гром уже не поспевал за ними. Стало слышно, как в туманной мгле грохочут ручьи, разбиваются капли и шуршат в листве дрожащие от холода мыши. Снеговой ветер с родных поднебесных гор осадил туман, и залитые долины замерцали лунным глянцем.

– Хорошо бы огонь развести. – Лобсан поежился. – Одежда совсем промокла.

– Где взять дрова?

– В пещерах тоже не согреешься.

– Подожди до утра. – Пурчун закрыл глаза. – Лучше всего уснуть.

В нишу начали заползать скатившиеся с горы гигантские дождевые черви, темные и жирные, как конская колбаса. Невидимо и неслышно закружились летучие мыши, навевая быстрыми перепончатыми крыльями неодолимый сон. Борясь с оцепенением, Лобсан потянулся почесать шею и спугнул присосавшегося вампира.

– Нехорошее здесь место! – Лобсан толкнул товарища: – На меня напали голодные духи! – Он испуганно поднес к глазам ставшие липкими пальцы. – Уйдем!

– Куда? – с трудом разлепляя веки, сонно спросил Пурчун. – Гора еще не впитала воду.

– Нет, нет, уже можно, – стоял на своем Лобсан.

– Разве? – Пурчун уронил голову на грудь, но тут же встрепенулся и прислушался.

Шум бегущих ручьев утих, и он уловил, как шелестит, распрямляясь, примятый тростник.

В тропическом лесу все совершается быстро: жизнь, смерть. С неуловимым постоянством сменяют они друг друга, создавая обманчивую иллюзию неизменности.

– Давай пойдем. – Пурчун выполз из-под навеса. – Пока вновь не напоздзли сбитые с деревьев пиявки.

Хотя тропа местами сделалась скользкой, а на ровных участках собрались вязкие лужи, в целом она почти не пострадала. Для гималайских жителей спуск не представлял особого труда.

По другую сторону горы им встретился каменный алтарь, окруженный живой, с острыми шипами изгородью. В полукруглом углублении сиротливо увядали цветы. Пучки курительных свечей перемололи термиты.

Повсюду белели привязанные к веткам кустов и деревьев лоскутки с просьбами и молитвами.

Торговцы сомой, сложив руки, возблагодарили неведомых богов за спасение и, оставив на алтаре кусочек серебра, пошли дальше. Перейдя над клокочущей речкой по шаткому мосту из бамбуковых стволов, они увидели вырубленные в скале ступени.

– Скорее всего, эта лестница ведет к пещерам, – сказал Пурчун.

Они сбежали вниз, и за поворотом открылась вся долина. Лунно переливалась мокрая ночь. В блеске воды угадывались террасы рисовых полей, пальмовые кровли навесов, в тени которых обычно отдыхают богомольцы: пьют чай, запасаются сандаловыми свечами и амуле-

⁷ Ваджрапани – гималайский бог-грозовик.

тами. Звезда огня Марс низко висела над горизонтом, и красноватый дрожащий отблеск ее медленно колыхался в лаковом зеркале рисового поля.

Дорога стала более пологой, все чаще начали попадаться лестницы и связанные лианой висячие мостики. На каждом повороте стояли каменные обелиски и жертвенники. Все говорило о близости святых мест.

Но гималайским купцам пришлось довольно долго петлять по горным извивам, прежде чем они увидели небесную арку, за которой туманился непроглядный грот.

– Здесь еще холоднее! – стуча зубами, пожаловался Лобсан, когда они спустились в пещеру.

Пурчун закашлялся в сыром, пропитанном курениями тумане. Красные точки тлеющих свечек сурово подкрашивали тяжелые, почти неподвижные облака. Густой запах можжевельника и сандала слезил глаза. В ушах, словно к ним приставили по большой раковине, гудел прибой. Гималайцы, привыкшие к мертвой тишине пещер, долго не могли понять, откуда идет этот гул. Только различив стеклянный звон отдельных капель, догадались, что к чему. Потом Лобсан заметил, что каменные фигуры богов пропускают свет.

– Что это? – заикаясь от испуга, прошептал он. – Невиданное чудо! Там!

Пурчун, втянув голову в плечи, долго вглядывался в красноватую полумглу. Жгучие огоньки и впрямь просвечивали сквозь статуи, играли в каплях подземного дождя. От этого каменные громады казались совсем невесомыми и почти живыми. В горных монастырях Тибета, Сиккима, Бутана и Ладака Пурчун встречал чудеса и почище. Страшные оскаленные лики гималайских демонов порой преследовали его даже во сне. С чашами крови в руках, перевитые змеями, пляшущие на трупах, они выглядели действительно устрашающе. Но это были его боги. Он знал, что ужасный облик они приняли лишь для того, чтобы защитить людей, в том числе и его, Пурчуна, от злобных духов. Но здесь все выглядело враждебно и чуждо. Хотя ламы и говорили, что вера пришла в Гималаи именно отсюда, из Индии, Пурчун страшился здешних идолов из прозрачного камня. Он хоть и узнавал в них знакомые черты, но близости к ним как-то не чувствовал, напротив – ощущал какую-то подавленность, глухую угрозу. Нет слов, боги его родины были похожи на здешних, часто они выглядели даже страшнее, но от них тем не менее исходило чувство успокоения и просветленности. Пурчун был уверен в их благосклонности, в особом к нему покровительственном отношении. А здесь не так, здесь совсем иное. Он сильно сомневался в том, что боги брахманов встретят его лучше, чем сами брахманы. Он окончательно уверился в своих опасениях, когда почуял сквозь дым курений застарелый запах сомы. Тревожная загадка непонятного цветка, которому в Гималаях не придавали ровно никакого значения, отвлекла его, помешала развеять пещерное наваждение. Разве не находил он у себя в горах всевозможные прозрачные камни – горный хрусталь, который ламы почитают за тайную силу, слоистые, легко распадающиеся на отдельные пластины куски соли, не соленой на вкус?

Но разве может простой человек разумно мыслить под взором тысяч божественных глаз?

– Уйдем отсюда, – хрипло сказал Пурчун, перебирая коралловые четки.

Он так и не приблизился к разгадке тайны пещерного алебаstra.

– Сейчас, – еле слышно откликнулся Лобсан, приподымая покрывало.

Бронзовый Шива в освещении спиральных, долго тлеющих свечей предстал перед ним словно облитый дымящейся кровью. Густые подвижные тени придавали его прекрасному облику выражение свирепости. По крайней мере так померещилось Лобсану, когда он приоткрыл жесткую тапу, по-деревенски выкрашенную охрой. Гордый прямой нос Владыки танца показался ему хищно изогнутым, а грациозная кобра, обвивающая узкий юношеский локоть, настолько перепугала бедного гималайца, что он попятился и грузно сел на могильно-холодную землю.

В этот миг, а может быть и много раньше, как уверяют джатаки⁸, решила его участь.

Алчность оказалась сильнее ужаса. За покрывалом из пальмового волокна он увидел не только разъяренную кобру, которая, развив пружинные кольца, с оскаленной пастью метнулась к нему. Нет, он успел заметить и нестерпимую звезду во лбу бога. Она кольнула его в самое сердце так больно, что он задохнулся и полетел, невидимой силой отброшенный прочь.

Но не было никакой такой волшебной силы. И кобра не сдвинулась со своего места, отлитая раз и навсегда из мертвой бронзы заодно с Натараджей. Лобсан так и рассудил, поднимаясь с земли и потирая ушибленный локоть. Понял, что все лишь почудилось ему со страху. А вот алмаз не почудился...

– Что там? – приседая от ужаса, спросил Пурчун.

Он ясно видел, как полетел спиной вперед, словно пощечину от железной руки получил, его прижимистый компаньон, и приготовился проститься с жизнью. Особенно сожалеть о ней не приходилось. Видимо, за грехи предыдущих воплощений он пришел в мир бедняком и уходит теперь голодранцем в новый круговорот. Авось в следующий раз ему повезет немножечко больше...

– Там, – Лобсан обе руки протянул к занавешенной нише, – там, – сказал он спокойно, – камень чандамани.

– Чандамани? – удивился Пурчун.

Он постепенно успокаивался и уже не столь самоотверженно стремился сменить телесную оболочку. Кто знает, что ожидает человека потом? Ведь что там ни говори, а и в этой жизни выпадали порой приятные минуты. Сейчас же, когда он возвращается домой с солидным барышом, решительная перемена была бы особенно некстати.

– Возьми его! – Лобсан бросился к приятелю. – Ты смелый! И мы не будем знать нужды в деньгах!

– Откуда здесь чандамани? – Пурчун пребывал в раздумье над превратностями перерождений и плохо понимал, чего от него хотят.

– Глаз Шивы, – объяснил Лобсан. – Большой алмаз. Мы продадим его, а деньги разделим пополам.

– Ты, наверное, ошибся и принял за алмаз какой-то другой камень. – Пурчун все еще не осознал, что Лобсан ждет от него каких-то действий. – В деревне Ширале живут бедные люди. Откуда у них такое сокровище?

– Я не ошибся. Посмотри сам!

Пурчун приблизился к нише и робко заглянул внутрь.

Озаренный плавающими в кокосовом масле фитилями, Шива предстал перед ним в лучезарном блеске. Красные огоньки тлеющего можжевельника смягчали победную его улыбку, придавая ей оттенок глубокомысленной грусти. Третий глаз мерцал над бровями, бросая густую винную тень на серп в буйных волосах.

– Грозный бог! – сказал Пурчун, отступая.

– Видел алмаз?! – бросился к нему Лобсан.

– Кажется, – осторожно отстранился от него Пурчун. – Положи немного серебра на его алтарь.

– Потом, – нетерпеливо зашептал Лобсан. – Сперва нужно взять чандамани.

– Ты хочешь взять у него глаз? – ужаснулся Пурчун и прижал к сердцу четки. Только теперь он окончательно осознал, на что склонял его земляк. – Ом-мани-падмэ-хум! – поклонился он занавесу. – О драгоценность на лотосе! Сохрани нас!

– Ты куда? – спросил Лобсан.

⁸ Джатаки – собрание буддийских легенд.

– Надлежит чтить всех богов, – покачал головой Пурчун, птясь к выходу из пещеры. – Я пойду один.

Лобсан оцепенело проводил его сумасшедшим взглядом. Он хотел кинуться за ним вслед, закричать и остановить; нет, не остановить, а вместе уйти, но так ничего не сказал и не сделал. Мысль о том, что Пурчун оставляет у него все свое серебро, прихлынула к нему тяжелым расслабляющим грузом.

...Пурчун покинул пещеру незадолго до рассвета. Он в последний раз обогнул гору Благоуханий и, оставив спящую деревню по правую руку, углубился в тростники. Потом извилистая тропа привела его к черной, грохочущей по осклизлым камням реке. По раскачивающемуся подвесному мосту он перешел на другой берег, и вновь сомкнулся за ним исполинский тростник. Так и шел он, не оглядываясь, без страха переступая звериный след, пока извилистая тропа не вывела его к свайной хижине.

Старый брахман в это время уже совершал омовение перед праздником нагов.

Заметив в щелях свет, Пурчун свернул к хижине, чтобы попросить еды и приюта.

Но брахман Рамачарака смог, не оскверняя касты, только накормить странника. Он дал ему чашку рису и напоил кислым молоком.

– Отдохнуть ты сможешь в деревне, в хижине гончара, – сказал жрец, когда гость насытился. – Найдешь деревню?

– Найду, добрый человек, – ответил Пурчун.

– Пойдем вместе, – решил брахман. – Мне все равно надо туда. – Он взял горшок с коброй и стал спускаться по скрипучей бамбуковой лесенке.

Пурчун, прислонившись к свае, благодарно смотрел на него снизу и протягивал пустую половинку кокоса и кринку из-под молока.

– Посуду можешь взять себе, – проворчал жрец.

И они отправились в деревню через джунгли.

А следом за ними, тяжело дыша от усталости и страха, на поляну вышел Лобсан. Свайной хижины он не заметил, так как узкие щели в бамбуке уже не заливал теплый свет масляной плоскости. Вокруг был враждебно притаившийся лес, откуда долетал душераздирающий хохот ночной птицы. Но ждать до рассвета оставалось недолго, и Лобсан, заметив по правую руку смутно темнеющий конус термитника, устремился к нему, чтобы передохнуть на сухом месте. Он опустился на землю, так и не разжимая потного кулака, и вдруг увидел рядом с собой большое блюдо с холодным рисом и очищенными плодами. Переложив горячее сокровище из правой руки в левую, он стал жадно есть, давясь и содрогаясь от кашля, так как рис попадал ему в дыхательное горло.

Здесь и встретила его Нулла Памба, возвращаясь к себе в нору после ночной охоты.

Двуногий, которого она встретила возле своего дома, сидел на самой дыре и мешал ей войти. Он вел себя непочтительно, поедая посвященное ей приношение, и нарушал закон. Судьба пришельца была решена. И кроткая Памба убила его бесшумно и ловко.

Корчась от судорог, он уполз в джунгли, но скоро замер там, в непролазных зарослях слоновой травы.

Зажатый в руке алмаз он так и не выпустил.

Санкхья – перечисление

Глава первая. Лягушка по-королевски

Проснувшись поутру за пять минут до будильника, Люсин с удивлением обнаружил, что ему нечего делать. Пришло воскресенье, и запущенная на полный ход розыскная машина резко сбавила обороты. Приостановилась работа в лабораториях НТО, уехал в Можженку директор НИИСКА, даже больничную карту из академической поликлиники на улице Ляпунова и то нельзя было запросить по случаю выходного, будь он неладен, дня. Перспектива провести воскресенье в раскаленном, затуманенном гарью городе не радовала. Люсин с сожалением подумал о расстроившейся поездке в Малино. Одиночество подстерегало его, одиночество и безделье... Все, кто только мог, еще в пятницу выбрались на природу.

Едва дождавшись восьми часов, когда, по его мнению, было удобно звонить отдыхающим людям, он схватился за телефон. Снятая трубка долго тревожила непрерывным требовательным гудом. Но он так и не набрал номер. И в самом деле, кому он мог позвонить? Генрих готовился к приятному вояжу на Средиземноморское побережье, Володя лихорадочно вымучивал каждое слово ответственной передовой, а вольный художник Юрка, можно голову дать на отсечение, создавал кулинарные шедевры на вольном воздухе.

Люсин пустил душ и, чтобы убить время, простоял под тепловатым дождичком до отращения долго. Потом обстоятельно побрился электробритвой «Эра», затем переключил рабочую головку и подровнял виски. Надев белые джинсы и легкую теннисную рубашку, босиком зашлепал в кухню. Распахнув миниатюрный холодильник «Морозко», долго и печально созерцал открывшуюся ему арктическую пустыню. Кроме кусочка заплесневелого сыра и огрызка салами, ничего достойного внимания не нашлось. Разве что бутылка «Жигулевского». Но на жестяной пробке было выбито четырнадцатое число, а пиво десятидневной давности, хотя и холодное, не вдохновляло.

Сокрушенно вздохнув, Люсин взял банку растворимого кофе и зажег газ вскипятить воду. Делал он все это почти механически. Сознание было раздвоено и заторможено.

«Что же это я? – спохватился он. – О чем? Ах да, надо бы позвонить... Но кому?» И пластинка пошла на новый оборот.

Он вновь перебрал немногочисленные варианты. Мимолетно подумал, что примерно так же надывается в бесплодных поисках электронный мозг, который они с Гурием травмировали явно непосильной задачей.

«Ну посуди сам, куда и кому ты будешь звонить? Другам не до тебя, а знакомых, которых бы хотелось увидеть, вроде не находится. Что же остается?»

Он снял со спинки стула пиджак и, ощупав карманы, нашел записную книжку. Бегло пролистал ее, задерживаясь изредка на женских именах.

«Никогда не надо звонить по телефону, номера которого не помнишь наизусть, – занялся он аутотерапией. – Звони только тем, кого всегда помнишь, о ком постоянно думаешь. Договаривались? Ну и великолепно! Отчего же не звонишь? Знаешь, что милые тебе люди сегодня вне пределов досягаемости? Тогда выбрось всю эту суету из головы и спрячь телефон под подушку».

Поддев ножом крышку, он раскрыл банку и бросил в кипяток две чайные ложки кофейного порошка.

«Юрка убил бы меня, если б знал, что я пью из граненого стакана». Сахара в доме не оказалось, и Люсин утешил себя тем, что истинные гурмэ никогда не сластят кофе.

Наскоро проглотив кофе, он позвонил Березовскому.

- Да! – ответил заспанный голос.
- Привет, Юр. Я тебя не разбудил?
- Нет... Но почему так безбожно рано?
- Прости ради аллаха, но я думал, что ты уже встал.
- Что-нибудь срочное, отец?
- Я без всякого дела. Просто захотелось потрепаться.
- Поговорить за жизнь?
- В этом духе.
- Какие у тебя планы?
- Сначала, Юр, подзаправиться. В доме ни крошки.
- И у меня! Жена, понимаешь, за городом, а я застрял.
- Так, может, сообразим чего-нибудь?
- Пустой номер, старик... Сейчас сколько времени?
- Восемь тридцать пять.
- Вот видишь! Рестораны открываются только в двенадцать, а столовые летом – это сущий ад. Тут я, благодетель, пас. И зачем только ты меня так рано разбудил?..
- Давай, Юр, купим хлеба, молочка, а потом завалимся куда-нибудь наВДНХ или в Сокольники.
- Нет, старик, «Океан» или там «Золотой колос» меня не прельщают. Кончилось кулинарное искусство в Москве, кончилось. Нет больше хорошей кухни... Если хочешь, мы бы могли сварганить что-нибудь сами.
- С радостью, Юр!
- Но на рынок пойдешь ты?
- Согласен. По пути к тебе могу заехать на Тишинский или на этот... как его... в сторону Марьиной рощи.
- Минаевский?
- Верно, Минаевский...
- Нет, кормилец, никаких Тишинских, а тем более Минаевских. Отправляйся-ка ты на Центральный.
- Как прикажешь. Что купить?
- А чего бы тебе хотелось?
- Мяса, Юр, какого-нибудь... и побольше.
- Хорошо... Сделаем филе-миньон с грибами. Купи хороший кусок филейной вырезки и три кучки белых грибов... Деньги есть?
- Полный порядок, Юр. Что еще надо?
- Что еще? Белое сухое у меня есть, мука и специи тоже... Да, вологодского масла возьми и сметаны, но только густой. Вырезка, имей в виду, должна быть толстой, не меньше пяти сантиметров. И не забудь лук.
- Зеленый?
- Репчатый, отец, репчатый, притом синий.
- Вас понял! Буду через час.

Люсин с легким сердцем откупорил пиво и, весело пританцовывая, осушил бутылку. На душе было легко и беззаботно. Нашарив под диваном серые плетеные мокасины, он спешно обулся. Хозяйственной сумки у него не было, авоську он где-то посеял, и потому ничего другого не оставалось, как схватить портфель.

– «Уходим под воду в нейтральной воде...» – пропел он, сбегая вниз. Через час он уже был на Лесной, в уютной, но крохотной, как камбуз на самом завалившем лихтере, кухоньке.

Пока Юра тушил грибы и доводил до коричневого колера муку, Люсин слопал кусок батона с маленьким красным перчиком, который украдкой отщипнул от висевшей на стене

связки. Перчик оказался дьявольски коварным, и Люсин первое время не мог даже закрыть рот, до того все горело. Но, к счастью, Юра вовремя велел достать из холодильника вино. Люсин ловко извлек тугую длинную пробку и как следует приложился. Только тогда ему полегчало.

– Кисловато. – Он еле перевел дух. – Еще не укус, но уже не вино.

– Варвар, – укоризненно взглянул на него Березовский. – Кто так пьет? Это же настоящее бадашонское! – Он заткнул бутылку специальной дырчатой пробкой и обрызгал мясо, которое пустило уже на сковородке розовато-коричневый сок. – Сейчас закипит, и блюдо будет готово! Запах-то чувствуешь, старик? Божественно!

Вопреки всем правилам этикета они при молчаливом попустительстве Березовского ограничились минимальной сервировкой. Филе-миньон ели прямо со сковородки, стоя у плиты, а знаменитое венгерское вино поочередно допили из бутылки. Потом Юра долго и со вкусом объяснял, как это следовало бы проделать по всем правилам.

– Ты очень интересно рассказываешь, – удовлетворенно вздохнул насытившийся Люсин, – но ведь это чистая случайность, что мы застряли в городе. Представь себе, что мы пируем где-нибудь на лужайке, у костра...

– Только это нас и оправдывает. Кинем морского, кому мыть?

Жребий пал на Люсина. Он бросил сковороду в мойку, пустил горячую воду и вооружился капроновой щеткой.

– Что пишешь? – спросил он, принимая из рук Березовского кухонное полотенце.

– Историко-приключенческую повесть.

– Из какой жизни?

– Средняя Азия. С первого по тринадцатый век.

– Почему именно этот промежуток?

– Интереснейший период! Огнепоклонники. Распространение буддизма из Индии. Смешение культур. Бактрия. Кушанское царство.

– Мне это, прости, ничего не говорит. Профан.

– Я пока тоже. Но читаю. Скоро буду на уровне.

– Удивительный ты человек, Юр! Каждый раз хватаешься за новое. Другие писатели десятилетиями на одной теме сидят, а ты носишься по эпохам и континентам. Порхаешь, так сказать...

– Так ведь интересно! Скучно мне одно и то же пережевывать, понимаешь? На освоенном материале работать, конечно, легче, но тоскливо как-то... Нетерпение меня подстегивает все время, старик, нетерпение. Точнее слова не нахожу... Нет, не любопытство это, а именно нетерпение... Хотя и любопытство, конечно, тоже.

– Очень логично, сэр. Но я тебя, кажется, понимаю. А чем все-таки ты объяснишь свой выбор? Ну, допустим, тебя гонит нетерпение, жажда нового, скажем, и ты бросаешься на поиски чего-то непривычного, экзотического. Но выбор? Чем продиктован твой выбор? Почему вдруг Средняя Азия, а не Центральная Америка?

– Я написал уже книгу «Золото инков».

– Ах да, помню, прости... Ладно, пусть не Америка – Африка. Чем тебе не нравится государство Бенин?

– Я не был в Африке.

– А в Америке был?

– И в Америке не был, – рассмеялся Березовский. – Только уж очень интересной показалась мне история о пропавших сокровищах инков. Написать захотелось... Зато в Средней Азии бывал не раз. В Бухаре, Самарканде, Хиве, Термезе, даже в Шахрисабзе, где родился Тимур... А на тему натолкнулся случайно. В прошлом году Генка Бурмин пригласил меня на раскопки в Курган-Тепе.

– Гена уже ведет раскопки? – удивился Люсин. – Я думал, он еще в аспирантуре учится...

– Одно другому не мешает... Аспирантуру он уже два года, как закончил. В кандидаты вышел. Раскапывает теперь буддийский монастырь Аджина-Тепе.

– Интересно...

– Очень интересно, старик! Домусульманский период в истории нашей Средней Азии – сплошная нераскрытая тайна. Если бы ты видел эти древние развалины в пустыне! Блеск черепков в лунном свете! Облупленные фрески... Таинственные ступы... А сама пустыня? Особенно весной, когда море тюльпанов и ветер от зацветающей полыни зеленый и горький! Эх, даже сердце сосет, до того хочется снова все повидать.

– Ну и поезжай себе на здоровье. Уверяю тебя, что в Каракумах сейчас ненамного жарче, чем тут. И гари этой нет.

– Гари! – усмехнулся Березовский. – Там воздух сух и ароматен. Он прозрачен, как горное озеро в Шинге. С холма открывается необозримый вид на далекие горы, тонкий контур которых словно висит между землей и безоблачным небом.

– Осваиваешь тему, чувствуется.

– Думаешь, я шучу?

– С чего ты взял? Я ведь тоже кое-что повидал... Ты сейчас рассказывал, а у меня перед глазами пустыня стояла, черный щебень, пыльные скалы Памиро-Алая, серые развалины в зарослях саксаула. Так что я тебя вполне понимаю. Будь я на твоём месте, махнул бы куда-нибудь в Ургенч либо в Хорог... Кумысу бы испить!

– «Махнул!»! А работать кто за меня будет? В архивах копать? По музеям рыскать? Нет, мне пока рано ехать.

– Не горюй! Закончишь свои разыскания и махнешь. Каких-нибудь пять часов на самолете, и все дела. Ни виз не надо, ни пропусков... Гена, значит, монастырь буддийский раскапывает... А Мария как? По-прежнему в «Аэрофлоте»?

– Не знаю. Они ведь разошлись, братец, и, кажется, уже давно, чуть ли не в позапрошлом году.

– Разошлись? Но почему?!

– Откуда я знаю? Разошлись, и все...

И тут «картинка» у Люсина в голове возникла. Ночная вода, черная, неподвижная. Белый пар над ней стелется, колышется изредка под легким дуновением ветра. Тяжелые, наполненные лунным сиянием капли скатываются с нависающих листьев и трав. Сонными кругами разбегаются фосфорические шарики по лакированной глади. Невидимые паутинки то вспыхивают тончайшими лучиками, то угасают в непроглядной тени. Совы кричат и болотные выпы. Летучая мышь кувырается в вышине, и диск восходящей луны пепельно туманится, заслоненный на мгновение перепончатым крылом. Но вдруг задувает ветер сильнее. Холодный туман гонит с лесных оврагов и медвяных лугов. И вот уже все утонуло в холодном облаке, и только луна еще лоснится сквозь колышющиеся волокна расплывчатым сальным пятном. Но вскоре и она меркнет. И никто не увидел и не услышал, как всплеснула за туманом сонная вода.

«К чему бы это?» – подумал Люсин.

– Ты чего? – Березовский удивленно взглянул на Люсина. – Ну и видок у тебя, отец!

– А? – Люсин с трудом возвращался к действительности. – Чего?

– Да ничего! Просто ты был вылитый роденовский «Мыслитель» с некоторым налетом ротозейства.

– Праздничного верблюда, начиненного барашками, ел? – спросил Люсин, чтобы перевести разговор.

– Что там верблюд! – пренебрежительно фыркнул Березовский. – А лягушку по-королевски ты пробовал? То-то и оно! Знаешь, как ее готовят? – И, не дожидаясь ответа, принялся объяснять, смакуя подробности: – Берут зеленый кокос и, не срывая его с пальмы, подрезают один из трех ростков. Потом сверлят в этом месте крохотную дырочку и пускают в орех маню-

сенького головастика. Понимаешь? Дырку не замазывают, чтобы он не задохся. Соображаешь? Через три месяца головастик вырастает в здоровеннейшую тропическую лягушку, всю как есть пропитанную кокосовым молоком. Тогда ее жарят во фритюре и соответственно употребляют по назначению. Причем всю целиком, а не только лапки, как обычно. Это объедение! Воздушный поцелуй храмовой танцовщицы!

– Впечатляет.

– Эх, только на Востоке еще остались кое-какие чудеса в наш рациональный век проблемы окружающей среды.

– Полагаешь? – меланхолично осведомился Люсин.

Глава вторая. Проба сил

Утро понедельника преподнесло Марку Модестовичу Сударевскому несколько неприятных сюрпризов. На станции «Планерная», где находился его научно-исследовательский институт, он поскользнулся и чуть не упал в оставшуюся после ночной грозы мутную глинистую лужу. Неуклюже взмахнув над головой туго набитым портфелем, он сорвал с себя очки, которые тут же исчезли в желтой воде. Только чудо помогло ему сохранить равновесие и устоять на ногах. Но светло-серый, в мельчайшую клетку костюм «столетие Одессы» покрыли отвратительные охряные брызги. А потом Марку Модестовичу пришлось нашаривать в луже очки.

Беда не приходит одна. Едва он появился в дверях лаборатории, как заплаканная Дагмара Петровна ошарашила его новостью, что гигантский кристалл циркона, который они бережно выращивали шестнадцать недель, окончательно запорот. Но не успел бедный Марк Модестович даже задуматься над возможными последствиями неудачи, как на его столе затрещал внутренний телефон. Звонила секретарша директора Марья Николаевна. Игнорируя вежливый лепет приветствий, она сугубо официально предложила старшему научному сотруднику Сударевскому подняться к Фоме Андреевичу. И это было самой худшей из всех свалившихся на него в то утро невзгод. Он мог лишь гадать, как и когда провинился перед директором, поскольку ничего, кроме разноса, от встречи с ним не ожидал.

Марк Модестович надел халат, что сразу же придало ему деловой, энергичный вид и несколько прикрыло изъяны пострадавшего костюма. Отмыв помутневшие от подсыхающей глины очки в тонкой золотой оправе и протерев их замшей, он вышел в коридор. Для успокоения нервов достал сигарету, ломая спички, кое-как прикурил и сделал несколько торопливых затяжек. Швырнув окурки в фаянсовую урну, зашел в туалет причесаться перед зеркалом. Его смоляные вьющиеся волосы не нуждались в расческе, и он только пригладил их рукой. Видом своим остался недоволен. Лицо бледное, осунувшееся, под глазами нездоровые тени. На всякий случай проглотил таблетку ношпы.

Войдя в приемную, он поклонился Марье Николаевне и тихо присел в самом дальнем углу, между канцелярским шкафом и столиком с кофеваркой. Секретарша едва заметно кивнула в ответ, не отрывая глаз от машинки. Печатала она двумя пальцами, но ловко и очень быстро.

Закончив лист, она разложила копии и отделила копирку, потом замкнула ящик стола и, прихрамывая, как подбитая утка, скрылась за зеленой кожаной дверью. Потянулись минуты ожидания. Несколько раз звонил телефон, но Марк Модестович не знал, как ему быть: то ли снять трубку и услужливо доложить потом о звонке секретарше, то ли отстраниться. Решил, что лучше инициативы не проявлять.

Вернулась Марья Николаевна и, ничего ему не сказав, уселась разбирать почту. Надрезав сбоку очередной конверт, бегло проглядев письма, она соединила их скрепкой. Некоторые пакеты оставались нетронутыми и шли в специальную папку, где золотом было вытиснено: «Лично». Марка Модестовича она, казалось, не замечала вовсе.

Когда он промучился уже достаточно долго и готов был напомнить о себе легким покашливанием, она вдруг сказала, кивнув на дверь:

– Пройдите к Фоме Андреевичу.

Марк Модестович торопливо вскочил, засуетился и, зачем-то пригнувшись, вошел в кабинет. Но здесь было пусто. Холодно сверкала полировка стола для заседаний, оловянный отсвет затянутого мглой неба дрожал в узорчатых стеклах книжных шкафов. Марк Модестович нерешительно замер на пороге. Необъятный кабинет всегда подавлял его своим сумрачным неприступным величием. Теперь же, когда Фома Андреевич пребывал в задней комнате, в которой закусывал или отдыхал на диване, Сударевский почувствовал себя еще более неуютно.

В ожидании выхода Фомы Андреевича он приблизился к огромной, во всю стену, карте Союза, на которой трассами из рубинового полистирола были обозначены связи НИИСКА с городами страны, и стал изучать прихотливую береговую линию далекой Якутии.

Фома Андреевич появился с бумажной салфеткой в руках. Промокнув чувственные, капризно опущенные уголками вниз губы, он указал Сударевскому на ближний от своего кресла стул. Марк Модестович схватился за спинку и, почтительно склонив голову, подождал, пока сядет директор. Фома Андреевич уже было опустился в кресло, но вдруг встал, вышел из-за стола. Помедлив, он смахнул с пиджака хлебные крошки и протянул Сударевскому руку.

– Здравствуйте... э... Марк Модестович. – Директор скомкал салфетку и бросил ее в пепельницу, выточенную из массивной глыбы горного хрусталя. – Давно собираюсь с вами побеседовать... да, давно. Вы ведь у Ковского работаете?

– Совершенно верно, Фома Андреевич. – Сударевский инстинктивно спрятал ноги дальше под стул, хотя директор никак не мог увидеть со своего места запачканные глиной брючины. – У Аркадия Викторовича.

– Так-так... – пробормотал директор, не реагируя на приглушенное жужжание селектора. – У Аркадия Викторовича. – Он задумчиво поиграл ослепительно синей сапфировой призмой. – А где сейчас ваш Аркадий Викторович?

– Простите? – Весь напрягшись, Сударевский подался вперед.

– Я спрашиваю, – директор поморщился, – где находится в настоящее время Аркадий Викторович?

– Не знаю, Фома Андреевич... Дома, видимо, или на даче. Если разрешите, я могу позвонить, узнать. – Он выжидательно привстал.

– Не стоит. – Директор вяло махнул рукой и, откинувшись в кресле, расстегнул две пуговицы на жилете. – Мы с вами, как положено, на рабочем месте находимся, а Ковский – на даче, видите ли... У него разве отпуск?

– Аркадий Викторович дома работает... – тонко улыбнулся Сударевский и многозначительно добавил: – Иногда.

– Учителя защищаете? – хмыкнул директор.

Марк Модестович с покорной улыбкой развел руками. Он осмелел и принял непринужденную позу.

По всему было видно, что неудовольствие Фомы Андреевича направлено не в его адрес. Неприязнь директора к шефу была общеизвестна. Лично Сударевскому это ничем не грозило. Напротив, при благоприятных обстоятельствах можно было даже кое на что и рассчитывать. Главное, не проглядеть нужный момент, уловить с полуслова намек.

– Что молчите-то?

Сударевский опять лишь руками развел.

«Что я могу вам ответить, Фома Андреевич? – заклинал он умоляющим взором. – Вы, как всегда, правы, но Аркадий Викторович действительно мой учитель, а я порядочный человек, и... неужели вы сами не понимаете двойственность моего положения? Нет, нет, вы, конечно же, все понимаете...»

– Не понимаю я вас, Марк Модестович, – нахмурился директор. – И как вы работаете в такой обстановке?

– Сегодня я узнал, что запороли монокристалл циркона. – Сударевский озабоченно помрачнел.

Нет, он не отвечал прямо на вопрос директора. Скорее, просто делился с ним заботами лаборатории, не считая для себя возможным что-либо скрывать. Даже самое неприятное.

– Ну, вот видите! – возмутился Фома Андреевич, хотя и не был в курсе таких отдельных частностей, как какой-то там монокристалл. Как будто не было у него других, куда более

важных забот. Мало ли этих кристаллов выращивают у него в институте! Но непорядок есть непорядок. За него надо строго взыскивать. – Час от часу не легче!

Марк Модестович только вздохнул. Не его вина, если директор чисто деловое сообщение его принял как ответ на вопрос об условиях работы в лаборатории. Никто не может требовать от него, Сударевского, большего. Он и так выгораживал шефа как мог. Упомянув о цирконе, он подставлял под удар прежде всего самого себя, поскольку являлся ответственным исполнителем темы. Фома Андреевичу это, вероятно, известно. А если нет, то тут он, Сударевский, тоже не виноват. Не стучать же себя кулаком в грудь: не вели, мол, казнить, а вели миловать.

– Я отсутствовал в институте почти всю неделю, Фома Андреевич, – как бы между прочим пояснил Сударевский. – В среду я был в Панках, а четверг и пятницу провел в патентной библиотеке. Дело в том, что Комитет по делам открытий и изобретений...

– О ваших открытиях потом, – досадливым жестом оборвал его директор. – И вообще, почему я должен разговаривать о сложившейся в лаборатории нездоровой обстановке с вами, а не с заведующим?

– Простите, Фома Андреевич! – проникновенно откликнулся Сударевский. – Простите! – Кого и за что надобно было простить, он не уточнял.

Директор с некоторым удивлением посмотрел на него, прищурился с вялым раздражением, но вдруг прояснил взором, как будто набрел на интересную идею.

– Не берите на себя чужие грехи, Марк Модестович. – Он снисходительно улыбнулся. – Где Аркадий Викторович, вы, значит, не знаете?.. Так! – Он отшвырнул призму и поманил Сударевского придвинуться поближе. – Тут вот какое дело... – понизил голос Фома Андреевич.

– Слушаю, – с готовностью прошептал Сударевский, подавшись вперед.

– Ваш Аркадий Викторович вроде бы как пропал.

– Как так пропал?! – воскликнул Сударевский и даже подпрыгнул от неожиданности. – Не может быть!

– Все может быть, абсолютно все, – авторитетно заверил его директор. И, чеканя слова, холодно и сухо пояснил: – Гражданин Ковский исчез при загадочных обстоятельствах и разыскивается в настоящее время компетентными органами.

И такое отчуждение чувствовалось в его словах «гражданин» и «компетентные органы», что Сударевский только ахнул. Будь на его месте какая-нибудь верующая старушка, она бы перекрестилась, но Марк Модестович смог выразить всю гамму охвативших его чувств лишь болезненным стоном.

– Что же это, Фома Андреевич? – прошептал он со слезами на глазах. – Как понимать?

– Пока ничего точно не известно. Но я связался... Надеюсь, вы меня понимаете?.. Одним словом, я отдал распоряжение провести тщательное расследование. Видимо, уже сегодня к нам приедут наделенные специальными полномочиями люди... Имейте в виду, Марк Модестович, что я сообщаю вам информацию совершенно конфиденциального характера, только для личного сведения.

– Конечно, Фома Андреевич, – Сударевский прижал руку к сердцу, – какие тут могут быть разговоры. Я все понимаю.

– Очень хорошо, – одобрил директор. – Постарайтесь усвоить и другое... В создавшихся условиях, для вас это должно быть очевидным, лаборатория не может оставаться без руководителя... даже по чисто формальным соображениям... Мне кажется, что в качестве врио заведующего лучше всех подходит именно ваша кандидатура.

Сударевский ощутил прилив горячей крови к щекам и приятное обмирание сердца. Предчувствие явно не обмануло. Но он никак не ожидал, что все случится так скоро. Не знал, плохо это или хорошо. Шевельнулась соблазнительная мысль, что чем скорее, тем лучше. Он уже готов был пробормотать какую-нибудь приличествующую случаю нелепицу.

«Достоин ли я, Фома Андреевич? – вертелись на языке готовые фразы. – Смогу ли?.. Спасибо вам за доверие... Постараюсь оправдать... Не знаю лишь, насколько этично...»

Но острая догадка внезапно парализовала этот поток благодарственных, полных ложной скромности слов, не дала ему пробиться наружу.

– Извините меня, Фома Андреевич, – с усилием произнес Сударевский, – но пока о судьбе Аркадия Викторовича не станет известно более определенно, я не смогу, пусть даже временно, занять его место.

– Бойтесь, обвинят в том, что подсидели учителя? – с неожиданной прямоотой спросил Фома Андреевич.

– Боюсь, – честно признался Сударевский. – Но не это главное. Когда все прояснится, а я уверен, что так оно и произойдет, мне будет трудно взглянуть Аркадию Викторовичу в глаза.

Фома Андреевич ничего не сказал и лишь оглядел Сударевского зорко и недоверчиво.

– Вы уж поймите меня, – пробормотал Марк Модестович, угнетенный тяжелым молчанием.

Он отчаянно стремился не промахнуться, не отрезать своим вынужденным отказом пути назад.

– Ваши чувства похвальны, Марк Модестович, – пухлые губы Фомы Андреевича сложились в ироническую улыбку, напрочь опровергавшую смысл произнесенных слов, – но дело есть дело. Оно не располагает к сантиментам.

– Может быть, некоторое время спустя... – Сударевский отчаянно хватался за ускользающую возможность, но не находил нужных слов. – Вы же знаете, Фома Андреевич, что значит для меня работа, институт... Вот если бы неофициально...

– Детство какое-то! – фыркнул директор. – Вы что, только на свет народились? Назначение врио заведующим лабораторией проводится приказом, как положено, с выплатой разницы в зарплате... Думаю, что здесь, как и в печальной истории с вашим, точнее, Аркадия Викторовича, открытием вы проявляете ложную принципиальность и, скажу вам прямо, недальновидность... Но вам виднее, вам виднее. Как говорится, вольному воля.

– Я глубоко раскаиваюсь в истории с открытием, – сказал, как в омут кинулся, Сударевский.

Фома Андреевич насупил кустистые, с заметной сединой брови и вновь исподлобья глянул на Сударевского.

Марку Модестовичу даже показалось, что в серых холодных глазках директора промелькнуло недоумение. Шевельнулось желание все немедленно объяснить, откровенно обо всем договориться. Только как? Полностью открыться Фоме Андреевичу было бы, мягко говоря, опрометчиво, а половинчатость могла лишь усилить его недоверие.

Но, видимо, интерес директора к своему старшему научному сотруднику был настолько силен, что Фома Андреевич решил хотя бы лишь для начала столкнуться там, где это окажется возможным.

– Глас разума, даже запоздалый, всегда приятно слышать, – пошутил он и выжидательно замолк.

– Вам, лично вам, Фома Андреевич, – Сударевский легко взмахнул рукой, словно соединил свое и директорское сердца невидимым проводом, – могу признаться, что всегда недоброжелательно относился к этой затее. Я имею право так говорить, потому что шел с Аркадием Викторовичем до конца. Это во-первых... А во-вторых, директору подобных слов обычно не говорят, я в вас, Фома Андреевич, всегда видел мудрого и снисходительного наставника. Я, вы же знаете, не карьерист, и мне незачем прибегать к недостойной нас обоих лести, но против очевидности не попрешь. Я вырос в вашем институте и, развивая ваши в конечном счете идеи, добился кое-каких, пусть скромных, успехов... Аркадий Викторович человек очень увлекающийся, безусловно талантливый, но, опять-таки только для вас, абсолютно лишенный кри-

тического начала. Мне, конечно же, следовало уговорить его не торопиться с оформлением открытия, подождать, лишний раз все перепроверить, а я вместо этого покорно пошел у него на поводу.

– Чем, кстати, прежде всего навредили себе самому.

– Конечно, – с готовностью согласился Сударевский. – На меня посыпались все шишки, потому что... как бы это поточнее сказать... Аркадий Викторович несколько оторван... от жизни. Но я не жалею. Кроме себя, винить мне некого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.